Summer Harbour

II

علیشیر نوائی
НАВОИЙ
525
ALISHER

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

СОКРОВИЩНИЦА МЫСЛЕЙ

II

ТАШКЕНТ·1969

(Узб) 1
Н 15

Редколлегия

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Составитель и редактор тома
Х. С. Сулейманов

Оформление Народного художника Узбекской ССР
И. И. Икрамова и П. Д. Воронкина

7-4-3
Подп. изд.

ГАЗЕЛИ

ЧУДЕСА ДЕТСТВА

Коль на встречу надежды горит огонек для меня,
Мне беда — не беда, дальний путь — не далек для меня.

Град насмешек-камней, что бросает шалунья, смеясь,—
Стая сов, заселивших забытый чертог,— для меня.

Грезит праведник раем, я — образом пери моей,
Розы рая — ему, розоликий цветок — для меня.

Лишь увижу ее — и рассудок теряю совсем.
Каждый взгляд ее ранит — он словно ожог для меня.

Лижут раны мои ее псы, благодарен я им:
Исцеления способ такой не жесток для меня.

Чашу, кравчий, подай, я как в зеркало буду глядеть,
Чтобы лик красоты в ней возник хоть разок для меня.

Кравчий чашу поднес — как зуннаром опутал мой стан,
Четки, шейх, убери — в них какой теперь прок для меня?

О любовь, мою жизнь ты дыханием смерти овей:
Самомненье и гордость любимой — силок для меня.

Нынче верность не ценят. Измены жестокой моей
Каждый час, каждый миг будто острый клинок для меня.

Навои, в мире нужно немного — вино и любовь,
А другое все прах лишь — вот жизни итог для меня.

В гиацинтах кос твоих мускус найден мной давно,
Ясно мне, что праху быть возле мускуса грешно.

Спеленала ты мне душу паутиною ресниц,
Муха я, а ты — паук, у тебя в душе черно.

Чуть уйдешь в закат пурпурный, как начну я слезы лить,
Словно молнией сверкну, дабы не было темно.

Ждут, как зернышки в гранате, семена любви в душе
Губ, которым их растить и лелеять суждено.

Ты мне в грудь швырнула камень, чтобы сердце разбудить,
И твердишь, что сердцу сна, мол, от рожденья не дано.

Океан небесной сферы не имеет берегов,
Всем, кто вверится волне, суждено увидеть дно.

Если милая помянуть не захочет Навои,
Помянут его друзья, мертвецу-то все равно!

Принял от людей немало я на этом свете мук,
Но пока ее не знал я, мог и не заметить мук.

Отвратить судьбы удары как сумею, если мне
С мукой довелось спознаться, где не ждал я встретить мук.

Вижу я ежеминутно тьму мучений там и тут,
Все же должен боль разлуки прежде всех отметить мук.

Как летят в долине стрелы на затравленных зверей,
Так летят в меня упреки,— не порвать мне сети мук.

Коль тревожат мое сердце даже локоны ее,
Не скрываю беспокойства, не держу в секрете мук.

О пойми, никто не может увеличить мою боль,
Убежден — у нас в отчизне нет страшнее этих мук!

От капризов луноликой, как от пыток я горю,
Корчусь в муках — нет, я знаю, злейших на планете мук!

Это не по-мусульмански — так несчастного терзать,
Превращать минуту боли в целое столетье мук!

Навои, коварной пери отдал тело ты и дух.
На недуг любовь похожа — ты исхлестан плетью мук!

Если б в водах отразились рядом с ней мои черты,
Где б те воды ни струились — расцвели б вокруг цветы.

О кудрях мечтаю нежных, вспоминаю стройный стан,
И, как облака по небу, чередой плывут мечты.

От сиянья луноликих вновь в смятенье весь народ:
Привлекает и чарует всех сияньем красоты.

То Фархадом, то Меджнуном мудрецы меня зовут.
От любви я обезумел и устал от суеты.

Всюду, где поют, играют, появляется она,
На поклонников взирая с недоступной высоты.

Каждый, кто обижен жизнью, утешается вином,
Потому, что все на свете лишь собою заняты.

Навои, шалунья-пери всех стремится уколоть,
Лишь тебя не замечает — видно, ей не нужен ты.

Всадник на соревнованье бьет тулпара по бокам,—
Конь — как молнии сверканье, пыль подо бна облакам.

Острой ревности стрелою сердце ранено мое.
Бьется сердце, словно голубь, подкатясь к твоим ногам.

Причиняя мне мученье, ты сгибаешь лук бровей,
Для тебя сплетаю душу в тетиву тугую — сам.

Над ристалищем, как солнце, ты восходишь каждый день.
О, как радостно и больно на тебя глядеть глазам!

Кто, в мишень пуская стрелы, изгибает лук бровей?
Ты — чье сладостное тело для души жестокой храм.

Будешь ты одна виновна, коль от горя я умру,
Коль моей несчастной жизни нить порвется пополам.

Знаю, станет тот мишенью, кто царицу попрекнет,
Знаю — нет в ней снисхожденья к опрометчивым рабам...

Навои, твои желанья растоптал ее тулпар —
Сердца лучшие надежды превратились в пыль и хлам!

Лицо твое — месяц на небе, а небо — твой конь голубой,
В короне жемчужины — звезды с предутреннею синевой.

Твой конь проскакал. И подкову, на темя ступившую мне,
Как будто бы для извиненья, я краской покрыл золотой.

От гордости словно пьянея, гарцуя на небе-коне,
Летит этот всадник... Аллах мой, и конь, и наездник какой!

О как тяжела ночь разлуки! Терзаются люди земли,
Терзаются жители неба. Крик ангелов, гул громовой!..

Пусть твой собутыльник приходит — я в сердце огонь
разожгу
И печень свою приготовлю, чтоб сытым был гость дорогой.

Пусть раб твой последний гордится: он — шах среди прочих
людей,
И если с рабом подружиться, доступен и шахский покой.

Лицо?.. Для его описанья не строчка — страница нужна,
Но это страница из солнца, светящаяся красотой.

А волосы?.. Тьма черной ночи — чернила, чтоб их описать...
Бог видит тебя, будь примером, ничьей не гнушайся
судьбой!

И коль Навои обезумел, чтоб буйное сердце смирить,
Довольно кудрей твоих цепи, с их кольцами и чернотой!

Ах, какой тиран ужасный дал ей силу зло творить?
Тем, что за нее согласны лечь в могилу,— зло творить?

Где б она не появилась — сеет смуту и раздор.
Губит разум, будит страсти,— знать ей мило зло творить!

Поклоняются ей толпы покоренных красотой,
Не сознанье ль своей власти приучило зло творить?

Повернет коня к другому, ощущаю в сердце боль.
Взор ее копья грознее — полюбила зло творить!

Кровь в глазах моих — не слезы, ослабел я и иссох.
Пью вино за то, чтоб пери позабыла зло творить.

Мне с тобою нет покоя, без тебя не стоит жить.
Может быть, хоть пожалеешь: надо ль было зло творить?

Пусть шиповник и тюльпаны превратят вино в елей!
Красоту свою лелеешь, чтобы с пылом зло творить?

Что я сам? Крупинка мака! Хоть иду по небесам,
Превратив Плеяды в четки, тщусь уныло зло творить.

Не душа живет, а муки в бренном теле Навои,
С отчим домом он в разлуке и — не в силах зло творить!

Взор-кинжал мне сердце ранил, глубоко вонзившись
в грудь.
Ты, подняв ресницы-стрелы, на меня пришла взглянуть.

Злые взгляды без пощады душу мнут и в клочья рвут.
На письмо душа походит, где исчезла смысла суть.

Мне садятся на ресницы друг за дружкой капли слез,
Как на прутья ребятишки, чтобы резво мчаться в путь!

Если я во сне увижу ночь разлуки невзначай,
Разольется желчь от страха и глаза застелет муть.

На сердечной моей ране тлеет корпии зола.
Копоть — в очаге страданья. Жизнь во мне горит чуть-чуть.

Люди утром солнцу рады. Я — как тень при свете дня.
Ах, я стал подобен праху — навожу на встречных жуть.

Тайну, даже ту, что речью ты не в силах передать,—
Не в молельне, так в харчевне разгадает кто-нибудь.

Не изложишь дум, стараясь красноречием блеснуть,—
Хвастунам красноречивым мудреца не обмануть...

Навои, в вине увидел ты рубины чьих-то уст.
Почему теперь, трезвея, хочешь чашу оттолкнуть?

Без тебя разлуки пламя жжет меня за часом час.
Волоском в костер упавшим извиваюсь я, дымясь.

О, открой свой лик-светильник! О, блесни лучами глаз!
Мотыльком готов сгореть я, над огнем твоим кружась.

Я боюсь, что красотою можешь мир ты погубить,—
Как батыр на поле боя, уничтожить можешь нас!

Ты пылаешь розой алой, даже осенью цветешь,
В дни, когда гулять выходишь, в шелк одевшись и в атлас.

Ты сумела мое сердце, словно птицу приручить,
И душа моя трепещет, твой беспечный слыша глас.

Стала б долголетней Ноя и богаче, чем Гарун,
Долголетья и богатства пожелав, хотя бы раз...

Коль умру я, на могилу положить вели рабам
Ту плиту, что заменяла мне подушку и матрас.

Если б мог во сне последнем взор твой встретить Навои,
Он спросил бы, пробудившись, что ты делаешь сейчас?

Сердце раненое стонет. Стал мишенью я — гляди!
На познавшего все муки унижения — гляди!

Стала родинка ожогом на мгновение. Гляди!
На ожог разлуки в сердце, на мучения, гляди!

На истерзанную душу, потерявшую покой,
На колючки, что покрыли луг терпения, гляди!

Грознопламенные взоры захватили сердце в плен
И от стрел-ресниц нигде мне нет спасения. Гляди!

Хызр искал живую воду на земле и в небесах,
Взор твой дать больному может исцеление — гляди!

Ты стройнее кипариса, твое тело, словно сад,
На свое в прозрачных водах отражение гляди!

Как нарцисы, твои взоры, твои слезы, как роса.
На меня, ресницы вскинув, с сожалением гляди!

В час печали люди траур надевают, слезы льют...
Сквозь ресницы, что зову я наваждением, гляди!

На твое письмо не может кинуть взгляда Навои:
Он лежит, узнав твой почерк, без движения. Гляди!

Верю я, что мертвых могут оживить рубины уст,
И обычной речи могут подарить бальзама вкус.

Ты поймала мое сердце на приманку алых губ,
Как охотник, что набросил сеть незримую на куст.

Зеленеет ветвь сухая от рубинов этих уст.
Ты — моя вода живая! Без тебя мир был бы пуст!

Твоя родинка, как мошка, на зрачках моих сидит.
Эта родинка всечасно радость мне дарит и грусть.

Ты, расчесывая косы, затмеваешь свет дневной.
Утро делаешь ты ночью. Мрак вокруг тяжел и густ.

Словно зеркало, твой облик. Скрыть его Аллах велит.
Если кто тебя увидит, страстный вздох удержит пусть!..

Постник, изгнанный из храма, направляет к людям путь
И дивит их, повторяя все молитвы наизусть.

Я молюсь, чтоб твои слезы превратились в зерна вдруг,
Чтоб ручная птица сердца их с твоих клевала уст.

Навои одной лепешкой целый день бывает сыт,
Но ни днем, ни темной ночью нам покоя нет от чувств!

Словно нищий, стою у твоих золоченых ворот,
Венценосцев кичливых жестокая зависть берет,

Потому что твой нищий ни в чем не имеет нужды —
Трон не нужен ему, жажда власти его не влечет.

Но зато за пустяк, как преступника, взглядом казнишь.
Пощади! Мы, влюбленные, мнительный очень народ.

Мое сердце разбив, хочешь образ свой выжечь дотла,
Но разрушенный храм схороненный в нем клад сбережет.

Помни, если злодейства властитель всечасно вершит,
Всяк подвластный ему к преступлению тропку найдет.

Я в разлуке сгорал. Говорила ты: «Будь терпелив»!
Ожиданье, как пламя, открытую рану мне жжет.

Если в прах превращусь, это славы тебе не придаст,
Хоть красою своей ты до звезд порази небосвод!

И пока Навои у ворот твоих нищим стоит,
Он богаче царей, не нужны ему власть и почет!

Небо сделалось мое от питья разлуки горьким.
Яду выпьешь — станет рот весь от этой штуки горьким.

В одиночестве вином я утешиться старался,
Только — сладкое — оно стало без подруги горьким.

Посочувствует ли мне, кто печальными ночами
Не захлестывался сам ливнем слез, от муки горьким.

Не пытайся подносить мне терпения напиток:
Отдает теперь родник около излуки горьким.

Солона фисташка уст, глаз твоих миндаль с горчинкой,
Переполнены уста ядом, в каждом звуке горьким.

Даже горькое вино неизменно слаще яда.
Вкус жестокости твоей показался вдруг не горьким.

Очень сладок жизни мед, если смерть ее не тронет,—
А она злосчастный мир сделает, о други, горьким.

Чаша близости дана, Навои, на счастье людям.
Небо ж сделалось мое от питья разлуки горьким.

Кипарисостанная поверит вмиг моей вине,
Если снова смелости не хватит защититься мне.

Ловкому отдамся острословью — что ей до меня,
Буду все равно отвергнут ею в полной тишине.

Мне из любящих ее неверных не помог никто,
Только жалобам ее внимая, клеветал вдвойне.

И она, ради которой душу, сердце заложил,
Всех завистников готова слушать, верить болтовне.

Кравчий, растворы мое сознанье, разум утопи
В одурманивающем лекарстве и хмельном вине.

Я — глава гуляк. Иной сегодня монастырский люд:
Винный погребок подстать подушке, поле — простыне.

Хватит и с меня такой опоры, чтоб шагнуть вперед,
Коль не встанут бедствиями горы вдруг в голубизне.

Навои, ты, друга заменяя, сам к небытию,
Крепко подоткнув халата полы, будь готов вполне.

Тронет кудри твои гребень — слышу слово «мусалсал».
Кудри, словно тучи в небе. Я с трудом их расчесал.

Узелки в кудрях любимой, гребешку не по зубам.
Счет подводят эти «мимы» тем, кто стойкость потерял.

Распустив свою прическу, ты сердца терзаешь нам
И метаться заставляешь, будто в грудь вонзив кинжал.

О аллах, на белых розах покраснели лепестки.
Белые — на красных розах я сегодня увидал...

Кипарис розоволикий, я б устроил, если б мог,
В честь тебя, как в честь владыки, пышный церемониал.

Сам себе твержу: «Не надо знаться с ней. Она — тиран!»
Как тиранству не поддаться? Красота — мой идеал.

Вспоминаю, как рыдал я в мраке локонов густых.
В ночь разлуки в черной раме мир передо мной предстал.

Не гордись, о шах, войсками, сгинешь, словно Сулейман.
В свой черед все погибают, хоть велик ты будь, хоть мал...

Навои, не огорчайся, если слов не подобрать:
Это друг в питейном доме струны чанга оборвал.

Взор соперникам бросая, ты бросаешь в страх меня,
Пыл в сердцах их зажигая, превращаешь в прах меня.

«Что творится с моим сердцем?» — я спросил у ветерка.
Он ответил: «Гибнет сердце, к этой пери страсть храня!»

Лик любимой — словно солнце, трудно на него глядеть,
Высыхают слез потоки от чудесного огня.

В алых каплях слез скитальца ротик твой на миг блеснул,
Как рубин в кольце на пальце, что блестит, мечту дразня.

Все красавицы другие — это светляки в ночи,
А твоя краса сияет, звезды с неба прочь гоня.

Без тебя одеты мраком небо, воды и земля.
Жду тебя, как ночью солнца ждут, тоской себя казня.

Как свеча, прям от рожденья, до сих пор не ведал я,
Что всему дает цветенье жар любовного огня.

Тем весна любви чудесна, что изменчива она,
То смеюсь, как гром весенний, то рыдаю, жизнь кляня...

Навои, не надо трогать отречения струну,
Можешь сбить других с дороги ты, на той струне звеня.

Опять товарищем моим с тобой в разлуке горе стало,
Оно кровавой пеленой, туманом слез во взоре стало.

Рыдают-плачут, потускнев, мои глаза с тобой в разлуке;
Мглой траура покрылось все, мутнеть с тобой в раздоре стало.

Не тщись извлечь ее стрелу из нанесенной ею раны,
Ведь острие в кости моей болтаться как в затворе стало.

А если изнутри тянуть, немного сделаешь, пожалуй:
Душа мешает; сердце ей подмогою в отпоре стало.

Ведь сердцу нравится мечтать о ласковых твоих ресницах,
А жало, в пластырь обратясь, спасеньем мне в изморе стало.

Глаза, не плачьте каждый миг, ее следы кропя слезами:
Земля от жарких ваших слез вновь зыбиться как море стала!

Рой попугаев-лепестков в блаженстве розового сада
Разогнан осенью: их гнать с тоскою в заговоре стала.

Я стал двойным, чтоб отличить того, кто верен, от неверных,—
А как же быть? — Ведь нехватать судей в подобном споре стало.

Не ведал горя Навои, пока бровей твоих не видел:
Согбенною его спина, творя поклон им, вскоре стала!

Взор твой вдруг мрачнее ночи в гневе и презренье стал,—
Черных бед сосредоточьем весь я в то мгновенье стал.

Но соединились в бедах и лекарство и болезнь;
Вздох мой собственный лекарством, давшим исцеленье,
стал.

У любви сто душ в запасе, чтоб любимой отдавать.
Чтоб отдать тебе все сразу, я бы на колени встал!

Я рассорился с друзьями, чтоб тебя не раздражать.
Я сдружился с чужаками, я твоею тенью стал.

Облик твой к тебе стремленье пробуждает вновь и вновь.
Ты — от ста других в волненьи; я — для стрел мишенью
стал.

Вечный ищет то, что тленно, и находит, что искал.
Я — твой спутник неизменный, дух мой жертвой тленья
стал...

Навои, твои газели, что в томленье ты слагал,
Все влюбленные запели. Ты их утешеньем стал!

Напрасно к ристалищу страсти гонит коня она,
Будет поводьями воли трудно сдержать скакуна,

А что ресницы всадницы душу во мне смутили —
Не диво, ведь ей помогает проснувшаяся весна.

В груди моей пламя страсти, пикой сорвав затворы,
Огню она даст свободу, ведь грудь для него тесна.

Я чувствую, что безумен, пусть же спасенья ради
Она затворится в доме, покуда душа больна.

О кравчий, ведь всем придется выпить напиток смерти,
Так лей, помоги до срока скончаться мне от вина.

Только бессмертные могут не умирать в разлуке,
Длиннее тысячелетий минута ее одна.

О Навои, и в горе ты должен быть благодарным,
Любовью свеча надежды в душе твоей зажжена.

С удивленьем пальчик тонкий на ее устах застыл,
Вся она, как алиф тонкий, что в моих мечтах застыл.

До сих пор не понимает, что любовный будит пыл.
Пальчик, словно на солонке, а не на устах застыл.

От улыбки уст-рубинов станет юношею вмиг
Старец, что у Азраила в каменных руках застыл.

С райским сказочным павлином я бы мог ее сравнить.
Ветерок, ее целуя, на ее щеках застыл.

У меня глаза в тюльпаны превращаются от слез,
Черные зрачки тускнеют — в них разлуки страх застыл.

Ах, спокойствие той птице, что живет среди руин!
Ужас дружбы с зимней стужей — у меня в стихах застыл.

Навои, беды напиток в ста бокалах видишь ты,
Но в любом и счастья слиток, как велит аллах, застыл.

Ты родинку прячешь, а брови — они, как теснины,
Иль родинка — точка — с бровями, как «нун» и «тенвины».

А сердце в печали, в тоске без волос твоих черных —
Китайская мушка, таящая две половины.

Лицо пожелтело мое от любви безответной:
Кто близок к огню, тот желтеет от этой причины.

То в сердце огонь, да такой, что больных исцеляет,
Прижечь можно им застарелые язвы кручины.

Взгляну на тебя — и твой лик озарится лучами,
Красивы они — о аллах мой! — красивей картины.

Вон в красных одеждах создания, смуглые лики,
В одеждах из роз кипарисы взошли на вершины.

Ведь небо — нам друг. И завяжет кто нить своей жизни,
И вера, и деньги тому — как калым для мужчины.

О сказочный кравчий!... Наверно, михраб — твои брови,
Склониться пред ними — и сразу простятся все вины.

Грустит Навои по сокрытым таинственным лицам,
Сними свой покров, покажи свои брови — «тенвины».

Снарядила корабль — нам разлука опять суждена,
В сердце мне, словно в берег, стучит расставанья волна.

О, не плачьте, глаза! Мир слезами моими залит,
Не дерзну шагу ступить. Как сойдет с корабля та луна?

А когда океан под напорами ветра дрожит,
То дрожит и душа моя, страха за пери полна.

Увезла мое сердце — терпенье с собой увезла,
Все глаза проглядел я, слезами душа сожжена.

Не пытайте меня про корабль ее — цел или нет,
Раз дышу, значит цел, ведь дыхание — это она.

Моря страсти беги, пусть рассыпано в нем серебро,
Жизнь монетой скользнет, а монета такая — одна!

Тонет в море забвенья лодчонка ненужных забот,
Лишь в руках Навои закачается чаша вина.

Как гарцует она! Как танцует под ней вороной!
Я готов стать добычей, подраненной меткой стрелой.

На охоте она все стремится оленя подбить —
Я оленем бы стал, чтоб охотилась пери за мной!

Или стать бы собакой, чтоб мордой касаться седла,
Навсегда пусть в собаку вселится мой дух суетной.

Без нее мое сердце по капле исходит тоской,
Словно кровью — олень, что прощается с жизнью земно

Как Бахрам, не наброшу на шею онагру аркан,
Ведь я сам, как Бахрам, заарканен жестокой судьбой.

Посмотри, Навои, дремлет пес в ее светлой тени,—
Ты ничтожнее пса для красавицы той озорной!

٧

Луна, обыграла ты в нарды красавиц... О боже,
Вот это беда — разве вера и верность с ней схожи?

Безмозгла фисташка с разинутым ртом, а считает
В своем безрассудстве, что чем-то вы с нею похожи.

От огненных вздохов и я каждый миг пламенею,
Дыхание пламени рот мой обуглило тоже.

Печальной душой по губам из рубина тоскуя,
Не воду, а кровь много лет я глотаю за что же?

Я умер, увидевши в зеркале глаз отраженье
Ее и счастливца, что ближе меня и моложе..

Зарю разожгло в своем капище красное небо,
Чтоб сжечь человека в разлуке на огненном ложе.

Поет соловьем Навои, но любовью унижен.
Увы! — этой розе бездумной злоречье дороже.

Увы, сто тысяч раз — увы!. И где ты ныне, друг?
Ушел, меня не известив, забыл в пустыне друг.

Мой друг умчался, как стрела, а я, как лук, покинут,
Моя ли кривизна в любви тому причина, друг?...

Но если шахи высоки и с нищими не дружат,
Зачем же нищего меня узрел в низине друг?

Совет примите от меня: ни с кем вы не дружите —
Мечом разлуки жизнь пронзил, убил в кручине друг.

И я рыдаю. Иль беда и боль со мной расстались,
Иль от меня к другим ушел — и на чужбине друг.

Пусть люди плачут обо мне, покажут дом печали,
Где, как свеча в чужом окне, живет доныне друг.

О Навои, ты претерпел изгнанье ради друга,
Так в путь за другом!.. Иль нет тебя в помине, друг?

На лице твоем трепещет золотистая фольга —
На листе корана блещет красоты твоей строка.

И лицо в ночь заблужденья светится в кольце волос,
Факел божества пылает в тихой спячке ночника.

Родинка на смуглой коже... Цвет индиго узнаю,
Словно на лице фиалка из лесного цветника.

Гард сетями сердце ловит. Проще приоткрыть лицо —
Раскрываясь, роза свяжет соловья верней силка.

Множество легенд и сказок хвалят красоту Лейли,
Ты ж во много раз прекрасней, чем она, наверняка.

Много крови сердца выпил этот кровожадный глаз:
Розоватого румянца кровью залита щека.

Солнце увидав в зените, не равняй его с лицом:
Тут закатится светило, чтобы там взойти пока.

Коль судьба несправедлива, посочувствуют тебе;
Но в ответ на благодарность — жалоб забурлит река.

Навои дала ты сердце, чтобы душу отобрать —
Шаху выгодна забота о покое бедняка.

Оживляет больного кокетки ласкающий взгляд,
И меня в свою очередь игры ее покорят.

Соблюдающий пост, отрицающий веру мою,
Где мы вместе молились?.. Стал памятью я слабоват.

Не мешай восхищаться мне этого солнца лицом,
Саламандры стремятся к огню, не боясь, что сгорят.

Если плавится сталь от огня, как она ни крепка,
Мои жаркие вздохи ее непременно смягчат.

О аллах, наконец-то с шалуньей останусь вдвоем?
Чуть пожалуюсь, вижу: жестокостью рот ее сжат.

О письме ее тайном, небесном, узнать не берусь,
Ведь друзья, и оставшись одни, осторожно молчат.

Навои! Все же честных любовь избирает всегда,
Значит, та, что избрал ты,— душой непорочна, мой брат.

Запрещаете, о люди, мне безумия недуг,
Бить юродивых камнями, собираясь в дружный круг.

Сердце и душа, прощайте. Только с завтрашнего дня
Утро вечером считайте,— не прошу других услуг.

Понимая, с кем навеки им проститься предстоит,
Пусть глаза заплачут кровью — настает пора разлук.

Льются слезы — самоцветы. Ожидаю, чтобы в них
Дробной девичьей походки повторился перестук.

Почему, разлуки стрелы, продолжаете кромсать
Вы израненное сердце, не щадя сердечных мук?

Спрячу ли души секреты, коль по моему лицу
Быль кровавыми слезами расплывается вокруг.

Навои познал разлуку. Благодарность вознеся,
Знайте — был у вас, о люди, любящий и верный друг.

На дорогу в рай не сменю улицу твою никогда,
И твой стройный стан не сравню с деревом в раю никогда.

Сердце стрелам твоим открыл. Почему ж ни одна из них
До сих пор не прошла насквозь через грудь мою никогда?

Если ветка сохнет, на ней не разыскивают плодов:
В исхудавшем теле — души не ищи, молю, никогда.

Поцелуя двоякий вкус сахар с солью не повторят:
Без участия губ твоих боль не утолю никогда.

Соловей, коль в черствой душе капли жалости не нашлось...
Этой розы бутон слезой, видно, не полью никогда.

А избавиться от тоски пожелаешь, как Навои,
Подними свой кубок, сказав: «Я не отстаю никогда».

Нет, не только очи твои черны, о красавица черноокая,
Дуги-брови твои чернотою полны, о красавица черноокая.

Если хочешь заставить наши сердца безвозвратно покинуть родину,
Уподобь свои кудри стремленью волны, о красавица черноокая.

Розоликая, ты кипариса стройней: нет прекрасней тебя, несравненная,
Для тебя моя песнь соловьиной весны, о красавица черноокая.

Если каждой своею ресницею ты не убила меня, не изранила,
Почему в мое сердце сто ран вплетены, о красавица черноокая?

Обрати порой и на бедных нас взор, исполненный снисхождения,
За тебя мы взмолились, тобой пленены, о красавица черноокая.

Шах Абу-ль-Гази ибн-Байкара наградит пускай дружбой вечною
Навои, кому очи твои неверны, о красавица черноокая.

А если черный глаз — огонь костра в пустыне,
Ресницы вкруг огня — тростник, пучки полыни.

И как стремятся в рай все грешники из ада,
Стремятся все в раю к тебе, к мечте, святыне.

Меня не утешай: «Безумец, не вздыхай же!»
Вся суть моей любви: за вздохом — вздох отныне.

А коль ее лицо, как зеркало, приложишь
К припадочному мне —вздох на губах застынет.

Уйду в обитель я. Пусть мне зуннар повяжет
Хозяин кабачка — я смерть найду в пучине.

О кравчий, мир таков! Дай Навои напиток,
Лишающий ума, из мака и полыни!

Стрелу храню в душе, и явным огорченью не быть,
Иначе ты сто душ изранишь, и мгновенью не быть.

Что это за лицо! Художник из Китая взялся за кисть,
Сто лиц он написал, но сходству, к сожаленью, не быть.

Любовь — для сердца смерть, она быть может тайной и для
него,
Разлука выявит любовь... Как тут мученью не быть?

Распустит волосы — и сердце разобьется на сто частей,
Прядь каждая — зуннар, и хуже прегрешенью не быть.

Ей душу предложу, но пери отвернется: бог не велел
Чужой душой владеть. Иль этому веленью не быть?

Дарю, как солнце, я любой в пути пылинке живой огонь,
Но что ей толку в том?.. А без нее горенью не быть.

Дай, кравчий, кубок мой! В нем небо и в нем солнце
отражены,
И в нем — твое лицо. Качнешь — и отраженью не быть.

А счастье? В чем оно?.. Оно не улыбнулось, так отрекись,
Но если это так, то нашему сближенью не быть.

Не говорите мне: познай безумье сердца!.. О Навои,
Причудлив сердца путь, прервется — и движенью не быть.

На улице твоей лежу больной,
Ко мне лишь пес твой забежит порой.

Боль по тебе мое спалила тело,
Хоть гаснет сук, подхваченный рекой.

Не диво, если сердце не спокойно,
Как бодрствующий страж в тиши ночной.

Любовь для птицы сердца строит клетку
Из стрел, мне в грудь направленных тобой.

Знай, с маковым зерном и с чечевичкой
Ту родинку и рот сравнит любой.

Кто в сеть кудрей красавицы попался,
Подобен жертве паука судьбой.

Ах, Навои стал псом твоим послушным,
Ошейником ты сделай локон свой.

Ранив грудь, помочь раскрыться сердцу власть кому дана?
Развернуть бутон насильно даже мудрость не вольна.

Постник скажет: «Зря в смятенье ты от этого лица».
«Чья душа,— ему отвечу,— им навек не смятена?»

Лук бровей не посылает стрелы мой умерить жар,
Окропила сердце влагой освежающей луна.

Я в пустыне злой разлуки словно смерч, но он, как я,
Все ж не кружит запыленный по пескам, не зная сна.

Сквозь стекло зеркал проходит, словно луч, твоя краса.
Скрыть возможно ли светило в ясном небе до темна?

О неверной розе сотни есть дастанов у меня,
А у соловья, узнайте, только песня есть одна.

Человечности не встретил ты у пери, Навои,
Это не порок, ведь ангел, а не женщина она.

Каменносердая в свой сад спустилась в полночь. Удивлен
Я тем, что солнце встало, тьмой окружено со всех сторон.

На солнце глянешь — и глаза вдруг застилаются слезами.
Я был в слезах, когда зашло светило то за небосклон.

Немало крови потеряв, разорванным осталось сердце,—
Ах, если б жить ему в тебе и плакать, издавая стон!

То сыпля на голову прах, то голову кладя на землю,
О встрече бога я молю, навеки с нею разлучен.

Мне грудь разбили камни, кровь с камней стекает,— не
из раны.
Знай: камни плачут так над тем, кто злой рукою поражен.

Коль на тебя грозит упасть ковер, сплетенный из колючек,
Ложись хоть на атлас небес — нисколько не поможет он.

О Навои, как желтый лик зари предвозвещает солнце,
Так, пожелтев, твое лицо свидетельствует — ты влюблен.

Свеча горела в темноте. Свеча в слезах сгорела,
Как будто от любви ко мне себя убить хотела.

Ночь одиночества черна. И голос кто подаст мне,
Коль соловей в саду замолк, ворона онемела?

О стать бы смерчем, пронестись по улице знакомой
И в дверь разлуки постучать, что ты замкнуть велела!..

Ушла, не выпила воды. Поста ли испугалась?
Кувшин сегодня полн вина и пиала без дела.

Удары неба бьют и бьют, как топором, по сердцу,
От их жестокости душа больная затвердела.

Разгорячи мое лицо веселой чашей, кравчий,
Лицо, как виноградный лист под ветром, пожелтело.

Кто многобожец — путник тот на нищенской дороге,
Тот — прах, завязка для чувяк: рванешь — и отлетела.

Сказала ты: «Я Навои жестокостью замучу!»
И обещанью ты верна. Свеча моя сгорела.

Благочестивая с виду, пить ты вино начала.
Пусть голова моя чашей будет, покуда цела.

Только увижу, что пьешь ты,— тотчас пьянею я сам.
Не говори, что мой разум ты в этот миг отняла.

Пусть на устах одиноких, как на кувшине, печать,
Кровь, как вино, в моих жилах страстное пламя зажгла.

Как средь веселого пира рядом с тобою шумят,
Так от разлуки с тобою криком душа изошла.

Прежде чем в рваной рубахе ты появилась, хмельна,
Сотня влюбленных дервишей платье в заклад отнесла.

Видеть на утреннем пире милую жаждал мою.
Ангел взывал, чтоб укрылся в небытии я от зла.

О Навои! Что возмездье! Будь даже тысяча жертв,
Лишь бы своих двух рубинов чашу пригубить дала.

Встретив тебя, твердил я: «Подруга любимая есть».
Вижу, аллах: у милой любовь только мнимая есть.

Лунный твой лик и речи сумею, поверь, описать.
Страсть разобраться в жизни во мне негасимая есть.

Мало меня ты любишь. Мне грудь рассеки, чтоб узнать:
Боль от меча разлуки в груди нестерпимая есть.

Молвила ты с усмешкой: «Мой немощный все еще жив».
Счастлив я был, что рядом ни с кем не сравнимая есть.

Есть для любви укрытье — любовь, словно клад, утаить:
В сердце пронзенном язва, другому незримая, есть.

Все позабыл заботы, на улицу пьющих войдя.
Ведь у меня обитель ни с кем не делимая есть.

Пусть говорит: «Оглохла от криков твоих, Навои».
Если кричу, так значит — и жизнь нерушимая есть.

Кипарис подобен розе увлажненной,— говорю.
Уст рубин вину подобен — я, влюбленный, говорю.

Бровь ее мне станет кыблой — сердцу моему приют.
Эта бровь — что свод михраба,— преклоненный, говорю.

Сердце плачет кровью, вижу через трещину в груди.
В скорби о её рубинах — я, пронзенный, говорю.

Не со звездами сравню я красоту её лица —
Мир сияет, словно солнцем освещенный,— говорю.

Как душе освободиться от безумия оков,—
Каждым волоском любимой оплетенный, говорю.

Что атлас нам златотканный! Лучше — бедности пола.
Ты и в рубище прекрасна,— умиленный, говорю.

О, не отводи ты взгляда в сторону от Навои!
Он влюблен в тебя навеки — я, плененный, говорю.

Ее глаза лишь неприметно мигнут — и счастьем грудь полна,
И кровь кипит. Нет днем покоя и длинной ночью нету сна.

Вздыхаю, но совсем не вздохи мои согнули кипарис,
Взгляни, он тоже краем глаза глядит, как милая стройна.

Роса и ветер — влага жизни, дыханье тихое Исы:
То вышла милая на воздух и в сад направилась, нежна.

В разлуке стал зерном и сетью — ловлю я беркутов беды,
Ведь и глазами убивает меня, влюбленного, она.

О преданность в любви! В пустыне оленей приручил
Меджнун,
Любовь звучит в дутаре сердца, как драгоценная струна.

И человек, пройдя страданье, блестит, как зеркало любви,
Начистила ее золою любовь, жестока и сильна.

В любви к тебе подобен Джему и Искандеру Навои,
Но зеркало мое и чаша — след и подкова скакуна.

От ухода милой пери жизнь печальною была,
Со своей душой я спорил. Ты пришла, ее взяла.

Жизнь возлюбленного — близость, исполнение желанья,
Смерть от встречи долгожданной — это дивные дела.

Меч ее рассек мне тело — замерли в груди рыданья,
И тростник замолк — ударом и его ты рассекла.

Кипарис уже не розов, нет вечернего сиянья,
Твоего же стана пальма кровью розовой тепла.

Ах, в любви есть равномерность, есть природы обаянье,—
Холодна ты — полночь лета, как зима в снегу, бела.

Шрамы на груди и язвы — это я в пылу терзанья
Исколол себя кинжалом, чтобы ты жалеть пришла.

Белку, соболя — вверх шерстью — ты берешь для одеянья,
Хищность соболя и белки зверство женщине дала.

Лук кривой, ему веревка давит горло, нет дыханья,
Если высоты захочешь, будь прямым ты, как стрела.

Навои, ее ты любишь. Что года и расстоянья?..
Ведь любовь в печальном сердце нерушима, как скала.

Коль кричит воронье на пиру у любимой моей,
Замолчи, соловей, иль исчезни оттуда скорей!

Коль придут к Сулейману шайтаны одни на совет,
Что там ангелам делать со светлой молитвой своей?

Если кто-то другой стал подруге дороже, чем я,
В погребке, мое сердце, отчаянья чашу испей!

Здесь на шумном пиру нет царей — все подвластны вину,
Выпив чашу до дна, может нищий стать шаха сильней.

Где владыка — вино, там не внемлют разумным речам.
Наливай, виночерпий, и трезвые мысли развей!

Терпеливость нужна, все расставит судьба по местам.
Разве стоит роптать на судьбу и препятствовать ей?

Навсегда откажись, Навои, от обоих миров,
Если выпьешь две чаши напитка богини твоей!

О как прекрасен мой кумир, его цветок — фиалка,
Фиалковый на нем наряд, халат, платок — фиалка.

Иль показался кипарис лиловым мне во сне,
Иль фиолетовых одежд тон так глубок, фиалка?

Будь в черном или в белом ты со мной наедине,
Ведь в солнце, из-под черных туч, красив восток, фиалка.

Судьбы художник краски все расплавил на огне,
Но и в раю такой, как ты, найти не смог, фиалка.

Ах, от фиалковых одежд мир в смутной пелене,
Я обезумел от любви, я одинок, фиалка!

Садовник, ты из всех цветов, на этой стороне
Одни фиалки посади — мирзе ведь впрок фиалка.

Наполни, кравчий, чашу мне!.. Отражена вдвойне —
В хрустальной чаше и в вине, как огонек, фиалка.

Коварно небо. Сто цветов таится в нем извне —
Зеленый, синий, голубой, и, как намек, фиалка.

О Навои, ты описал в стихах фиалку мне —
Фиалков стал бумаги цвет, ее листок — фиалка.

Сказал я: «Губ твоих бутон, как алый лал!» — и что же,
Губ алых лал стрелою стал. Я их желал — и что же?

Душа твоя — в ней бьется кровь! — лишь крови оболочка,
В разлуке столько скрытых язв я испытал — за что же?

Речь алых губ твоих остра, твой алый лал — солонка,
Так на застолье красоты я услыхал — ну что же!

И сонмы ангелов поверг мой скорбный вопль в смятенье,
В тоске я о тебе рыдал, тебя я звал — и что же!

Из-за покрова облаков взошла луна в разлуке,
Иль не луна, а солнце? Нет! Лица овал... Ну что же?

Во славу юности своей наполни чашу, кравчий,
Ведь лучше юности времен я не встречал — и что же!

О Навои, взгляни в свое растерзанное сердце;
Всё бренно, только вечный друг там вечным стал. И что же?

От поста и лицемерья избавляясь, пей вино,
От недугов и неверья избавляясь, пей вино.

От вина в пожаре сердце, и — да славится любовь,
Избавление от горя и от всех скорбей — вино.

Душу от поста избавишь чашею небытия,
Соткана она из света, словно из лучей вино.

С милою не разлучайся, из объятий не пускай
Иль погибнешь от кокетства и тогда — скорей вино.

Дождь из стрел обрушит небо в ночь разлуки на
Кровь из ран окрасит тело, но ее красней вино.

О жестокая! К страдальцу на прощанье обернись,
Если я тебе не нужен, то хотя б испей вино.

Навои своей не хочет луноликой потерять,
Ты оставь ему, о боже, девушку и с ней — вино!

Мне разлуку с тобой, словно бремя, нести суждено,
От камней твоих ранам на теле цвести суждено.

Во дворце ты пируешь. Ты любишь веселье и смех —
В бедный дом мой бродягам печальным брести суждено.

Мое счастье уснуло. Беспечное, спит, как дитя,—
Мне с бессоницей битву до утра вести суждено.

Сердце бьется в сетях из жестоких насмешек и зла,
И любимой моей эти сети плести суждено.

В той ночи, что разлукой зовут, не пугай меня, смерть!
Разве с милой в разлуке мне жизнь обрести суждено?

На кокеток коварных смотреть я теперь не могу:
Было деве такой мой покой унести суждено.

Навои, страстных нот в соловьиных напевах не жди:
Стон любви к небесам лишь тебе вознести суждено.

Дело прекрасной — в човган, укрощая коней, играть.
Дело мое — своей жизнью в пыли перед ней играть.

Голову в мяч обратив, я бегу возле стремени,
Может быть, этим мячом лучше между камней играть.

Полночь танцует в зрачках ее яростно, бешено,
Словно индус, что приучен щитом с ранних дней играть.

Веру улыбкой она обращает в неверие,
Боже, и смерть не сумела бы мною страшней играть.

Пери смеется и мечет каменья жестокости,
Сердце разбито, мне с каждой минутой больней играть,

Что же дивиться, что катятся слезы бесстыдные,
Можно бы им, как алмазам, в смятенье огней играть.

В кости сражаться с судьбой — для безумца занятие.
С плутом мудрый не станет и в царстве теней играть.

Сыт Навои неисполненными обещаньями.
Не довольно ль неверной тем, что жизни ценней, играть?!.

Ах, долго ли будет терзать мое тело разлука?
Отнять, верно, жизнь у него захотела разлука.

Тело мое иссушив, сердце она обнажает,
Хочет свершить до конца черное дело разлука.

В душу, которую водят в позорных колодках,
Страдания стрелы пускает умело разлука.

Бессонно ведется стрельба по кровавой мишени,
Все раны мои растревожить сумела разлука.

Мужайся же, сердце, бежать от себя бесполезно,
Порою щадит тех, кто борется смело, разлука.

Быть может, коль вынести все униженья и муки,
Окончится, боль доведя до предела, разлука.

Ведь близость — и та пытку ревности применяет,
Так можно ль хотеть, чтобы нас жалела разлука?

С разлукой приходит отчаянье или забвенье,
То угля черней, то белее мела разлука.

Так пей, Навои, пока разум тебя не покинет,
Надежды вино отравить не посмела разлука.

Кто на пиршестве вздыхает? Чаша им полней нужна?
Задушевная беседа, та, что всех умней, нужна.

Вспыхнет сердце, затоскует, вздохи к небу полетят,
Речь, что в душу проникает, чтоб спалить людей, нужна.

Чтобы жизнь вернуть влюбленным, утро просиять должно,
Чтоб меня убить разлукой, ночь сурьмы черней нужна.

Что ни день, свиданья жажду, каждый день нужна весна,
А не встреча на мгновенье у твоих дверей нужна.

Небо, стрелы этих вздохов в день заботы береги —
И тебе стрела тугая, чтоб пронзать верней, нужна.

Степь лишений пред тобою — Хызром не пренебрегай,
Будет благосклонность Хызра в день тоски твоей нужна.

Всех, кто любит, учит страсти и страданью Навои,
А тому, кто обучает, страсть, что всех сильней, нужна.

Твое лицо для всех людей как ясный свет, ты знаешь.
В моей ночи просвета нет, надежды нет — ты знаешь.

Я уст рубиновых желал, как животворной влаги,
Иса, как мне бессмертным быть, открой секрет —
ты знаешь.

Чуть отражение твое упало в чашу неба,
Как солнцем сделалось лицо — источник бед, ты знаешь.

О пери! Красотой твоей посрамлена Венера —
Нет лучезарнее тебя меж всех планет, ты знаешь.

Подставить шею не страшусь под меч прекрасной пери,
На шее ладонкою стал твой амулет, ты знаешь.

Алиф отчаянья и бед стал доброй пальмой веры,
Что буду лаской твоей я обогрет, ты знаешь.

Ты пьешь из миски пса ее, как из Джемшида чаши,
Пить скорбь тебе, о Навои, до склона лет, ты знаешь.

Камень горя привязала к телу без пощады ты.
Тело — дерево, а горе — плод на нем, что ж, рада ты?

Уст твоих рубин так сладок, сахар не сравнится с ним.
Улыбнулась, засмеялась — и для глаз услада ты.

Для других ты стол накрыла, чашу счастья поднесла,
Мне ж оставила коварно тольку чашу яда ты.

Если песни соловьиной ты не хочешь от меня,
Так зачем, вино пригубив, стала розой сада ты?

Как Адам, из рая изгнан, глаз мой разлучен с тобой,
И его, свой лик скрывая, ввергла в бездну ада ты.

Верности не знает роза и терзает соловья,
Сделала бы постоянство соловью наградой ты.

Так Меджнун безумен не был, как страдалец Навои.
На пути его рассудка вечная преграда — ты!

Едва прижал к груди письмо — затрепетало сердце.
И в жаркой жажде этих уст заполыхало сердце!

На раны от любовных стрел я положил посланье —
Как о целителе таком давно мечтало сердце!

Края его жестоких ран едва зарубцевались —
Но вновь в губительную даль лететь желало сердце!

Как будто пала пелена с него в одно мгновенье —
Так долго от земных утех она скрывала сердце...

Казалось, вслед свернулась кровь, когда письмо свернулось!
Посланья-свитка так давно, так долго ждало сердце!

Но ничего не прояснил поток туманных строчек —
И от неясности такой опять страдало сердце...

О Навои, в твоей груди опять заныли раны.
Я приложил письмо к груди — и запылало сердце...

При виде розовых щек из-под век у меня всегда
Алая влага течет — превращается в кровь вода.

Чтоб вычернить брови тебе, низость, жестокость и зло —
В краску, что басмы черней, аллах превратил без стыда.

Чтоб родинками изукрасить сад твоего лица,
Собрал он лучшие лотосы, не пожалел труда.

В стоцветных своих одеждах гуляешь ты среди роз,
Так правоверным гурии являются иногда.

И что тебе до того, что от влаги с твоих волос
В царстве ислама рушатся крепости и города.

Подальше держись, Навои, от шалостей этих шальных —
Здесь яд подается с водой, и нет для коварной суда.

Ветер кудри ей треплет, в лице ее — пламя похмелья,
Распустились, упали хмельные ее ожерелья!

Кровь в груди моей пляшет, возжаждав свиданья с тобою:
Так лимона мы жаждем, устав от хмельного веселья.

Разве то соловей копошится под огненной розой?
Нет! Чудак-истопник в теплом пепле сожженного зелья!

Ты ожгла мое сердце, печалью его искромсала;
Днесь оно — как тюльпаны на дне ледяного ущелья.

Если облако пыли всклубил убегающий кочет,
Что твоим ветроногим — чепрак неземного изделья?

Коль фиалка-рабыня служить твоей прелести жаждет,
Отчего ж она скована цепью людского безделья?

То не стрелы ресниц: Навои замостил камышами
Черный омут очей — не страшна ему поступь газелья!

Сад, как я, пожелтел; онемел, как и я, соловей.
Наступила пора, я лишился отрады своей.

Не скитайся в тоске, без приюта, опавший листок,
Разве он становился б, как я, все желтей и желтей?

Кто не видел опавшие красные листья в воде?
Это сердце мое, и текущие слезы о ней.

Эта ветка — Меджнун, что стенает, босой и нагой,
Лист — Лейли, ее родинка милая ночи черней.

Ты ушла, не взглянув. Но тебе возношу я хвалу:
Лист, к стволу прилепившийся, ветру заметить трудне

Слезы — это росинки на желтом опавшем листе.
Сад прозрачен и пуст, и томителен воздух аллей.

О, свиданье в любовном саду — это признак весны.
Расставание — осень, и нету приметы верней.

Бесполезно противиться, поздняя роза моя:
Ведь налет листопада любых не минует ветвей!

Навои! Минет осень, промчится зима, а весной
Расцветет на кусте государства наследник царей.

Пробудившись на рассвете, засвети свечу томленья,
Распахни глаза широко для блаженства вожделенья.

Взором, полным чар волшебных, нежным словом
животворным
Воплоти Мессии чудо, самарийца ухищренья.

А потом, сонливо щурясь, руки смуглые раскинув,
Подари нам упованье, сбросив тяжесть лицезренья.

И, водой для умыванья землю черную опрыскав,
Ты взрасти на ней нарциссы — сонм — насколько хватит
зренья!

Если я на эту розу, заспанный, глядеть не стану,
Боже, уснасти шипами веки мне, чтоб проклял лень я!

Коль господь тебе желанен, то, забыв беспечность дремы,
В райской жажде, в адском страхе, у него проси прощенья.

Навои! Луна сквозь дрему молвит: «Не желай свиданья...»
Так стремись к нему! Все лживо в отраженьях сновиденья!

Лишь взглянул на эту пери, очи прелестью пьяня,
Как смятенье и безумье ополчились на меня.

Ах, когда б мне в ночь разлуки жечь свечу свиданья с ней,
Ласково вести беседу подле этого огня!

Только где звезда такая, где счастливая звезда,
Чтоб слугой, одним из многих, быть ей — пусть не дольше дня?

Коль наперсником ей стану, может, улучу я миг,
Чтоб сказать: «Уединимся, всех прислужников кляня!»

Впрочем, и в уединенье, ноги ей я не смогу
Лобызать, в душе отвагу дерзновенную храня.

Даже ежели протянет ногу вдруг к моим очам,
Сердце к взору приревнует — страстью зависть извиня.

Так не уповай на близость с ней, влюбленный Навои,
Боль несбыточных мечтаний, призрак счастья, прочь гоня!

Как странно, что стало лицо мое желтым, а слезы краснеют.
И волосы, будто враждуя с лицом потемневшим, белеют.

Что делать мне с глыбою горя пред солнцеподобным лицом?
Ведь солнце мое только слабо верхушку горы этой греет.

Но, может быть, спор мой с достойными время правдиво решит,
Которое, жизнь мою грабя, здесь выступить честно сумеет?

Пусть люди порою мирятся, порою в жестокой вражде,
Мне быть с ними в мире, вражде ли — какое значенье имеет?

Надгробная надпись для книжника гибель, позор принесет.
Мой камень могильный расскажет, что ныне в груди моей зреет.

И странно ль, что в доме питейном гробницу мою возведут.
И бывших друзей-виночерпиев выберу в служки себе я?

Несчастия пыль, Навои, разве смоют с лица твоего
Те слезы, что льешь ты от горя, печали сдержать не умея?

От синих язв камней разлуки я погорел средь бела дня,
Гумно мое заполыхало в ночи от серного огня.

Мою унылую лачугу огонь разлуки озарил,
Из-под ее убогой кровли тьму непроглядную гоня.

На коже родинку и алиф ты, взяв индиго, навела;
И алифы стал вырезать я, и язвы прижигать, браня.

Для стрел ее метою сделал я сердце — и разбогател:
Дороже яхонта отныне стрела любая для меня!

Украсив золотою фольгой обличья роз в моем саду,
Она ушла, осенним тленом цветник весенний осеня.

Спасенья от самодовольства я и в мечети не сыщу.
Я в винном кабачке, отшельник,— там и отыщешь ты меня.

О Навои, пятном родимым она мне заслонила свет,
И вот я, раздирая ворот, скриплю каламом, жизнь кляня.

Темная ночь наступила — где же ты, мой огонек?
В пламени скорби сгорает жизнь моя, как мотылек.

Что ж, что мой ворот разорван? Что ж, что видна моя
грудь? —
Я своим горем надорван, стон исторгает злой рок.

Слезы, как крупные перлы, бурным Джейхуном текли.
Мир в мои перлы украшен — слез океан я исторг.

Солнце сошло с колесницы, в россыпи звезд небеса.
Ждал свое солнце-девицу, но не пришла она в срок.

Мир превратился в темницу. Гибель мне тьма принесет.
Хызр бы живящей водою вряд ли спасти меня смог!

Нет, то не солнце исчезло! Нет, то не тьма в небесах! —
Я без нее выси неба в дымные вздохи облек.

Если б красавицу видеть! Умер в ту ночь Навои.
Даже сто жизней имея, он бы себя не сберег!

Вновь стал я притчей во языцах, вошел в пословицу
в любви:
Благодарение аллаху, опять огонь в моей крови!

Меня любимая презрела: она прикинулась чужой;
Знакомец, да и незнакомый, мне шепчут: «Язв не растрави!»

В ночь горя от моих стенаний погасла тусклая свеча.
Пади, надломленная кровля, и скорбь собою придави!

Ты на людей глядишь с любовью, так на сердце мое
взгляни;
Его развалинам-руинам тепло небесное яви!

Свечу красы не стоит, право, жечь непрестанно в час ночной:
Фитиль, пылай не слишком ярко, но мотылька останови!

На этом свете привкус смерти есть в чаше пенного вина,
Им — наполнения пределы, грань бытия установи!

О Навои, сказав: «Я эту колдунью-птицу изловлю»,
И на зерно своих же слез ты силками жил — ее лови!

Ночами образ луноликой являлся мне, я горько плакал.
Любовь во мне росла, к рассвету, как он, я кровью
только плакал.

От огненных моих стенаний зажег закат свои лучи.
Вокруг себя огонь разлив, как облако, не смолк я, плакал.

Я в темноте, в уединенье, разлукой сердце пленено,
Как будто камень в грудь попал мне, сразив,— доколе мог я,
плакал.

Я не могу поведать людям мою тоску в разлуке с ней,
Во мне лишь сердце говорило — его не превозмог я,
плакал.

И небо звезды высыпает с светилом дня разлучено.
Рыдать, как я, едва ль кто может — в разлуке, воя волком,
плакал.

Моя улыбка — будто утро встречает солнце на заре,
Но в ожиданье встречи утром, расставшись ночью, сколько
плакал!

О Навои! Ведь даже камни, услышав стон твой, возопят,—
В ту ночь поэтому я скрытно, рыдать не смея громко,
плакал.

Я отдал так много любви — любви я в ответ не нашел.
Я жертвовал столько душой — покоя ей — нет! — не нашел.

Когда я от мук изнемог — никто не пришел утешать,
Любимую тщетно искал, нигде даже след не нашел.

Мишенью упрекам я стал — ста тысячам жалящих стрел,
В натянутом луке бровей я правды примет не нашел.

Не ведал таких я невзгод, как в царстве ее красоты,
Страдавшего так же, как я, от мук и от бед — не нашел.

И пусть с луноликой твоей блаженство дружит, Навои,
А я ни блаженства любви, ни счастья бесед не нашел.

Как жаль мне тех зерен добра, что щедро природа дает!
Я сеял их зря — ничего от шаха в ответ не нашел.

Клялся он, что друг мой верный, даже плакал от обиды.
Сам смеется надо мною, как посмотришь — враг он
скрытый.

Друг! Посмешищем меня же для моих врагов он сделал,
Если друг таков, то лучше я умру, врагом убитый.

Глубже и больней, чем враг мой, друг страданья причиняет.
Дружбе у врагов учусь я, если другом честь забыта.

Если враг наносит рану, друг, надеюсь, даст мне пластырь.
Если ранит друг — умру я, нет от ран его защиты.

Враг! Упреками своими не круши обитель сердца.
Дом разрушил друг мой — хватит, сердце уж мое разбито.

Вынув сердце, другу отдал, а теперь он — враг мой
кровный.
Если друг меня терзает, то к врагу, мой стон, лети ты!

Навои! Друзей на свете не осталось настоящих.
И глаза мои — враги мне: зло творят, когда открыты.

На рассудок мой и сердце эти очи покусились,—
Перед ними душу вынуть, разум обнажить я силюсь.

Ты стрелой впилась мне в сердце; древко в нем дотла
сгорело,
А железный наконечник, став слезой, на волю вылез.

О разлука, ты, колдунья, печень в воду превратила.
Кровь моя — водою стала; слезы — в кровь преобразились.

Знаешь, будто смерч верчусь я, одинок в степи
любовной.
Может, вспомнишь обо мне ты, коль другие позабылись?

Долго ль голову пинать мне чалый твой копытом будет,
Иль огреть ее човганом твои руки не решились?

О владыка, обитая в золотых своих палатах,
Не сочти пустой и хаты, где скитальцы поселились!

Сердце взяв мое, ушла ты, брезгуя больной душою.
Навои отдаст и душу: мы ж с тобою не простились!

Я тот, кого обидел свет, тот, в чьей душе и в сердце — мгла.
Как быть мне с той, что всей земле обиду злую нанесла?

Все горше горести мои, а слезы превратились в кровь,
И на пучину горьких слез вмиг алость гневная легла.

Пусть наг Фархад или Меджнун — не прикрывайте наготы:
Их и меня — страданья пыль — хламидой мягкой облекла!

Ведомый пламенем любви, я встретил яд ее меча,—
Что мне дыхание Исы — источник жизни — в море зла?

Бутон порою дорог мне, порой колчан, что полон стрел.
Бутон ее в душе моей, а в сердце — острая стрела.

Не возгордись же, расписав гирляндой лотосов айван,—
На том айване не нашлось для истой верности — угла!

Зане на душу Навои соперник покушенье длит,
Скажите все, что «В той душе приют любимая нашла».

Без тебя поток слезинок я в стремнины превратил,
Тем потоком — мир подлунный — я в руины превратил.

Для потока — в тучу — око, крик свой — в громовой раскат,
Искры вздохов непрестанных — в молний спины превратил.

Во вселенную швырнул я сердца пламенный кусок,—
Ад людской — в приют блаженства, в сад, в куртины
превратил.

В десять тысяч раз умножив то, о чем поведал я,
Ты поймешь, как тьму разлуки — в звезд путины
превратил.

Тягостно разлуки бремя: не влюбляйтесь ни за что!
Сам я горечь расставанья — в слов лавины превратил.

Презирать людей клянусь я, возлюбив одно вино:
Все, что вкруг меня, отныне в погреб винный
превратил.

Навои, хоть я ослушник, оправдаешь ты меня:
От любви не отрешась, я мир в смотрины превратил!

Сердце кровью из ран обагрить я сумел
И в багряный тюльпан превратить я сумел.

Льдистым взором — рой капель на стрелах твоих —
В градин полную горсть остудить я сумел.

Ту луну, что зеницею ока была,
Чернотою тоски окружить я сумел.

Гнать меня? Просыпаться не стала она!
До утра как собака провыть я сумел.

А узрев пузырьки на поверхности вод,
Нежность уст твоих вообразить я сумел.

Хоть небесная мне и грозила карга,
Козни злобные предотвратить я сумел.

Знак несчастья на желтом лице Навои
Мыслью в желтый тюльпан обратить я сумел.

Кто каждую ночь просыпаясь, рядом не видит подруги,
Тот, тень свою выбрав в подруги, стонет от горя и муки.

Змею на груди своей держит — разве смежить ему веки? —
Он каждую ночь вспоминает локон завитый, упругий.

И коль не стенаю ночами, странным не кажется это:
Ведь стиснул я зубы в молчанье, ранен стрелою разлуки.

Зажжется ль мой жизненный светоч? Страстно его ведь
люблю я.
Влагою ночь оросила сердце — владения муки.

О сердце, посыпь свои раны пылью тоски безнадежной,—
Пластырь свиданья не сыщешь во всей поднебесной округе.

С небес льются звездные слезы. О Навои, отчего же
Ты в черных одеждах, коль это не траур по ночи разлуки?

Что бы ни искала в сердце — там печаль одну найдешь.
Только горе, скорбь разлуки острую, как сталь, найдешь.

Кто тобой не очарован? — Хоть меня отвергла ты,
Искренность мою и честность в ком-нибудь едва ль
найдешь.

Хочешь пить нектар свиданья — берегись разлуки жал.
Если печень ты изранишь, разве мазь от ран найдешь?

Солнце, сотой доли мытарств не узнаешь, если ты
Равного Исе на небе, чтобы другом стал, найдешь.

Над спиной моей не смейся — я взвалил, как гору Каф,
Страсть к тебе — меня согнутым в буквы каф спираль
найдешь.

Если в ад меня низвергнут, буду слезы лить и там.
Вместо ада скоро море, красное, как лал, найдешь.

Думал ты, о наш наставник, что прекрасен Навои,
Но позор для всей вселенной в нем — ты и не знал —
найдешь.

От разлуки с тобой жжет меня по ночам мое горе.
Сам я — будто огонь, дым мой — темень земного простора.

Плачем сердце себя выдает, разрушаясь от скорби,—
Ведь безумцы влюбленные вечно в слезах непритворных.

Мне хотелось бы видеть соперника каждого сердце —
Между двух жерновов муку видеть хочу я бесспорно.

Кто увидит тебя, тот влюбляется в облик твой милый,
Я, от ревности плача, слезами наполнил бы море.

Есть ли польза о саване помнить? Ведь смерть лишь
укажет,
Будет саван из грубой холстины иль вышит узором.

Даже небо, обитель печалей, от слез моих пало б,
Если б дым моих вздохов не стал ему твердой опорой.

Сребристая, твой лик обрел столь животворные уста,
Что кажется: то солнца диск с изображением христа.

Ты, розоликая, пронзила раны сердца мне стрелой —
Ведь кол вбивают люди там, где есть глубокие места.

И если нищий для меня просить вдруг станет саван — знай,
Что умер я, что по тебе измучила меня тоска.

Тоскуя по твоим очам, бровям, не сдерживал я слез.
«То чистый жемчуг вместо слез»,— твердят народные уста.

Садовник, то могилы тех, что по судьбе тебе родня:
На них в саду цветы растут у розы пышного куста.

Благоухание одежд твоих вернуло вновь мне жизнь,
Их аромат мне душу дал, как будто слитую из ста.

Ведь буква каждая в стихе — частица горя Навои,
Ступает и стопа стиха по горестной степи листа.

Пусть розы ее, о боже, пыли тоски не знают.
Они не цветут — весенних ливней пески не знают.

Пусть алые, чашу жизни радостью украшая,
Жестоких шипов, что сердце рвут на куски, не знают.

Она — кипарис высокий, руки ее — побеги,
Пусть вод из колодца смерти эти ростки не знают.

Завидуют ей шахини: чья на коне царица,
Та всадница, что смеется по-колдовски? — не знают.

Не знают — моя царица милостива и прекрасна!
Не знают, что наши души будут близки,— не знают!

Врывается ветер мира, топчет, ломает розы,
Пусть ветра тревог, о боже, ее лепестки не знают.

Глаза Навои и сердце, кроме нее, цветущей,
Другой пусть до надмогильной тяжкой доски не знают.

Где пери — кипарис? Умру я с ней в разлуке.
Могила мне милей бесплодных дней в разлуке.

Свернулся в свиток я, жестокая не знает,
Что язвы на душе стократ страшней в разлуке.

Ты душу мне секла, ты тело иссушила,
Стенаю, как тростник, бегу людей в разлуке.

«Алифа» нет в душе, живет в ней только пери,
Стрела любви моей еще острей в разлуке.

Как стал я сердцем слаб, любимая не видит,
А локоны ее еще видней в разлуке.

Мне безразличны все, красавиц не замечу,
Сквозь слезы слышу я лишь звон цепей в разлуке.

Убийцу не прошу, чтоб жизнь мне даровала —
Надеждой на любовь меня согрей в разлуке.

Заснул я, и во сне я сад увидел мирный,
О ветер, розы сна скорей развей в разлуке.

Забрезжит свет, но ты лишь призрак мой отыщешь.
О Навои, меня ты пожалей в разлуке.

Один лишь путь остался мне, безумному влюбленному,
Загробный мир достался мне, безумному влюбленному.

Не сто рубинов-лепестков у этой розы огненной —
Сто клейм-подков калит в огне безумному влюбленному.

Как мальчик плачется в углу: халвы тахинной не дали,—
Рыдаю: покажись в окне безумному влюбленному.

В своих слезах я сам тону, как в море челн купеческий,
Не дай же утонуть в волне безумному влюбленному.

Твой спящий глаз, как пьяный тюрк; слуга-мошенник — родинка.
Ограблен я! Но что в мошне безумному влюбленному?

Как в бане лезет истопник на плиты раскаленные,
Так нужно жизнь познать вполне безумному влюбленному.

И все же Навои-рабу позволь, о роза вольная,
Как соловью, петь при луне, безумному влюбленному.

Отчаивался ль кто, как я, из-за своей красавицы?
Жизнь сердцем переполнена, а сердце — у красавицы.

Терпеть невмочь, а силы нет от мира удалиться мне.
Без дома, родине чужой, лишен семьи — скиталец я.

Разорван ворот, на груди лишь раны обнаженные —
О друге плачу я в душе, и сердце разрывается.

Обитель честности черна от дыма, обожженная.
От горя юношей лик скорби кровью обагряется.

Я искренним когда-то был. Наставник благочестия! —
Теперь в разлуке одинок, от горя как избавиться?

Смертельный яд мне в душу лей все время, целовальник мой! —
Судьбы бокал в душе вверх дном — вином пусть наполняется.

Из дома скорби выходя, певец, песнь поминальную
Ты спой — так дом моей души и тела называется.

Ты в правде — вольный кипарис в саду прекрасной юности,
И в копях зрелости — рубин, коль честь тобою славится.

Дает всю душу Навои — всегда — не удивительно:
Ведь раб бежит от бека, бек от шаха отделяется.

Каждый видит от любимой ласку и радушие,
Мне же сердце истерзало милой равнодушие.

Мусульмане, что я сделал, я спросить хотел у вас,
Почему пришлось упреки от нее выслушивать?

Радость людям доставляет гибкая лоза ее —
А меня она шипами колет незаслуженно.

Животворная улыбка людям дарит счастье, жизнь —
Мне же смертный приговор несут уста воздушные.

Ветер озорной, не дуй ты на меня порывисто,—
Ночь не спал я, вой собак ее немолчный слушая.

О кравчий, пил я кровь свою, испив до дна бокал любви,
Так дай вина мне — выпью я всю влагу, жизнь дающую.

Спалив мое тело, пепел в поле пустом развей!
По огненной розе плача, углится соловей.

Не знаю, его ли сердце тлеет в саду ночном,
Жаровня ли розы — тлеют угли-бутоны в ней.

И, как лепестки, пылают крылышки соловья!
Не много ли в той жаровне ветер нажег углей.

Не роза горит! Глядите: жжет соловей гнездо!
Любого огня любовный алый огонь алей.

Оставь соловья и розу. Книгу из лепестков
Раскрой и прочти, а лучше — в чашу вина налей...

Пускай соловей — без песен, роза — без лепестков.
Забудешь, нарцисс, разлуку — чаша в руке твоей.

Ах, даже живую воду выплеснет Навои,
Коль в ней не найдет рубина влаги живой живей.

В сердце язвы, в сердце искры, что багряны от любви.
Не помогут никакие талисманы от любви.

Радуга едва видна мне из-за стрел твоих бровей.
Тучи слез перед глазами постоянны от любви.

Кипарис — красы светильник, светит он, как сто свечей.
Я живу, огнем стократным осиянный от любви.

Сердце сломлено, разбито. Милую увидел я —
Расцвели в руинах розы и тюльпаны от любви.

Пальме стан ее подобен, а ресницы с чем сравнить?
Из-за них не заживают в сердце раны от любви.

Кипарис вы посадите над могилою моей,
Коль паду я, встретив пери, бездыханный от любви.

Если смертью глаз смежится, будет и душе покой.
Каждый миг для глаз бессонных стал капканом от любви.

Море гибельно. Но плыл я, что есть сил, руками бил
И до берега добрался, неустанный от любви.

Люд мечети видел пери. И не только Навои —
Стали все толпой, безумьем обуянной от любви.

Не говори, что я — Фархад, блуждающий в горах лесистых.
Я на вершине гор стою над облаками — барс пятнистый.

Но если мотыльком сгорю при виде щек твоих румяных,
Кто удивится? Вечно я к прекрасному лицу стремился.

Я удивлен твоей красой — никто тому не удивится,
Но если б не был удивлен тобой никто — я б удивился.

Я умираю от того, что периликую не вижу.
Тому, кто сострадать готов, я окажу гостеприимство.

Разрушила всю жизнь мою ее холодная жестокость,
Развалины души теперь тревожит крик совы когтистой.

Коль мне вино кабатчик даст, не согрешу, его я выпив.
Пред тем, кто яд смертельный даст, готов, как раб, я
преклониться.

Подвижник захотел лечить мое безумие лекарством.
Узнав о том, о Навои, в его уме я усомнился.

В разлуке с пери перестану ли рыдать когда-нибудь?
В развалины меня придет ли утешать когда-нибудь?

Рассейтесь, ангелы,— боюсь, что с солнцеликой разлучен,
Дыханьем горя буду небо прожигать когда-нибудь!

Благодарю гаремных слуг теперь насмешливых со мной —
Должны они меня ведь были уважать когда-нибудь!

Напрасно пишешь про меня ты небылицы, о писец!
Истлеет лист, калям трухою должен стать когда-нибудь.

Жар вздохов в капли превратит на небосводе россыпь
звезд,
Зерцало дня туманом будут затемнять когда-нибудь.

В пустыне страсти я бродил, чего ж в степи любви
достиг? —
В таких скитаньях грех лишь можно отыскать когда-нибудь.

Цепей раскаянья с души не снимет седовласый шейх,
Кабатчик разве сможет грех твой тяжкий снять
когда-нибудь?

О Навои, ты от острот своих блестящих воздержись —
Вкусишь, как в небесах Иса, ты благодать когда-нибудь.

Пылает горем, тоской разлуки душа в ночи,
Мой глаз кровавый горит во мраке огнем свечи.

Души ожоги и раны сердца — как жернова,
Зерно печали, мука страданий и слез ручьи.

Юсуф мой стоит не сто динаров — ему в залог
Отдать готов я сиянье солнца и звезд лучи.

Больное сердце, твой хлеб — разлука, а кровь — вино,—
От этой пищи ты угасаешь, как жар в печи.

Его жестокость — благодеянье! Лишь я один
Забыт неверным, о мусульмане!.. Душа, молчи.

В безумном сердце и так немало узлов и пут:
Как цепи, сплетни, что ради взгляда в ход шли мечи.

О виночерпий, хмельную душу мою спаси,
Вином и светом глаза и сердце мне излечи.

Когда ж умру я, о виночерпий, здесь для меня
Палас узорный из нитей мира соткут ткачи.

Склонясь в молитве на камень тленья, ты, Навои,
Ни в двери рая, ни в двери ада сам не стучи.

В ночь печали обгорели свечи глаз моих с тоски,
И красней, чем розы, стали их кровавые зрачки.

Я сожжен огнем разлуки, и ожогам счета нет.
Что же между жерновами не увидел я муки?

Пьет лишь кровь больное сердце, пища сердца — лишь
печаль.
Груз любви взвалил на плечи, дни под бременем тяжки.

Мусульмане, я смертельно нечестивой поражен.
Знайте, что зажат навеки я в жестокие тиски.

Слышу толки о любимой, о красе ее кудрей,
И туги узлы на сердце, как волос тех завитки.

Зеркало души от горя мутно. Красоты свечой
И вином прозрачным, кравчий, эту темень совлеки.

Коль умру, зуннаром к ветру прикрепите вы меня
И ковром мой труп укройте, из мечети старики!

Навои стыдится неба, так как сам он положил
Голову на камень смерти, всем законам вопреки.

Из моих кровавых слез хну для милой сделаю,
Из агатовых зрачков я чернила сделаю.

Ради родинки твоей и рубина алого
Жемчуга души продам — ты просила — сделаю!

Призрак стана твоего, черный мускус локонов
Поселю в глазах моих — так, светило, сделаю.

И твою завидев тень, словно «алиф» стройную,
С «алиф-би» начну любовь — чтоб любила — сделаю.

Только губки прикусив, ты молчишь, неверная!
Не пора ли мне забыть все, что было? Сделаю!

Птице сердца петь в раю суждено, неужто я
Душу в клетку посажу и постылой сделаю?

Не развеяли тоски мысли благочинные,
Навои, идем в кабак — жизнь могилой сделаю.

За верность гнетом нас судьба вознаграждает часто.
Обиден верным дар судьбы такой бывает часто!

Не от того ль, что верность душ редка и ценна в мире,
Всевышний пыльным смерчем бед ее скрывает часто?

Удар судьбы неизлечим, но камень есть целебный,
Он лечит все, но как искать — того не знают часто.

Чтоб камень этот разыскать — всем ценным, жизнью
жертвуй.
Когда известна ей цена, вещь дорожает часто.

Я жизнь отдал, но от людей награды ждал напрасно —
Ошибся, да простит мне бог, ведь так бывает часто.

О шах! Подвластных не пугай мечом твоей расправы —
Жестокость бедным не страшна, хоть их пугают часто.

Свой гордый дух освободи от злых оков природы,—
Ведь в тесной клетке соловей, томясь, страдает часто!

Что чашка райского питья от горечи обиды?
Мне чаша тлена о себе напоминает часто.

О Навои! Чтоб улететь, себе расчисти место:
Печально с вороньем летать, а так бывает часто.

Это роза гулистана или ты, моя любовь?
Капли слез или тумана? Где же ты, моя любовь?

Нет, в глазах моих не кровь — это ветки аргавана
Расцвели в саду нежданно. Где же ты цветешь, любовь?

Не глаза в густых ресницах — это птицы в тростниках,
Не буди их утром рано, пусть приснится им любовь.

Я вздыхаю вновь и вновь. Вздохи, словно караваны,
Покидают эти страны, где безумствует любовь.

Не прожилок алых сетка — ветка рек вокруг зрачков,
Слез, текущих непрестанно, редко радует любовь.

Помолчи, не прекословь! О Мессия, вот что странно:
От смертельной в сердце раны не спасает и любовь.

Я — бездомный смерч в пустыне. Стынет кровь? — Не
убежишь!
Догоню, кружиться стану ныне над тобой, любовь.

Флягу с чашей приготовь. Я приду. Вино желанно.
Сердце счастливо, коль пьяно и забыло про любовь.

Навои, в ночи разлуки, руки протянув к луне,
Ты взываешь неустанно. Гаснут звуки, как любовь.

Разверзлись хляби глаз, и вот, как из небесных сит,— вода!
Зальет весь мир и синий свод в себе отобразит вода.

В слезах, в пучинах горьких вод, давно живет мой взор, и вас,
Народы мира, море ждет — потопом вам грозит вода.

Как Кейхосрову водный ток принес Джемшида чашу — мир,
Так пену к солнцу, на восток, по морю слез стремит вода.

И рана, где торчит клинок, кровоточит. Но кто бы смог
Заклеить пластырем исток, где вечная журчит вода.

А сердце где же? Нет в груди! Найди безумца посреди
Размытых ливнями степей. Скорей! Его кружит вода.

Да! Круг судьбы... беда... О друг, налей мне чашу: пусть река
Бурлит в душе моей, пока тоски не сокрушит вода.

Так полноводны жемчуга твоих двустиший, Навои,
Что, вдруг покинув берега, весь мир опустошит вода.

Сказать ли о своей печали иль о беспечности людей?
О сердце? Иль о той, что сердце разбила мне в груди моей?

Поведать ли о силе горя любви к прекрасной пери той,
Или о страсти безграничной, о тяжести ее цепей?

О тягости моих печалей, обидах — стоит говорить?
Иль о тоске, что стоном страстным сама не скажет правды всей?

Мне объяснить ли, как желаю свидания с кумиром снов,
Иль как разлука ранит печень кинжалом пламенных страстей?

Изменница, сказать ли людям о равнодушии твоем?
Меня несправедливо бросив, другим хоть верной быть сумей!

Что описать? Несправедливость? Иль пери? Или черный рок?
Или себя? — Один брожу я, любовь — удел других людей.

О Навои! Она вновь шутит, не знаю я, что делать мне:
То ли воспеть, прокляв, разлуку, то ль вновь просить свиданья с ней?

Как солнце за полог небесный скрывается каждую ночь,
Так светоч мой вечером уединяется каждую ночь.

Подобен свече средь друзей я, беспечных, как утренний
блеск —
Сгораю я, слезы текут, будто плавятся, каждую ночь.

Как небо, где солнце проходит свой путь, так и я без нее —
Ожогами страсти все тело мое покрывается каждую ночь.

Будь сонным иль пьяным, но все же спроси иногда о
больном —
Он при смерти, чуть ее образ появится, каждую ночь.

Наставник, кому поклоняться теперь? Я неверную ту
Увижу — и разум, и вера мои испаряются каждую ночь.

Когда-нибудь ночью спроси обо мне, ты будешь потом
Про кровь мою спрашивать — смерть приближается каждую
ночь.

Рыдай, Навои! Будут слезы — вино, твоя печень —
кебаб, —
Гостями мечты о луне той являются каждую ночь.

Вино оставить все меня наставники зовут.
Но виноват я, что рука подносит, губы пьют?

Наставник, ведь питье вина не от меня идет,
Послушай,— ясно струны чанга это же поют.

Безумья чашу пригубив, подвижником я стал.
Безумцы разве да глупцы об этом речь ведут.

Как светоч кубок ты поставь, о чашник, предо мной —
А то в подвижнической тьме пути все вкривь идут.

В ночи подвижничества я, чтобы не умер вдруг,
Такой свечой мне укажи ты кабачок-приют.

В питейном храме преклоню я голову свою —
К его порогу ведь и шах и нищий — все бредут.

«В том храме идолов не чтут»,— так Навои сказал.
Но Навои помянет кто — во имя бога! — тут?

Пал огонь на сердце, негасимым стал.
Глаз — окном сгоревшим, черным дымом стал.

Пламя исторгаю, страшен, запылен,
Словно пес бездомный, я гонимым стал.

Утро не приходит, бесконечна ночь,
В дегте свод небесный недвижимым стал.

Твой Юсуф невесел! Песню спой, Дауд!
Если бы от песни я любимым стал!

От недугов тяжких не врачуй меня,
Ты б и сам, поверь мне, нетерпимым стал.

Шаху снится вечность, мне — ее уста,
Шах сравнялся с нищим, одержимым стал.

Навои, коль хочешь богу угодить,
В монастырь ушел бы, нелюдимым стал.

Разлуки бы не знал с моей луною вечно.
Коль были б небеса в ладу со мною вечно.

Противники мои — войска забот и горя,
А я вооружен тоски стрелою вечно.

Обрежь язык свече — она не ровня милой,
Что освещает пир своей красою вечно.

Пускай гора скорбей расскажет о Фархаде,
Не знал он, что с Ширин Хосров душою вечно.

Все больше я смущен красой прекрасной пери.
Погибну от любви, мне нет покою вечно.

На плащ ханжи вовек вино не променяю,
Я заливаю скорбь вина струею вечно.

О Навои, готов и кровь ты пить из чаши,
Пусть полнится бокал ее рукою вечно.

Это сердце в груди, о тебе вспоминая, лежит,
Как сургуч, на котором печать именная лежит.

А на Млечном пути, что мне рану повязкой покрыл,
Не целебная мазь, но печаль неземная лежит.

Слез не лейте, глаза, ибо с камня не смоете вязь:
Мое сердце в слезах, как гробница резная, лежит.

Шейх-притворщик, на сердце твоем, как на зеркале пот,
Мгла от вздохов притворных и томных, я знаю, лежит.

Я скитаюсь по миру — кому бы я мог рассказать
О страданье, что в сердце разбитом, стеная, лежит?

Говоришь, Навои, что Адама сыны неверны?
Будь один — пред тобою дорога иная лежит.

Если кровью изойду — этому виною ты.
Если счастье не найду — этому виною ты.

Обещала: «Я приду!» Говорила: «Жди в саду!»
Если я с ума сойду — этому виною ты.

«Это горе — не гора, поцелую — все сотру...»
Каждый день растить беду — этому виною ты.

«Отражу я стрелы звезд!» — звезды ранами во мне
Отразились, как в пруду,— этому виною ты.

Я попал в твои силки! Не глаза — а колдовство,
Рот — как точка! Я в бреду! Этому виною ты.

Разорен я! Чашей мне станет жалкий черепок,
В сердце я свой клад найду — этому виною ты.

Глуп, кто ищет в Навои святость! Я ее пропил!
И сейчас в кабак иду — этому виною ты.

В разлуке сердце,— как в огне на вертеле желания.
Огонь и жертва! Где уж тут любовь и понимание?

Не диво, если кровью слез лачуга вся укапана:
Где соловей живет, из роз там украшенье здания.

Я бьюсь, как солнце в пепле туч, но не боюсь затмения,
Ведь ярче солнца этот луч о ней воспоминания.

Ах, почему ее рубин затмил ее же локоны?
Касался влаги Хызра он — оттуда и сияние.

Скрывает тело сотню язв и сердце все изранено.
Скрывает нищий сто монет под рванью одеяния.

Творец, изобрази меня в пустыне, одинокого,
И милой образ подари мне вместо подаяния.

Да, видно, бедный Навои далек от благоденствия,
Несчастлив он, но славит мир его благодеяния.

Не хочу венца иного — твоего коня подкова,
Словно веер над индусом, хвост павлина золотого.

На лице твоем вино, от вина твой взгляд яснеет —
То заря средь звезд алеет, то звезда играет снова.

Та, кому аллах дарит чашу винную, как солнце,
Небо возблагодарит ли, вознесет ли славы слово?

Нет! Взгляни, моя постель — это каменное ложе,
Изголовье — камень тоже, простынь просто изразцова!

Ты бесстыднее цыган! Ты убийца! — вот в чем дело,
Рой ресниц вонзаешь в тело, разрушая ткань покрова.

Чтоб окончить твой портрет — что мне сто листов
тетради! —
Оборву тетради ради листья цветника земного.

Кипарисом вольным стань, Навои, и завладеешь
Красной розы тонким станом, песней соловья ночного.

Два собеседника в саду и третий — кубок винный —
Пусть веселятся, я уйду с печалью соловьиной.

В шатре небес, придя на пир, луна прильнула к солнцу,
А я исчез, я канул в мир песчинкою пустынной.

Теперь вино две розы пьют из чашечки нарцисса,
Недаром соловьи поют над голубой долиной.

Но если спьяну в мир иной фазан и куропатка
Ворвутся — в тишине ночной пугнет их крик совиный.

О врач, я знаю, мне не жить! На раненое сердце
Велел ты пластырь наложить, смочив слюной змеиной.

Не плачу я, поет, звеня, мой саз полуразбитый,
И пусть невзгоды на меня обрушатся лавиной.

К чему рыдания твои и траур, небо ночи?
Ты не жалеешь Навои — страдает он безвинный.

Ах, только о твоем сокровище горюя,
В развалинах один, о солнце, жду зарю я.

Насупишь брови ты — с ума схожу от горя.
Взойдешь ли ты луной — молитву сотворю я.

Теперь моим глазам бессонным любы сказки —
Все ночи напролет о пери говорю я.

Как звезды мотылька манят, но не сжигают,
Так я с другими — лед, с тобою — весь горю я.

Случайно в майхане твое вино увидев,
Умру — но в погребок тропинку проторю я.

Закрыла ты его, сама того не зная,
Что в нем забвенье бед, что без него умру я.

Несчастный Навои, лицо посыпав прахом,
Слезами горьких мук, как жемчугом, сорю я.

Долго ли, себя казня, должен я о камни биться,
Чтобы разум покорить и любимой покориться?

Ты преступница, душа! Потянув за цепь безумья,
Я предам тебя суду, заключу тебя в темницу.

Право, я несправедлив, и душа не виновата:
Что не видели глаза, то могло ли ей открыться?

Мне не спится в эту ночь, не лежится, не сидится,
Я брожу, ищу во тьме, где же истина таится.

Только, что мне горевать? И зачем рыдать напрасно?
Предначертана судьба и не может измениться.

Я — пылинка, я молюсь, но меня не слышит солнце,
Мало пользы от мольбы — значит, незачем молиться.

Яд, кинжал или петля — много способов надежных,
Чтоб окончить эту жизнь и к любимой возвратиться.

Она ушла? Ей не уйти! — влюбленный нищим станет,
Обочина ее пути ему жилищем станет.

От счастья буду умирать вблизи ее ограды.
Ограду буду проклинать — пусть пепелищем станет.

Я крепость горя возведу вокруг души печальной,
И старый друг мне на беду врагом зловещим станет.

Ты — лал, ты — лилия, любя, тебя зову я, роза.
Еще немного и тебя сравнить мне не с чем станет.

Тоска, сокрытая во мне, о друг, меня сжигает,
От вздохов небо все в огне — оно кострищем станет.

О кравчий, глаз мой омрачен и сердце почернело,
Ворвись же солнечным лучом — и сердце вещим станет.

О Навои, свидетель бог, умрешь ты от горячки,
И старый винный погребок тебе кладбищем станет.

Как меня б ты не терзала — буду молча я терпеть.
Как бы клятв ни нарушала — буду молча я терпеть.

Обещала ты мне муку, людям — верность. Их оставь,
Дай мне то, что обещала,— буду молча я терпеть.

Слово милой — стих корана, хочешь ты меня казнить,
Но душа отважней стала — буду молча я терпеть.

Волосы твои душисты, солнце лика твоего
Тень твою мне начертало — буду молча я терпеть.

Что твоя усмешка значит? Как ее мне понимать?
Ты на что мне намекала? Буду молча я терпеть.

Навои, в руках любимой сердце верное твое —
И оно возликовало: «Буду молча я терпеть!»

Я буду очень удивлен, что соблюдает верность
Красавица. В нее влюблен, но есть ли в мире верность!?

Я столько черноглазых знал коварных и неверных.
Весь мир изменой заселен. Как отыскать мне верность?

Пусть черноглазая меня измучает сначала,
Чтоб был наградой исцелен. Награда эта — верность.

Сердечные страданья, боль пусть причиняет пери,
Пусть буду страстью опален. Меня излечит верность.

Влюбленный! Верность сохраняй избраннице навеки.
Единым чувством будь силен. Твоя опора — верность.

В наш низкий век не доверяй ни знатным, ни богатым.
Пей с горя, скорбью опьянен. Чужда вельможам верность.

Кто жизнью жертвует своей, чтоб верность доказать им —
Невежественен, неумен. Глупа такая верность.

И если ты услышишь речь о верности красавиц,
Не спорь, неправдой разозлен. Не верь лишь в эту
верность.

О Навои, не говори о верности! Быть может,
В мире лишь один бедняк хранить способен верность.

Лик твой в бисеринках пота обретает новый свет.
Ах, когда сияло солнце так в кругу своих планет!

За девятую завесу спрячься, чтобы мир не сжечь!..
Но, увы, все покрывала этот свет не скроют, нет!

Отражаешься, как солнце, ты в потоках моих слез,
Оставляешь в моем сердце навсегда горячий след.

Из души совью веревку, чтоб себя связать скорей:
Нежных уст твоих рубины порождают буйный бред.

Вопрошая: «Что со мною?» — в небесах луна плывет.
Я терзаюсь, но ни слова не могу сказать в ответ.

Пиршеству любви дарują соловьи свои сердца.
Я на углях роз пылаю — не спастись вовек от бед...

Коль вином печаль развеять ты захочешь, Навои,—
В пузырек, кипящий в чаше, превратиться — дай обет!

Наступили дни разлуки, угрожает смертью рок.
Для чего терплю я муки? Все равно умру в свой срок.

От любви твоей к другому я страдаю, я горю.
Рай с тоскою вспоминаю, в ад шагнув через порог.

Надо ль в горькое лекарство добавлять смертельный яд?
Ты, губя меня разлукой, добавляешь к ней упрек.

Для чего, любя другого, так сурова ты со мной?
Ведь равно ласкает солнце и колючку и цветок.

Твой тулпар мои желанья раскидал, развеял в прах,—
Сердца лучшие надежды смяты, втоптаны в песок.

Стан твой, схожий с кипарисом, я б омыть слезами мог...
Ах, унес мечты о счастье слез безудержных поток.

Жжет меня твое сиянье. Гордый взор, как меч жесток.
Ах, зачем мечом жестоким сбить спешишь меня ты с ног?

К смерти ты приговорила злой разлукой Навои,—
Душу с телом разлучила и аллах мне не помог!

Есть где-то пери, говорят, она красивей всех.
Любовь моя милей стократ, она красивей всех.

Красавиц много, но она весь мир ввела в соблазн,
Нет в мире без нее услад, она красивей всех.

Ее лицо, как ясный день, глаза ее, как ночь.
Ланиты, как тюльпан, горят — она красивей всех.

Пускай мне возразит иной — мол, краше лица есть,
Но ясно говорит мне взгляд — она красивей всех.

Красой насытиться нельзя, красе предела нет,
Юсуф прекрасней был навряд — она красивей всех.

Коль были бы Ширин, Лейли прелестны, как она,
Меджнун грустил бы и Фархад — она красивей всех.

Пусть солгала и не пришла — прекрасна эта ложь.
Прощу ей все, ей нет преград, она красивей всех.

Я слышал, гурии добры, но гурия моя
Добрей, отрадней всех отрад,— она красивей всех.

О Навои, в ее саду шипы, как лепестки,
А улица ее, как сад,— она красивей всех.

Оттого, когда я в горе, ты не раскрываешь рта,
Что от сладости безмерной склеились твои уста.

Услыхав упрек, печально, гордо покраснеешь ты,
Будто я разбил случайно гладь кристальную пруда.

Я прижат горою горя, прошептала ты: «Фархад!»
Сладкая! — таким прозваньем славилась Ширин всегда.

Бросилась твоя собака на меня, но обожглась
Иль, услышав запах тленья, испугалась неспроста.

И в Меджнуна и Фархада может превратить любовь,
Если дочери Востока нас коснется красота.

Жаждущий! Любовь в разлуке не пытайся обмануть:
Если рядом нет желанной, то желание — тщета.

Навои, в гареме шахском пышным почестям не верь,
Знай свои права, приличья не теряя никогда.

Помню — я писал в унынье, как темна разлуки мгла.
Облака листами были, склянкой с тушью — ночь была.

В землю слезы уходили. Потрясали вздохи даль.
Я таил воспоминанья, как таит огонь зола.

Человек сильней желает то, чего достичь нельзя.
От несбыточных мечтаний жизнь порою не мила.

Верой в близость я пытался боль разлуки одолеть,—
Но когда мечта о жизни смерть прогнать от нас могла?

Я разлукой с милой пери в каландара превращен.
Как Меджнун, Лейли искавший. своего лишен угла.

Я б хотел, чтоб перед смертью был мой разум сокрушен.
Чтобы прах мой буйным смерчем буря вздохов унесла!

Не построила б Каабу, из страны в страну бредя,—
Но, к стопам прильнуть позволив,ты бы жизнь мою спасла!

Прочь от мира удаляясь, каландар твердит: «Прощай!»
Голова, склонившись долу, от печали тяжела...

Сердце Навои с собою, уходя, ты унесла,
Как богач добро уносит разоренного дотла!

Весной страшна разлука. О кравчий, выпить надо,
Чтоб бушевать, как туча, не вытрясшая града.

Глаза, не встретясь с нею, весенних туч мрачнее.
О молния свиданья, твой блеск — глазам услада.

Ты — белизна жасмина, а я — красней тюльпана.
Ты — молоко, я — рана, рок дал нам два наряда.

Две полных чаши, кравчий, поставь передо мною:
В разлуке с ней — в плену я душевного разлада.

Тебя целуя в губы, умру за это, кравчий.
Одну губу подставь мне, коли мала награда.

Вино — мое забвенье. Лишь о любимой помню,
Но будет мной забыто все человечье стадо.

Кыпчак, огар — для бека; кият, билгут — для шаха;
Красивая цыганка — для Навои отрада.

Волосы ты распустила — ночь сгустилась в волосах.
Спрятала лицо, как солнце, и остался я впотьмах.

Сердце отделить от тела налетела на коне:
Истоптала, растерзала и развеяла мой прах.

Губ рубиновых лишенный, захлебнулся я в крови,
И мои алеют слезы всюду на твоих следах.

Счастье так и не проснулось, но сто тысяч козней злых
Разбудили моих стонов, моих воплей боль и страх.

Кравчий, мой стакан до края не успев еще налить,
Для чего же иноверку пригласил ты в наш кабак?

Соблазняя, иноверка так ославила меня:
«Он — гяур, вероотступник!» — говорят во всех домах.

С Навои не пел, не плакал соловей — пусть не грустит
Над красою розоликой, что гуляет в цветниках.

О, китайская турчанка — удлиненные глаза,
Лоб в морщинках от жеманства... что упоминать нельзя.

От надменности раскоса, поглядела на меня —
Словно огненным разрезом сердце рассекла гроза.

Не от голода тускнеют той красавицы зрачки,
И не с голодухи кровью напиталась их краса.

Перед ней узбек с монголом шепчут клятву мусульман.
Кто она: тугмач, калмычка? — точно не могу сказать.

Ей нужна душа. И сердце удирает в страхе прочь,
Взгляд — как молнии мгновенной огненная полоса.

Рот ее для поцелуя нежность губ полуоткрыл,—
Так приятны подбородок, шеи гибкая лоза.

Навои, когда свиданьем не утешишься теперь —
Унесут навеки сердце удлиненные глаза.

Если друг душист и розы распускаются весной,
Без вина не жить ни утром ни вечернею порой.

Если верности на свете, виночерпий, не найти,
Верным будь хотя бы этой дружной чаше круговой.

Милосердием безмерным ты народу повредишь,
Если хочется покоя, путь себе найди прямой.

Не желай добра чужого, крови сам не проливай,
Только кровь вина и счастья трогай смелою рукой.

Дверь закрыло опьяненье, я похмельем истомлен.
О яви, привратник, милость — дверь скорее мне открой!

Шейх, старуха небосвода убивает равных ей.
Не вступай в союз с прекрасной — дочь она лозы
хмельной.

Навои, в морях печали хочешь берег ты найти —
Стань в ладью вина сначала, как отважный рулевой!

Не придет она — из тела мое сердце выйдет,
Но забьется, коль из этой узкой дверцы выйдет.

И пустыня станет садом, коль она из сада,
Грациозней кипарисов островерхих, выйдет.

Опасайтесь, мусульмане! Угрожать исламу
И религию разграбить иноверка выйдет.

Нет, из глаз моих не слезы — капельки сочатся,
А из раны капля крови, на поверку, выйдет.

Из груди моей, приятель, вытащи занозу —
Заодно стрела из сердца милосердно выйдет.

Если на меня и небо гнев свой обратило,
Разве же мои стенанья слушать сверху выйдет?

Чашу Навои наполни, кравчий, в утешенье —
Ведь любимая печальна непомерно выйдет.

Опьяненную встречая, сам хмелею без вина,
Хоть она, я понимаю, до меня была пьяна.

Розу росы освежают, а красавицу — вино.
Красота такая выпьет солнца родники до дна.

Не расспрашивай, куда я в даль пустыни ухожу —
Разве знает направленье пыльной бури пелена?

Взрезав грудь мою кинжалом и пронзив стрелой разлук,
Приспособит для кебаба жар души моей она.

Каждый вздох мой уплывает тучей дыма к небесам,
Облачком тончайшей амбры сердца боль окружена.

Покрывалом скрыли кудри солнце яркого лица —
Солнце жизни закатилось, расставанья ночь длинна.

То, что прежде было тайным, явным сделает любовь,—
А иначе яркость полдня тучею затемнена.

Я как раб — корчмы хозяин тайну разгадал мою,
А слуге такая тайна оказалась не нужна.

Навои, нравоученья шейха мучают народ —
В ханаке, в кругу мюридов, он пирует дотемна.

Самый рай — с тобой в разлуке — превращается в тюрьму.
Сад не розами — шипами — близок сердцу моему.

То не рдеют, осыпаясь, лепестки багряных роз,
Это кровь вплетает в слезы розоцветную кайму.

То не море и не горы; это море слез из глаз,
Это горы скорби в сердце; тяжко сердцу одному.

Не тверди, что «вмиг не скроют облака лазурь небес!»
Дым моих тяжелых вздохов превращает синь во тьму.

Всюду молнии сверкают, тучи грозные рычат,
То в груди сверкают вздохи — иль стенанья — не пойму?

То не ливень непрестанный — разлучен с одной луной —
В три ручья струю я слезы — и потоп в моем дому!

Побеседовав с друзьями, расставайтесь не спеша,
Кто избрал разлуку с другом — не завидую тому!

Тот, кто пьет вино свиданья, будет знать разлуки хмель —
В розу без шипов поверить не дозволено ему.

Други, нынче к назиданьям глух тревожный Навои,
Ведь в мучениях разлуки скорбь и боль пришли к нему.

Сердце тщится задержать в пути очи, разлученные с тобой:
Сдержит глаз один, но слезопад из другого все сметет
собой.

Рок две розы горные хотел уподобить твоему лицу;
Впрочем, с вечной прелестью твоей, право, нету сходства у
любой!

Временем разлуки удручен, вспоминаю локоны твои.
Твердь мне направляет прямо в грудь твой клинок
небесно-голубой.

Плачу, чтоб в пустыне злых разлук зашумела зелень бытия.
Вздох мой вешним облаком плывет у меня над самой
головой.

Ранив сердце мне разлукой злой, гневно отшвырнула ты
его:
В луже трепыхается оно — птицей, обреченной на убой.

Кравчий, что на гурию похож,— не вино — Кавсара влагу
мне
Принеси; зане разлуки хмель — рвет мне душу тягостной
борьбой.

Мастер мил аллаху, но, увы,— лишь небытие он смастерил:
Он не тот, к которому спешат тысячи богатств наперебой.

Лишь пока я жажду пить вино, в сей коварной влаге я тону.
Где тот пьяница, что лишь глядит в терпкий сок, от
пузырьков рябой?

Если в истине ты видишь цель, то скорее от людей уйди.
Эту цель обрящет только тот, чьей аллах руководил
судьбой!

Диво ль — эти очи и уста сокрушили сердце Навои,
Если — что ни миг — его пьянят два рубина, ставшие
губой?

Зерна слез моих наземь летят с высоты.
Как любви семена, эти струи густы.

Коль любовь совершенна, не в прелести дело:
Жар свечи мотылькам — образец красоты.

В мое сердце, подобное гибельной чаше,
Сок разлуки хмельной нацедила мне ты.

Все счастливцы «Юродивый он!» закричали,
Увидав на бумаге Меджнуна черты.

С небосводом — коварной и злою старухой —
Не водись! Ведь в душе ее нет теплоты!

Нетопырь мой! Ты прячешься в полдень в кумирне:
Днем и ночью к тебе устремляю мечты!

Навои, ты безумен — и это не диво:
Голова идет кругом от винной тщеты!

Я в печали о ней; свежих язв не заметил вначале.
Птица сердца теперь — черногрудка в пустыне печали!

Не твои это стрелы, застрявшие в теле моем,—
Струйки крови от них — дождевою водой зажурчали!

Что за розы в саду моей гибели нынче растут!
Кровью ран моих почву для этих цветов умягчали...

Если душу мою не выводит из плена любовь,
Надо ль, чтобы из сердца клинки огорченья торчали?

Не тверди: «В ночь страданья погасла свеча бытия»,—
Тусклый пламень свечи загасился.слезами печали.

Ты в долину любви без особой поклажи вступай,
Чтоб заботы вседневные плеч твоих не отягчали.

Навои вместе с постником нынче в питейном дому:
Мирозданье второе для постника в этом кружале!

Лишь, кокетливый кипарис, ты с улыбкой явишься нам,
Люди помыслов и надежд бросят душу к твоим ногам.

Я в узоре одежды своей подчеркнул язычков изгиб,
Чтобы тело свой сказ о любви тем доверило языкам!

Ясный свет твоего лица сделал сердце мое водой,—
Лютый жар свечи здесь таков, что подсвечник расплавился
сам.

Перед замком твоим, о краса, преклоняется род людской,
На него люди смотрят, молясь, будто знают: Кааба там!

Рутой в огнь лица твоего брось зеницы моих очей,
Нет, руками закрыв лицо, стань незримой моим глазам.

Если есть совершенство в любви, то любимому быть
в силках,
Ну а ежели ты не Махмуд, не причтешь Аяза к друзьям.

Коль заплачет вдруг Навои, не тверди, что его любовь
Только иносказанье. В ней — солнце истины светит вам!

Птица принесла твое письмо: пламень в сердце вскинулся, высок,
Будто крылья в непроглядной мгле сотворили огненный мысок!

Осень тело изъязвила мне; коль умру — не диво: ведь сейчас
Жизнь моя, как роз махровых куст, сбросивший последний лепесток.

Вихрь разлуки мой развеял прах — и его не сыщешь, не найдешь,
Не таков ли для людей любви мускусом пропахший ветерок?

Молвишь: «Нечестивец во хмелю убивать отнюдь не помышлял!»
Отчего ж пришли в смятенье те, коим правду возвестил пророк?

Коль благополучья жаждешь ты, подчинись велениям судьбы;
Больше от жестокости людской пострадает тот, кто сам жесток.

Навои, коль надобно теперь навсегда оставить сей приют,—
Хочешь — свет широкий исходи, а не то — забейся в уголок!

В этом мире мой взгляд прикован к услаждающей
шумный пир,
Пир отрады устрой, о кравчий, ей в саду, украшающем мир!

Кипарис — безлик, а у розы — есть лицо, но без глаз
и бровей.
Нежность розы и стан кипариса — все в красе твоей,
мой кумир!

Если меч обнажишь ты острый, то для казни место
назначь;
Если горло мечу подставлю, не казни меня, мой вампир!

Если глуп негодный соперник, умертви его, словно пса,—
Смерть и бешенство исцеляет, утверждает покой и мир!

Плащ мой постнический, о старец, ты возьми на пиру
в залог;
Что с ним делать? Вино цеди им в шумный час, когда
полон трактир!

Если все когда-нибудь в землю ляжем мы о семи слоях,
Что нам девять шатров небесных, для чего нам зенит
и надир!

В сотню раз умалилось терпенье, во сто раз возросла
тоска,—
Навои, узрев эту прелесть, все возводит в иной ранжир!

Я, жестокосердой уязвлен, плачу — о самом себе —
в печали:
От паласа черных бед моих клочья войлока к плечам
пристали.

Если с этой пери мы вдвоем убежим — нас люди
не отыщут,
Упорхнет она — я, словно дух, и — следы мои незримы
стали!

Ах, едва она откроет лик, отражусь я в пламени бегучем.
Лютый огнь наслала на людей; этот жар мы все терпеть
устали!

Коль волна горячих слез моих смоет глаз моих ночную
темень,
Диво ль? Звезды полетели б вниз, если б волны до небес
достали!

Странен жемчуг острых слов ее и на поясе ее — рубины,
Ибо нежный стан ее — незрим, и уста быть зримы
перестали!

Сердце мое вышло к ней, как дичь, ей подранком
показаться может:
Прогнанное, кровью истечет, чтоб его по следу отыскали!

Знаешь, слишком часто дочь лозы собеседницей твоей
не делай,
Ведь завесу чести раздирать с неких пор привыкла
не она ли?

Если портик тела своего надписями жаждете украсить
Позаботьтесь, чтобы покрупней люди слово *бренность*
начертали!

Навои, лишенные сердец — вести обрели о сердце каждом,
Но исчез среди безумцев тех наш скиталец. Впрочем,
навсегда ли?

Рой стрел твоих огнем мне грудь карежит,
Хоть капля — пламени разжечь не может.

Я, обожженный прелести огнем,
Скачу, а он меня язвит и гложет.

Живой водою залит лепесток
В миг, когда сладость губ вино тревожит.

Твердите вы: «От уст ее беги!»
Но воздержанья век не мною прожит!

К чему Фархаду гибнуть, коль Парвиз,
Узрев Ширин, в груди желанья множит?

О кравчий, красота мне неверна —
Рой лепестков швырнешь в вино, быть может?

С луной свиданья жаждешь, Навои?
Не спи. Страдальца бденье обнадежит.

Без страха и состраданья губит меня разлука,
Но если убийцу любишь — и умереть не штука.

Чтобы дать выход страсти, кинжал себе в грудь вонзил я,
Но боль не ушла из сердца, жестока и многорука.

Наверно, клинка обломок вынуть из раны хочет
Та, чьи ресницы — стрелы, а брови — подобье лука.

Скакун ее легче молний, но для чего ей небо,
Ристалищем страсти сердце считает любви наука.

Чувство мое могло бы у ангелов вызвать зависть,
Но страсть я скрываю, тайна — ее чистоты порука.

В страданьях иссохло тело, но голодны псы любимой,
Себя обреку им в жертву, умру, не издав ни звука.

Шейхам в мой тесный угол звать бесполезно мудрость,
Нужен ей свод как небо, где звезды и ветви тука...

О Навои, мужчине любить подобает женщин,
А ты вожделеешь к пери — ну что ж, по греху и мука.

Не рана это совсем, где гибелью сталь прошла —
Душа в разлуке с тобой свой ворот разорвала.

Ты хочешь зажечь людей — зажги сначала меня,
Высоко поднять огонь сухая щепа могла.

Лишь Быстрая подошла, рассудок мой улетел,
Увидевшего ее судьба с ней навек сплела.

Людей сражая тоской, не дашь ли радости мне?
Даруя счастье другим, ты мне лишь печаль дала.

Мой вздох в тоске по тебе коснулся семи небес,
Ты видишь, семь новых звезд полночная тьма зажгла?

В ней жалости нет ко мне при виде раны моей,
Она бы клеймо любви нести, как я, не могла.

Ведь роза всегда в шипах, а тот, кто в нее влюблен,
Подобен сам соловью и в сердце не носит зла.

За чашею Навои забыл самого себя —
Противоядием зол нам чаша всегда была.

Когда аллах тебя, луна, сердец желаньем сделал,
Меня разрушенным до тла любви страданьем сделал.

Не диво, если стану я царем людей любви;
К тебе, царица красоты, я страсть преданьем сделал.

Пойми, о всемогущий рок, и милость мне яви,
Коль пери с головы до пят ты обаяньем сделал.

Эх ты, писака, что тебе мучения мои?
Эй, лживый шейх, меня своим ты порицаньем сделал.

Погрязшим в пьянстве, в кабаке меня изобрази,
Ты словоблудье и донос своим призваньем сделал.

А тот, кто отдал жизнь любви, чьи плачут соловьи,
Всё, что искомо для любви, своим мечтаньем сделал.

И если бросил в сонм собак себя ты, Навои,
Собаку в сонм людей приняв, с умом созданьем сделал.

Все, чем обладал я прежде, в миг один беда сожгла,
Душу, жившую в надежде, ты, открыв уста, сожгла.

Не оправдывайся только: «Что я сделала тебе?»
Ты одна, моя убийца, сердце без труда сожгла.

Словно волосок на ярком, жарком пламени свечи,
Мое тело извивалось, ты его когда сожгла.

Ты, словно охотник меткий, дичь на угольях костра —
Мою душу, из которой кровь лилась густа, сожгла.

Были у меня желанья — молния попала в них,
Были у меня сомненья — ты их без следа сожгла.

Навои, ты размечтался снова об ее устах,
Все, о чем ты прежде думал, вмиг твоя мечта сожгла.

Глаза и сердце, потоп из вздохов и слез сделайте,
Тело и дух руинами в грохоте гроз сделайте.

Любовь и страданья, заставьте сердце мое умолкнуть,
Слепыми глаза, белыми пряди волос сделайте.

Прожитой жизни дворец разрушьте до основания,
Свалку на месте аркад и зарослей роз сделайте.

Не затрудняясь причиной, бейте меня и мучьте,
Но легче бремя разлуки и цепь ее кос сделайте.

Те, кто не любит, любить не спешите, до этого
О расставаньях грядущих року запрос сделайте.

От горестных вздохов луна и солнце туманятся,
Норы в сердце земли, чтоб укрыть их от рос, сделайте.

О люд кабаков, полна душа Навои разлукою!
Чашу пустую его полной соками лоз сделайте!

Под отступницей этой — скакун лицемерья, взгляни.
На султан она щиплет у ангелов перья, взгляни.

Что луки бровей повторяют изгиб плечей ее,
Словно радуга солнце, постиг лишь теперь я, взгляни.

Колчан на боку ее, пика в руках тяжелая,
На змею стоязыкую, скрыв недоверье, взгляни.

А хочешь узнать, сколь опасно ее оружие,
На меня — искалечен, затравлен, как зверь я — взгляни.

Может разрушить весь мир та, что сердце разрушила,
На пустыни любви, на болота безверья взгляни.

Розы бы вечно цвели, если б не ветры осени,
Пред небом в долгу лишь за горечь потерь я, взгляни.

Умер бедняк Навои, что счастья не видывал,
Что ж тут дурного? — На смерть из ее преддверья
взгляни.

У любимой на пиру, милый музыкант, играй.
Книгу горести моей и печали открывай.

Ты рассказывай о том, как страдаю, как грущу.
Ты мелодию тоски вдохновенно исполняй.

Твои струны хорошо прославляют мир иной.
Но сейчас о мире том, я прошу, не вспоминай.

Если струнный инструмент все не сможет объяснить,—
Словом песенным своим инструменту помогай.

Голову мне отруби — может, буду я смелей.
Побыстрей гони коня, свистом сабли опьяняй.

Так настрой свой инструмент, чтоб созвучен пиру был,
У любимой на пиру от других не отставай.

Не беда, что твой напев вовсе не для Навои,—
Слух ценителей других тем напевом услаждай.

Что Лейли с Меджнуном рядом, нет тут странного,
друзья,
Что Лейли — его отрада, нет тут странного, друзья.

Горечь мук в разлуке с пери пью, терзаясь от тоски,
От обиды и досады, что тут странного, друзья?

Отравители-убийцы — пери нежные уста —
Душу наполняют ядом, что тут странного, друзья?

Есть соперник — вот причина. Я от горя почернел,
Как от копоти и чада, что тут странного, друзья?

Косы пери — будто полночь, лик — рассветная заря:
Встрече с солнцем сердце радо, что тут странного,
друзья?

У меня украли веру — келья стала кабачком,
Напиваюсь до упаду, что тут странного, друзья?

Навои, попались птицы в локонов ее силок.
Плен такой мне как награда, что тут странного, друзья?

Над садом твоим покружив, умчал я, как злобный ветер,
Ты в нем осталась, деревце изящнейшее на свете.

Мне суждено одиночество бесконечной разлуки,
Тебе — свидания с тем, кого ты поймала в сети.

Напрасно не спрашивай ветры, как без тебя живу я,
Тончайшая пыль страданий видна лишь при ярком свете.

Зачем вспоминать о сердце, которое ты отвергла,
За все, что случится, будут другие сердца в ответе.

В саду твоем прихотливом я просто не умещался,
В пустыню воображенья я изгнан ударом плети.

Ну что ж, средь людей от века верность не существует,
А то, чего нет, не сыщешь, об этом знают и дети.

О Навои, свобода — ценнейшее из сокровищ,
В оковах ты стал бы нищим, владей хоть всем на планете.

Чтоб всех покорить, красоту твою взять должна роза,
Поверь, сравниться с тобой не смогла ни одна роза.

Твой стан окутал зеленый шелк, лицо твое бело,
Быть может, на кипарисе творцом взращена роза?

Свежая кровь — не роса на розе столепестковой,
В разлуке терзает меня с темна до темна роза.

Сокровищ твоей красоты я и желать не смею,
Ведь из отвергнутого тобой сотворена роза.

Слыла бы ты кипарисом, если б ходил кипарис,
Розою, если б была рассмеяться вольна роза.

О Навои, если слов твоих не слышит подруга,
Ее не вини понапрасну, помни, она — роза.

Мне без тебя пышность весны, и сад, и цветы в тягость,
Что там сад и весна! Жизнь, если прячешься ты,— в тягость.

Станет ли петь соловей в саду, где срезаны розы,
Был бы мне, верь, даже рай без твоей красоты в тягость.

Если твой взгляд не следит за сердцем моим влюбленным,
Ему все слова, что мудры, чисты и святы, в тягость.

Когда пылает любовь, что толку тебя лишь видеть,
Для обгоревшего солнце, что жжет с высоты, в тягость.

Спешат иные в огонь, и клин выбивают клином,
Но всем им, избравшим разлуку, даже мечты в тягость.

Выдержит сердце сотни стрел, возлюбленной посланных,
Лишь слабым раны любви, что светлы и чисты, в тягость.

Там, где пируют чувства, сердца — это чаши крови,
Влюбленному блестки мирской суеты в тягость.

В Мекку цели стремясь, позабудь о стрелах страданья,
Разве идущим к святыне колючек кусты в тягость?

О Навои, на небе затянули звездами уши,
Замкни свой язык, там криком сведенные рты в тягость.

Стрелы милой полетели в грудь мне, обнаружив путь
Смерти — к сердцу, ну а сердцу входом в жизнь тот служит путь.

Как с окружности высокой к центру линии ведут,
Так с небес несутся стрелы, намечая в душу путь.

Стрелами я весь изранен, горем я пронзен насквозь.
В ливне стрел моя дорога, мой все хуже, хуже путь.

Пусть моей разлуки раны будут, как пути чертеж.
Пусть моей прекрасной пери будет нужен этот путь.

У меня перед глазами ярких уст твоих мечта.
Кровь из глаз моих струится — с мукой дружен этот путь.

Как же в кабачок свиданья, виночерпий, мне пройти? —
Держит молодой и старый в сторону все ту же путь.

Навои, я зашиваю раны на груди своей,
Чтоб осталась пери в сердце, чтоб закрыть наружу путь.

Не дивись, что влечет меня к небытию, о сердце,
Люди быстро забудут кончину мою, о сердце.

Хоть много я думал, но не постиг, что значит радость,
А без радости в сердце я жить устаю, о сердце.

Люди за верность всегда изменою мне платили,
Но их дружбы прошу я за дружбу свою, о сердце.

И если во всем разобраться, лишь ты виновато,—
Ты собою вскормило страданья змею, о сердце.

Везде, где приход красоты лишь начало несчастий,
Посрамлен я, как воин, что струсил в бою, о сердце.

Пери волосы распускает, пленяя безумца,
Но цепей, что надеты тобой, не таю, о сердце.

То, что было, прошло, но любить зарекись навеки
Тех, чей прадед Адам; я на этом стою, о сердце.

Так сказал Навои, но, послушай, если полюбишь,
Он все правды отдаст за неправду твою, о сердце.

Мир сгорел бы, если б в разлуке я рыдать над судьбой начал,
Оглох бы, если б стонать, разлучившись с тобой, начал.

Горе мое укрыться лишь куполом неба может,
С тех пор, как я видеть солнце рядом с собой начал.

Войдя в меня, страх разлуки сделал печальным сердце,
Напрасно, призвав надежду, с тоскою я бой начал.

Беда ли, что ветром вздохов звезд угольки гашу я,
И пепел седой кружиться в дали голубой начал.

Пыль забот с мирозданья смывать я решил слезами,
Отстраивать мир, сожженный тоской и борьбой, начал.

Но винный угар приятней, чем опьяненье властью,
Врежу я себе, другим бы владыка любой начал.

О Навои, в разлуке тебе умереть придется,
Молись, чтобы мертвых будить Мессия трубой начал.

Ты, чей стан моим самшитом некогда нарек я сам,
Будешь вольным кипарисом, в этом дал зарок я сам.

От разлуки добровольной сердцу больно и легко,
Ты свободна, если счастье дать тебе же смог я сам.

Если хочешь — будь со мною, а не хочешь — будь с другим.
На отшельничество это ведь себя обрек я сам.

От раскаянья стеная,— ты тому свидетель, шейх,—
Книги страсти сжег, развеял до последних строк я сам.

Сколько буду я отвергнут, а соперник счастлив с ней?
Все ж меня изгрызла ревность, сердце не сберег я сам.

Нет, жива любовь к неверной, без нее покоя нет.
Горе мне! В разлуке с милой виноват не рок — я сам.

Навои, быть может, сердце не захочет внять словам,
Если был бы убежденным в том, что есть в них прок,
я сам...

Вновь разлука обожгла, вновь тоской теснится сердце.
Разум вновь испепелен, и опять дымится сердце.

Постоянство искушать — нет вреда, но нет и пользы,
Тот, кто любит, тверд в любви, помнит о царице сердце.

Путник, цели ты достиг, если ищешь прах Меджнуна —
Обращен и я во прах, сделалось гробницей сердце.

Гвозди в небе вместо звезд, дегтем небосвод измаран,
Не зажжется никогда светлою денницей сердце.

Не ликуй, соперник мой, был и я любезен милой,
А теперь отвергнут я, и теперь темница — сердце.

Сердце, не печалься так — может быть, в разлуке благо.
О шалунье позабудь, пусть другой пленится сердце.

Если дева, Навои, не огорчена разлукой,
Не прощаясь, уходи, пусть угомонится сердце.

Двух зубов мне не хватает, но какая это щель!
Жизнь из щели выползает, смерть вползает в эту щель.

Щели все заделать можно, щели можно заложить.
Кто же эту щель заложит? — не простая это щель.

Как бы ни был осторожен, как бы ни берегся ты,—
Даже краткое мгновенье расширяет эту щель.

Нет, не только дверью смерти представляется она —
Множество земных печатей проникает в эту щель.

От зубов сто притеснений — вот мой тягостный удел.
Зубы возраст отмечают, дни считает эта щель.

Ближе, ближе срок предельный, грань небытия видней.
Не одни редеют зубы, и глаза — пустая щель.

И всё выше поднимаясь, скорби и печали дым
Застилает их и мраком наполняет эту щель.

Неустанно, неуклонно сквозь глазницы, меж зубов
Старость с сотнею недугов посещает эту щель.

Навои, к пути готовься — это твой последний путь.
Близкой смерти посещенье означает эта щель.

Чтоб свежей ты травой была в саду моем, хочу я.
Чтоб ты смеющимся цветком сияла в нем, хочу я.

Моя любимая больна, и дух мой с нею страждет.
Чьи муки горше, не узнать. Но быть врачом хочу я.

Без милой хижина моя — пристанище печалей.
Чтоб снова солнцем ты вошла в мой темный дом, хочу я.

Живую воду подноси, о Хызр! Зачем ты медлишь?
Отдать ей душу, быть вовек ее рабом хочу я.

И если кровь, как хна, нужна ее ногам, ладоням,
Чтоб крови дать ей, грудь мою пробить мечом хочу я.

О лекарь! Сообщи скорей, что милая здорова,
За весть такую жизнь отдать, забыться сном хочу я.

О Навои! Ты стан ее видал, стреле подобный.
Чтоб был твой глаз навек пронзен стрелы концом, хочу я.

Опять я скорблю — так хорош мой кумир.
Разлука — бесстыдный грабеж, мой кумир.

И разум украден, и дух поражен,
Печальное сердце не трожь, мой кумир.

Родник застыдился твоей чистоты,
Ты ярче, чем роза, цветешь, мой кумир.

Изранен я камнем тоски о тебе.
Я пыль, и по ней ты идешь, мой кумир.

О родинки мускус над глазом твоим!
С газелью китайскою схож мой кумир.

Язычники ниц пред тобою падут,
И праведных ввергнешь ты в дрожь, мой кумир.

Что радости в жизни, скажи, Навои!
Засада — весь мир, острый нож — мой кумир.

Ты высмеяла страсть, и стал позор мой явным.
О как смириться мне с тем жребием бесславным?

Я от безумья — див, но не по доброй воле
Я дом твой обхожу изгнанником бесправным.

Без солнца пылью стал, а был подобен небу,
Что обнимает мир в своем движенье плавном.

Но все ж не меркнет страсть, хоть пламенем смертельным
Объята голова, а в сердце меч отравный.

Как несравненна ты в красе своей и стати,
Так хочешь, чтоб в любви никто мне не был равным.

Чтоб знать, как я убог — лишь для того мне мудрость.
О кравчий! Дай вина, поднимем тост заздравный.

Что делать, Навои! Твой пыл известен милой,
Хоть ты любовь свою пытался скрыть исправно.

Оставь скорей случайный кров. Пускай душа больна —
Для путника всего милей родная сторона.

Твой путь опасен, конь твой хром, дорога далека,
И все ж оставь случайный кров — пусть цель едва видна.

Твой караван уйдет вперед, останешься один —
В пустыне той грабеж, разбой, недаром ночь темна.

Неопытному ни воды, ни пищи не сыскать —
Легка дорога для того, кем пройдена она.

В ком нет сомнения, лишь тех свиданье с милой ждет —
Обдуман каждый шаг в пути, дорога им ясна.

В долине страсти чудесам, о путник, не дивись —
Там муравей повергнет льва, там червь сильней слона.

Долину эту покорит, с ней справится лишь тот,
Кем, точно молнией в грозу, земля озарена.

О кравчий! Трудно мне в пути, я выбился из сил —
Я бочку вычерпаю всю, покрепче дай вина.

В твоем вине такой огонь, что голова в дыму,
Сгорают знания и ум, душа опалена.

Из сердца вычеркну я всех, чиста души скрижаль.
Скажу — и тайны в этом нет — там лишь она одна.

О Навои, на путь скорбей остерегись вступать,
Пока ты в бренности своей не убежден сполна.

Кипарис высок и строен, но изящнее твой стан.
Точно солнце, ты сверкаешь, яркий лик твой — как
тюльпан.

Золотой рукою солнца сердце отнято мое,
И рука его всесильна — я ж повержен, бездыхан.

Не дивитесь, что от горя плечи согнуты мои.
Старец я, чье сердце взято юной девой на аркан.

Ты разбойными глазами благочестью застишь путь —
Не прошел дорогой веры ни единый караван.

Если глаз твой нечестивый душу требует мою,
Что ж? Пускай ее возьмет он — тюрк, губитель мусульман.

Трепещу, но не решаюсь верности твоей просить,
Ибо жертва униженья тот, кто жаждой обуян.

Навои, подруги милой ты предчувствуешь приход,
И глаза в преддверье счастья застилает слез туман.

Враг терзает каждый час, каждый миг терзает друг.
Друг как будто бы один, а причина многих мук.

Розы нежные цветут, но у нежных роз шипы.
Я везде ищу друзей,— только недруги вокруг.

С пери встретиться своей, сто преград преодолев.
Там, где милая прошла, я целую путь разлук.

Любящий не различит — где неверность, верность где.
Наслаждение мое — все дела любимых рук.

Колесо своей судьбы можно ли остановить?
Замкнуто кольцо судьбы — заколдован этот круг.

Если не желаешь ты от печали умереть,
Виночерпия зови, пользу знай его услуг.

Навои, ты откажись ради милой от всего,
И свиданье облегчит сердца твоего недуг.

Огнем объяты небеса, тот факел — не зарница,
А пламя ясных глаз твоих — с ним солнцу не сравниться.

И как сгорает без следа от молнии солома,
Любовью я испепелен, душа моя дымится.

Не троньте ран в груди моей рукой неосторожной —
Простою ниткой сердце шить не лучше ли не тщиться?

Подпругой привяжи к коню, не удержусь в седле я,
Могу лишиться головы, так голова кружится.

А если вызову я гнев и меч вдруг обнажится,
Пускай останется со мной прекрасный тот убийца.

Омойте тело мне вином, меня лозой увейте,
Коль сердце в винном погребке вдруг перестанет биться.

Не говори, чтоб Навои от милой отказался —
Какая ж это чистота — от чистой отступиться?

Пусть из праха моего, тот, кто любит, слепит печь.
Все внутри меня горит — о моей любви здесь речь.

Утешения друзей — не лекарство для меня,
Разлученному тоска не устанет душу жечь.

Я ногтями горы бед исцарапал. Друг Фархад,
От такой тоски тебя я хочу предостеречь.

Ветер бури, на меня понапрасну сил не трать,—
От любого ветерка мне мой прах не уберечь.

Умоляю, ты людей мучиться не заставляй,
Но готов благословить я твой занесенный меч.

Став красавицы рабом, в кабачке я пью вино,—
Значит, мнением людей я решился пренебречь.

Не склоняйся, Навои, перед грозною судьбой,
Но красавице своей, умоляю, не перечь.

К другому у луны влеченье — что же делать?
Соперник рад, а мне — мученье, что же делать?

Нить верности она оборвала украдкой,
Она с другим, а я стал тенью — что же делать?

Пускай кинжал любви убийством обагрится,
Спасенье для меня в забвенье, что же делать?

Наперсником ее стал ныне мой соперник,
Я голову склоню в смиренье — что же делать?

За то, что верен был, доверия лишила,
Я изгнан, жребий мой — презренье, что же делать?

Неужто небеса ее любовь отняли?
Живет еще во мне сомненье — что же делать?

О Навои, смотри, не будь ославлен милой,
Прими ты наконец решенье — что же делать?

Украшение золотое над изгибами бровей
Иль звезда и полумесяц — светлый лик красы твоей?

Это складки покрывала, что по ветру развиты,
Или крылья нежной пери, чтоб лететь ветров быстрей?

Это ветер легких перьев у тебя на голове
Или то кольцо Венеры, что луны и звезд светлей?

Это в зеркале явилось отражение лица
Иль в пруду сверкает солнце блеском огненных лучей?

Вкруг серебряного стана опоясанный платок
Или то дракон обвился, сжавший пояс твой тесней?

Не шипы ли это розы иль, быть может, острие,
Что пронзить тебя готово, о несчастный соловей?

Навои, мне нет надежды на свидание с луной,
Но доступно ль это счастье всем, мечтающим о ней?

Я влюбился — мне страданья бесконечные грозят.
Из-за пери я страдаю и своим страданьям рад.

Госпожа моя надменна, злы соперники мои,
Но мгновения свиданья их жестокость укротят.

Я тону в реке разлуки, ухватиться сердцу дай
За свиданье — встречи с пери мне спасение сулят.

Ты меж милых роз блаженства наслаждения цветок,
Из души я удаляю стрелы, что в меня летят.

Я тебя не вижу даже, но на улице твоей
У любимого порога я от радости крылат.

Если гостьей будешь, пери,— из души исторгну стон,
Стрелы выдерну из сердца, если мне подаришь взгляд.

Навои, желают люди в пыль и в грязь втоптать меня,—
Отрекусь я от коварных, будто отряхну халат.

Ты лицо свое закрыла — и печальным стал мой взгляд,
Кудри ты свои убрала — сердце цепи тяготят.

Коль замыслила убийство, хочешь душу взять мою,
Пощади, зачем в разлуке буду жизни я не рад?

Не тверди: когда уйдет он, то кого ж мне обижать? —
Ибо я задумал бегство, раз мне муки предстоят.

Я, слова твои услышав, их водою жизни чту,
Век мне пить и не напиться, повторяя их подряд.

Не тверди мне о Меджнуне! Я в пустыне, как и он,
Грудь себе камнями ранил, долей горестной богат.

Бедность улицей мне стала, нищий, ею я горжусь,
Не хочу себе султанства, только бедности я брат.

Не дивись, что в честь любимой песнь заводит Навои,
Петь и соловью пристало, прилетая к розе в сад.

Скажу ль, что уст твоих шербет мне как родник воды живой,
А если не скажу «родник», то назову ль его «душой»?

А если ночь, как дни мои, светла от лика твоего,
То солнцем пламенным его иль светлою луной назвать?

Коль колыхнет она свой стан иль улыбнется, нежный рот
Мне кипарисом ли его иль розою живой —
назвать?

Когда ж с усмешкою глядишь или коварный щуришь глаз,
Врагом ли жизни мне тебя иль истинной бедой —
назвать?

Когда кляну я гнет любви, меня не следует хулить,
Могу ли трудности свои я ношею простой назвать?

Могу ль уму я помешать уйти из пламени любви?
Тому, кто от огня бежит, могу ли я «постой!» сказать?

Как быть, коль о моем вине узнает постник, Навои,
Коль спросит, то могу ли я, что это слух пустой, сказать?

Недруги меня чернят. Кто подскажет, как мне быть?
Пери, я не виноват. Кто подскажет, как мне быть?

Обижаемый людьми, их обидчиком слыву,
Все в стране меня бранят. Кто подскажет, как мне быть?

Пери — наилучший врач. У меня любимой нет,
Смерти избегу навряд. Кто подскажет, как мне быть?

Слезы горькие мои о печали весть дают,
О позоре говорят. Кто подскажет, как мне быть?

Я народу нес добро, а народ со мной жесток.
Милостью господь богат — пусть он скажет, как мне быть?

Навои, покину я родину — в родном краю
Ничему уже не рад. Кто подскажет, как мне быть?

В ее лице вина румянец иль в зеркале виденье сна,
Иль отраженье райской розы воды явила глубина?

Когда твое лицо я вижу, от сердца горе отстает,
Как тень, лежащая за мною, лишь солнцем даль озарена.

Во сне сказала ты: стрелою ты ранен, руку мне целуй.
О счастье, в руку ты попала и пробудила ото сна.

Не говори, что ночь разлуки тяжка; от горя моего
Здесь даже утро пожелтело, и грусть моя ему смешна.

Была б ты более красивой, в ночах тоски явив лицо,
Свеча всегда бывает ярче, когда глухая ночь темна.

Не говори мне: как случилось, что не был скорбью ты убит?
Не шлешь вестей ты, и печали отныне жизнь обречена.

Безумен я, когда ты в чашу глядишь, но разве это грех,
Когда краса твоя живая мне в этом зеркале видна?

Разлука все же лучше сада, где ворон равен с соловьем,
Где меж арабом и индусом черта различья не дана.

Пусть Набои поедет в Мекку, когда ему ты скажешь, шейх,
Что невозможно человеку цель отыскать, коль жизнь темна.

В мечтах увидя шелк ресниц, я из-за них страдать готов —
Ведь те, кто в Мекку держит путь, порой страдают от
шипов.

Еще и стрелы не дошли, а я уж в сердце ранен был,
На эту рану ливень стрел ударил из твоих зрачков.

Стремясь к рубинам губ твоих, кровавым морем слезы лью.
Дивиться ль алым облакам над морем, где струится кровь?

Нежнейший пух твоих ланит стал искушеньем для меня,
Но колет всякая трава у этих розовых кустов.

Любимые, зачем стряхать с меня вам землю цветника,
Зачем с безумца-бедняка, шутя, срывать его покров?

Едва коснусь я губ твоих, в мое дыханье жизнь войдет,
Ведь это ветер, что пахнул дыханьем чистых родников.

Ты узелками кос своих давно мне сердце оплела,
И сердце приняло союз твоих растрепанных силков.

Шейх приказал не пить вина, а маг мне чашу приподнес.
Я, твой союзник, не бежал от этой чаши и пиров.

Где розоцветное вино, где розоликий кравчий мой?
Вот почему и Навои покинуть Хорасан готов.

Когда любовь к тебе — погода, то дождик с ней приносит
град,
Я стал мишенью, и каменья мне прямо в голову летят.

Но с твоего лица пылинку я не отдам за дождь
монет,
Что густо падая на землю, как солнце, золотом
слепят.

Жестокость ржавчиной покрыла ей сердце, и стереть ее
Не в силах стон мой, как напильник, хотя бы шаркал он
стократ.

О небо, может ли сравниться и солнце с этою луной?
Ее глаза как звезды, брови изгибом месяца горят.

Твоя стрела не в глаз, а в сердце попала — это не беда,
В час плача уж не кровь, а слезы теперь глаза мои струят.

Для войск красы твоей, как знамя, встал полумесяц
золотой,
Пусть зеркала моих стенаний твой лик, как солнце, отразят.

Храня любовь к тебе, как тайну, я умер. Кравчий, чашу
дай,
Пусть о любви узнают люди, что в кабачке сейчас сидят.

Одной для сердца язвы мало, так дай еще одну, пока
Два нищих в споре друг у друга монету вырвать норовят.

Пред смертью все равны: на розах умерший будет шах
лежать,
А нищий — на подстилке пепла, когда в костре дрова
сгорят.

Что делать, Навои, коль слезы свисают жемчугом с ресниц?
Дождем грозит любви погода, так пусть как камни сыплет
град!

Здесь, в ларце твоей любимой, скрыта мыслей глубина,
«Содержащей тонкий разум» называется она.

Мой же дом ума, терпенья, лагерь дум сожгла любовь,
И на месте поселенья язва свежая видна.

Кровь от слез подобна точкам в начертанье слова кровь,
На лице моем повсюду слез следы — как письмена.

Над моею головою меч тобою занесен.
Что ж, рази! — вода на склоне задержаться не должна.

Пластырь раны затянул мне, словно вата для ушей,
Но от яда стрел любимой вся душа еще больна.

Кравчий века, с винной гущей ты мне чашу поднеси,
Чтоб не умер от любви я, чтоб душа была пьяна.

Навои, опасна трезвость, от нее уйти хочу,
Пир убежищем мне станет, если жизнь коварств полна.

Не в камфарной ли одежде этот кипарис прямой
Иль свеча, что разгоняет ночи мрак передо мной?

Люди ль это в миг убийства клонят головы свои
Или ниц они упали пред такою красотой?

То деревья ль нагибает в поле ветер озорной
Иль пред нежным кипарисом люди клонятся с мольбой?

Глуби взора мое сердце ей подносят, но она
Остается недовольной даже жертвою такой.

К разным странам для набегов на коне летит она
Иль на это сердце хочет тюркской ринуться ордой?

Коль влюбленные уходят в путь пустынею любви,
Цель их — улица любимой иль к Хиджазу путь прямой.

Навои, трудна дорога в чаще локонов густых,
Сердцу спуски и подъемы трудны полночью глухой.

На мускус родинка похожа — как будто предо мной —
индус,
В стране Хотана оказался пришлец страны чужой — индус.

Чья родинка, похитив сердце, пленяет тотчас же собой,
Кто этот «похититель сердца», пленяющий красой индус?

Твои глаза, где светит верность, совсем не смотрят на меня,
Не диво, что слывет неверным, в неискренности той индус.

На солнце утвердив жилище, он в мир лучами льет беду,
И родинка твоя — несущий беду на мир земной индус.

Берет он сердце красотою, и разницы нет для него,
Будь армянин то иль китаец, иль смуглый красотой индус.

Равны и соловей и ворон пред цветником красы твоей,
И в красноречии заикой стал черноликий твой индус.

Стал я рабом, индусом тюрка, и вот отныне, Навои,
Все люди стороны китайской в его глазах — сплошной
индус.

Твой стан — как кипарис в долинах рая.
Дыханье неба пью, тебе внимая.

Я говорю: «Меня казнить ты хочешь?»
Смеешься ты: «Лишь к пыткам приступаю».

Твои уста мне обещают гибель —
Судьба передо мною роковая.

Моя душа к тебе одной стремится,
Вокруг тебя, как мотылек, порхая.

Когда тоскую, разлучен с тобою,
Одно вино я другом называю.

В степях небытия, людей не видя,
Оазис нежный твой благословляю.

Твой Навои — как соловей влюбленный.
Он о тебе поет, не умолкая.

Как, в нее влюбленный, буду я владеть своим умом,
Если даже и мудрейший, полюбив, слывет глупцом?

Сердце глупое не может в рассеченной жить груди,
Лишь в развалинах безумец должен жить в краю глухом.

Так, вокруг свечи летая, к деве ревностью томим,
Мотылек, расправив крылья, обжигается огнем.

Нет путей к луне, ведь небо наложило свой запрет
На простой обычай страсти там, в пространстве мировом.

Повесть обо мне не нужно знать возлюбленной моей,
Заставляет она плакать, хоть порой смешит потом.

Мне бы в этом бренном мире утонуть совсем в вине,
Чтобы в пенящейся чаше был бы мой питейный дом!

Если от одной лишь чаши оживает Навои,
Что ж плохого, виночерпий, в чаше, налитой вином?

Боже, прятать лик любимой, той, к кому стремлюсь
душою — не желай!
Делать так, чтоб мог плениться я красавицей другою —
не желай!

Пусть мой взор желанным гостем на лице любимой будет,
И уж ей иного гостя, что пленен ее красою,— не желай!

Кос ее не путай прежде, чем я жарким вздохом сердца
Сам не спутаю, и вздоха мне иного — не желай!

Только от ее рубина дай душе дыханье жизни
И душе ее рубину разлученным быть со мною — не желай!

Пусть моим жилищем будет улица ее родная,
Чтоб когда-нибудь расстаться мог я с улицей такою —
не желай!

Сердце, от людей-соседей отойди как можно дальше
И, терпя от них обиды, воплей, вызванных тоскою,—
не желай!

Если, роза, хочешь слушать Навои как соловья ты,
Чтобы грудь себе шипами ранил он, пленен тобою,—
не желай!

Из сердца вынута стрела со вздохом горестным моим,
Так искры, разлучась с огнем, всегда берут с собою дым.

Сто верных, лоб к земле склонив, в пыли испачкали лицо,
Куда бы ты ни посмотрел, все пред лицом грязны твоим.

Страсть к ней заставила меня уйти от пользы и вреда,
Прибытка мне в торговле нет, как и убытка нет другим.

Пусть утро радости взойдет для любящих, но я привык
Грустить в полночной тишине, одетой сумраком густым.

Печали пыль, осев в душе, нам утомление несет,
И ты, куда бы ни пошел, уже не расстаешься с ним.

Что бытие, небытие? Ни счастья, ни тоски в них нет,
Не радуйся же бытию, небытием не будь томим.

Свое вино пей, Навои, в нем, словно в струнах, песня есть,
Она к веселию зовет и станет спутником твоим.

Если б был я быстрым ветром, я б своей любви достиг.
В прах у ног твоих прекрасных уронить хочу свой лик.

Меж камней в пустыне дикой окровавленный тюльпан —
Я камнями милой ранен, я того цветка двойник.

Плачет все, когда я плачу, посмотрите на меня —
Каждый глаз мой полон крови,— он кровавых слез родник.

Клюв у ворона как будто красных губ твоих рубин,—
Будто бы к губам любимой хищник в степь любви проник.

Глаз мой — цель, стрела-ресница, целься, целься прямо в глаз,
Чтобы образ нежной пери из жемчужных слез возник.

Небо, красотой своею не торгуй — твоя звезда
Драхмы для слепца не стоит, в темноте он жить привык.

Пишет Навои о пери, рассыпает жемчуг слов,
Пери же в него кидает только камни каждый миг.

Ветерок, скажи любимой о терпящем столько бед,
Посылает кипарису согнутый мой стан привет.

Боль моя, мое терпенье — все тебе, но не смотри,
Много ль слез моих иль мало, им сейчас и счета нет.

Если умереть я должен, ты любви уж не скрывай,
Но и многомудрым людям не дано мой знать секрет.

Стреломет, который многих мог на свете поразить,
Он теперь стрелу бросает в тень мою, в мой силуэт.

Душу я отдам, как выкуп, за того из голубей,
Кто вручит письмо признанья той; кто жизнь моя и свет.

На пиру любви я согнут, словно чанг, о милый друг,
Саз мой каждою струною слезный шлет тебе ответ.

Навои, когда ты любишь, бед и мук не избежать,
Ведь для любящего сердца от беды спасенья нет.

Во сне глаза из-за любви слез затянула пелена,
Разлуки каждая слеза уже кровава и красна.

Куда б ты, ревностью горя, ни слала стрел из-под ресниц,
Покрыли тело мне шипы, а не волос густых волна.

Хотел бы чистой сделать я страницу сердца своего,
Ее как зеркало поставь, пускай глядит в него она.

Чтоб ноги всадницы моей поцеловать, давно хотят
Стать парой кованых стремян и это солнце, и луна.

В смятение душа моя, увидев взлет бровей твоих,
Лишь встанет месяц молодой, уже безумцу не до сна.

В сад мира много входит гроз, и понимаю я давно,
Что смеха менее, чем слез, во все бывает времена.

О Навои, ты говоришь: тот стан из сердца изгони!
Но, чтобы вырос кипарис, нужны ль иные семена?

Я хочу, чтоб был счастливым и богатым мой народ.
Не вино мне достается, кровь из ран моих течет.

Кто лишь удовольствий хочет, тот не стоит ничего —
Он в зависимость к другому непременно попадет.

Лучше гордым и способным выпить самый горький яд,
Чем из пиалы безволья пить хотя и сладкий мед.

Разве лучше сто красавиц? Разве краше их цветник?
Счастлив тот, кто с милой вместе в бедном шалаше живет.

Сердцем ты не предавайся упоительным пирам.
Привыкай к ночам страданья в хижине своих забот.

Птице хорошо на воле, радуясь, поет она.
Птица в клетке золоченой зерен рабства не клюет.

Лучше щедрым быть и телом собственным кормить собак,
Чем, от скупости жирея, жить, не ведая хлопот.

По дороге к высшей цели ты не мчался на коне.
Вместе с нищим-горемыкой нищета его умрет.

Навои, печальна старость для несчастного того,
Кто в дни юности беспечной жизнь порочную ведет.

Дав обещанье быть моею, надеждой тела не сжигай,
Ты не придешь, так ожиданьем мне душу, дева, не сжигай.

Огонь любви безмерно жарок, и каждый миг моей души
Клеймом разлуки, для которой уж нет предела, не сжигай.

Взяла ты душу, не бросай же и тела бедного в огонь,
Душа разграблена, и дом мой в порыве гнева не сжигай.

От стрел твоих, попавших в сердце, оно — как заросль тростника,
Не разжигай огня, тростник мой, до тла умело не сжигай.

Любовь к тебе своим пыланьем испепеляет грудь мою,
Красавица, будь милосердной и взглядом мир мой не сжигай.

О небо, каждую минуту мой дух желая испытать,
Насколько стоек он в горенье, меня век целый не сжигай.

Зачем в любви к прекрасным девам ты обвиняешь Нарон?
Нет, каждодневным подозреньем меня, о дева, не сжигай!

От разлучения с тобой беда на голову мою,
Все беды, от каких бежал,— всегда на голову мою.

И вот на голове моей стал раной каждый волосок.
Каменья тяжкие летят. Куда? — на голову мою.

Но стан девичий — кипарис — всё не идет из головы,
Хоть палку шейх разбить готов — беда! — о голову мою.

Не думал я, что столько бед плохие люди нам несут,
Боюсь, они обрушат гнет вреда на голову мою.

Я современников своих советам умным не внимал,
И вижу — пало столько бед стыда на голову мою.

Но притязания ума моей досадны голове,
Уж лучше б падал меч любви всегда на голову мою.

Так, без любимой, без друзей несчастный умер Навои,
И пасть беде было дано тогда на голову мою.

Если буду я повержен гнетом горя и скорбей,
Обнажите меч кровавый над могилою моей!

Корпией с целебной мазью будет ваты каждый клок,
Что пошлет мне прямо в душу милая стрелой своей.

Люди гостя провожают, с ним из дома выходя,
Так, стрелу изъяв из тела, и душа выходит с ней.

Если только брови милой в сердце вызвали пожар,
Если туго лук натянут, листья сыплются с ветвей.

Скажет: это смерч самума над пустынею любви,
Тот, кто повстречал скитальца, что горит в костре
страстей.

Люди ада уж не станут вас теперь жалеть, друзья,
Я приду туда с потоком слез, что льются из очей.

Навои, когда ей надо, чтоб ты пищей стал для псов,
Не помедлив ни минуты, отдавай все сердце ей!

Камни милая бросает.— Что с моею головой?
Все — в меня,— не пролетает ни один над головой.

Я зерном засеял страсти поле сердца моего —
Стая горлинок играет над моею головой.

Мне рассек кинжал разлуки голову на сто частей,—
И все сто частей страдают. Что с моею головой?

Столько стрел-ресниц у пери, сколько у меня волос,—
Ночь печали нависает над моею головой.

Я в двуличную влюбился — мне нужны две головы.
Как с одной прожить — не знаю — мне с моею головой.

Сам я полюбил такую. От нее я все терплю,
Все мученья принимаю. Что с моею головой?

Жертва пери, я вращаюсь вкруг нее — как небосвод,
И того не понимаю, что с моею головой.

Лучше выпью, превративши чашу в круглый щит,— пусть он
Ливни бедствий отражает над моею головой.

Навои, я от страданья высох бы, но добрый шах
Свой покров распространяет над моею головой.

Об устах ее мечтая, сердце все кровавым стало — то ее
вина.
И облилось сердце кровью, а из глаз слеза упала — то ее
вина.

Но мое лицо и даже все лицо земли обширной
От текущих слез кровавых в ту минуту скрытым стало — то
ее вина.

Говорит она: «Ты сердцем подал знак мне для свиданья».
Но в него и стрел разлуки было пущено немало — то ее
вина.

А теперь руины сердца, что о радостях жалеет,
Стая мрачных сов разлуки для себя облюбовала — то ее
вина.

Тайну глаз моих и сердца — признаюсь я в этом другу —
Горький вздох и эти слезы разгласили, как бывало — то ее
вина.

Людям верности дарует небо всякие несчастья,
А жестоким лишь удачи, как всегда, оно послало — то ее
вина.

И хоть Навои полезно не касаться винной чаши,
То, что более не пьет он, для него в том пользы мало —
то ее вина.

Вероотступницею вера во мне неверьем сметена.
Она — защитница неверных, ограблен ею я сполна.

Она — шалунья с нежной речью, но с сердцем каменным в груди,
Подобная нарциссу, розе, и с ликом ясным, как луна.

Как сам Иса, она дарует нам жизнь рубином губ своих,
И, как Юсуф, лицом прекрасным всегда пленяет нас она.

Черней разлуки этот локон, упавший на ее глаза,
Лицо ее подобно солнцу, с ним ночь разлуки не темна.

Она в саду своем, как роза, и стан ее, как кипарис,
И на вечернем пированьи она свечою зажжена.

Аллах, аллах, как получилось, что стал я пленником беды?
Где место слабому калеке, чья доля деве вручена?

Нет ни покоя, ни терпенья, ни сил, ни стойкости во мне,
Ни сердца, ни души, ни тела — но разве в том моя вина?

О кравчий, мной она владеет, бедняк я жалкий перед ней,
Из жадности подай скорее мне чашу полную вина.

Я вне себя, я безрассудства готов свершать, как Навои,
Когда в ней жалости не вижу, пусть издевается она.

На лице горит созвездье у красавицы моей,
Иль то сблизился Юпитер с Солнцем в пламени лучей?

Если нет, то это звезды в ожиданье встали в ряд,
Чтобы утреннее солнце наблюдать из-под бровей.

Говорил я: как увидеть мне красу ее лица?
Слез жемчужины нижу я вновь на нить души моей.

Это не роса на розе, но подобие того,
Как в смущеньи прячет роза капли свежести своей.

В цветнике тюльпанов так же ярко градины горят,
Как жемчужные подвески возле щек, что роз алей.

Не гордись же жемчугами — это капельки воды —
Только жемчуг поучений всех нас делает мудрей.

Навои для описанья лика милой брал слова,
Чтоб низать их, словно жемчуг, поучая тем друзей.

От обилья слез кровавых помутневшим глаз мой стал,
Но тюльпан с обильем влаги остается все же ал.

Золотые стрелы — плата за блаженство быть с тобой,
Но укус стрелы из лука я не раз уж испытал.

Чтоб во сне побыть с тобою, я бы впал и в смертный сон,
Но, во сне тебя не видя, я еще печальней стал.

На ристалище ты в скачке так промчалась на коне,
Что лицо твое увидеть конский скок мне помешал.

Не от стрел твоих разящих раны на груди моей,
Нет, от горестной разлуки дом мой треснул и упал.

Так твоей жестокой власти целый мир был подчинен.
Почему ж такое чудо нам создатель мира дал?

Больше мне тревог от глаза, чем от сердца, Навои,
Я терплю беду от сердца, сердцу ж глаз бедою стал.

Лишь тот, кто о любви мечтает, мечту души моей поймет.
Лишь обессиленный разлукой почует сердца тяжкий гнет.

В саду души она, как пальма, но я боюсь, что жгучий зной
Весь цвет лица ее засушит, росток красы ее сожжет.

Тяжка разлуки ночь. О небо, пошли сверкание звезде,
Чтоб стать ей предзнаменованьем, что утро радости взойдет.

Я слаб. Художник, коль из кисти ты потеряешь волосок,
То сделай облик мой незримым, за волос он пускай сойдет.

Узрев улыбку уст любимых, остался я с открытым ртом,
Как будто смехом прогоняю с лица я тень своих забот.

О шейх, взгляни, но без презренья, на промышляющих
вином,
На то, что я средь псов прославлен у дома, где она живет.

Коль перестану я бояться собачьих свойств души своей,
О Навои, когда же небо мою газель мне приведет?

Я в неверную влюблен. Кто страдает так, как я?
Кто ж бранит себя за это сам и так, и сяк, как я?

Знал я множество неверных, верной ни одной не знал.
Ни участья, ни надежды — кто такой бедняк, как я?

Я — лишенный состоянья, я — безумный, как Меджнун,—
Нет во всех пустынях мира нищих и бродяг, как я.

Бродят жалкие безумцы на развалинах любви.
Кто среди всех огорченных стонет каждый шаг, как я?

Видеть ты меня не хочешь, ты со мной не говоришь.
Тот, кто ищет постоянно, не найдет никак, как я!

Я лишь верности обычной у красавицы просил.
Все красавицы неверны. Кто такой простак, как я?

Если, Навои, стремишься сердцем и умом в Хиджаз,
Откажись от Хорасана, поспеши в Ирак, как я.

Уж как ее я ни молю, она надменна и горда — что делать
мне?
Жестокости хоть отбавляй, а жалости нет и следа — что
делать мне?

Я умоляю, а она пренебрежительно глядит,
А с недостойными людьми полна любезности всегда — что
делать мне?

Она общается лишь с тем, кто оценил ее рубин,
А мне, кто душу отдал ей, не улыбнется никогда — что
делать мне?

В ночь близости она других пьянит, как крепкое вино.
А мне при ней сгорать свечой, и в этом вся моя беда — что
делать мне?

Лишь для того, чтоб истерзать, порой я ею предпочтен,
Но час придет — она к другим уже влечется без стыда —
что делать мне?

Любовью истинною пьян, я сердце мучаю свое,
И все же к призрачной красе я попадаю в невода — что
делать мне?

Не нравится мне хусейни, и удивительного нет,
Что Навои предпочитал напев хиджаз — что ж делать мне?

Зачем, о солнце, словно тень тобою я гоним?
Меня сожгло ты, мир залив сиянием своим.

Любовь, сжигая, пепел мой до неба подняла,
Не ты ль, любимая, меня шлешь к небесам пустым?

Меня отныне жар любви лишил душевных сил,
Но, ветер близости, ведь я уже неизлечим.

Ты на любовь кладешь запрет, я спорить не хочу.
Я, проповедник, все равно иду путем своим.

Скажи, любовь, зачем меня на смерть ты обрекла,
Зачем разлуке ты велишь стать палачом моим?

Ты обещала близость мне, отдав разлуке в плен,
Ты к небу подняла меня, чтоб был я свержен им.

О Навои, лишь близость к ней могла б мне жизнь вернуть,
Бездействием не упрекай, не будь судьей моим.

Знавал я дни, когда ты мне возлюбленной была,
Хотя еще не до конца, но все-таки была.

Своею близостью ко мне смягчала боль мою,
Лечила сердце мне, когда его разлука жгла.

Хотя я близости лишен, и нет тебя со мной,
Но благодарною тебе душа, скорбя, была.

Свеча, когда не зажжена, не может и обжечь,
Ни людям блага от нее, ни мне досад и зла.

Не мне ль судьбу благодарить, что милой нет со мной,
Что солнце неба моего коварно скрыла мгла?

Я не могу понять, за что я небом был прощен,
Ведь любящим немало зла власть неба принесла.

Не говорите, мудрецы, что пьян был Навои,—
Он пьян с тех пор, когда его разлука в плен взяла.

Я травинкою сухою вспыхиваю от обид.
Всеми я забыт на свете, только горем не забыт.

Все своей я отдал пери. Меньше мучился Меджнун.
Кто, пожертвовав собою, на огонь любви летит?

Это на свече зажженной я горю — не мотылек.
Это мне ночной порою пламя душу пепелит.

Краше пери или солнце? «Пери краше, а со мной
Сто рабов-черкесов схожи» — это солнце говорит.

Я не первый год мечтаю жертвой стать твоих бровей.
Надо мной горой тяжелой день и ночь беда висит.

Знающий людей неверность, сможешь ли меж них найти
Друга нового, который верность в сердце сохранит?

Навои, любовь ты можешь мной, как факелом, зажечь.—
Я сухой траве подобен — хорошо она горит.

Сердце, полное печали, взял красавиц легкий строй,
Как бутон, что до расцвета сорван детскою рукой.

Сердце бедное осталось в путах локонов твоих,
Как жемчужина меж створок в глубине лежит морской.

У тебя в саду поймали птицу сердца моего,
Как зерном и сетью, кудри с этой родинкой двойной.

Сердце ты мое швырнула в пыль на улице своей,
Люди могут, словно пламя, затоптать его ногой.

Образ твой увидя, разум обезумел, как дитя,
Что рисунок на бумаге вдруг увидело цветной.

В мире подлости немало, почему ж не видит их
Та, что радостью могла бы озарить весь мир земной?

Навои лишен рассудка, это, кравчий, не беда.
Возврати ему рассудок полной чашею хмельной.

Как, потеряв, найти вновь друга, увы, не знает человек,
Не нужно было расставаться — так размышляет человек.

Тот, кто умрет, но с другом вместе, тому разлука не
страшна,
И горьких мук при расставанье тот не узнает человек.

Я, близости цены не зная, в разлуке умер от тоски,—
В дни близости о расставанье не помышляет человек.

Боясь разлуки, умираю, о кравчий, чашу мне подай,
Когда он пьян, то и Джемшида не замечает человек.

Я ль виноват, что от разлуки по сердцу трещины бегут,
Ведь сам меча в больное сердце не погружает человек.

Былую боль свою скрывая, готов я все же смерть принять.
Ах, кто же в мире отзовется, когда страдает человек?

Пресыщенный в разлуке жизнью, у смерти молит Навои
Вина, чтоб спал, не ожидая суда иль рая человек.

Давно мне сердце небеса грозят сразить мечом своим,
Я стать хотел бы мертвецом, как мертвый хочет стать живым.

С разлукой сердце жаждет ран в ожогах горя своего,
Как воины хотят щита, чтоб заслониться в битве им.

Меня разлука стережет, чтоб душу каждый миг терзать,
Грабитель мучает людей, добычи жаждой одержим.

Пусть мне не подражает тот, кто, полюбив, как я, готов
Тоску разлуки испытать, увидев милую с другим.

Доколь же детям осыпать меня каменьями обид,
Когда ей хочется меня увидеть нищим и нагим?

А если хочется явить к влюбленным милость, пусть она
Меня, безумца от любви, почтит вниманием своим.

Когда от стрел ее умру, то небо в теле у меня
Стрелы единой не найдет, хотя и грудь подставил им.

Избавится пусть человек от груза самого себя,
Когда он скорбью мировой, как вечной тяжестью, томим.

О Навои, всего лишен, как ты, наверно будет тот,
Кто верности ждет от людей, идущих в жизни рядом с ним.

О сердце, пусть нас не лишит надежды девушка-луна,
Печаль разлуки никогда пусть не доставит нам она.

Стараясь душу погубить огнем рубина своего,
Пусть не сжигает сердца нам, как роза алая пышна.

Но, сердце радуя в любви надеждой близости своей,
Пускай разлукой не грозит душе, что ей обречена.

Во сне увидел я ее, и сердце молнией любви
Так зажжено, что и душа, как солнце, вся раскалена.

Горжусь разбитым черепком, в котором кормишь ты собак,
Как чашею своей Джемшид был горд в иные времена.

В водовороте бытия жемчужины не обретет
Тот праведник, кому чужда уединенья глубина.

Так громко возвещают нам певцы газели Навои,
Как и Меркурия стихи Венера, гордости полна.

Я хотел, чтобы подруга в сердце радость мне несла,
Но не знал, что испытаю от нее так много зла.

Я хотел, чтоб от дыханья уст ее цвела душа,
Но хирман существованья дева ветру отдала.

Думал я, фундамент горя разобьет она, любя,
А она лишь грунт разлуки мне под дом мой подвела.

Надо б ей свечою лика озарить мой темный дом,
А не дымом кос завесить свет у каждого угла.

Думал я, ресницы-стрелы разорвут узлы души,
Но лишь жалом для убийства стала каждая стрела.

Пусть не будет склонен к розе тот, кто словно кипарис
Неподвластен переменам, если осень подошла.

Не мешайте же стенаньям предаваться Навои,
Он, подругу вспоминая, стонет, словно жизнь ушла.

Небосвода грудь сияет солнцем, звездами, луной,
Небосвод не замечает бед поверхности земной.

И садовника, который множество цветов развел,
Соловей, лишенный розы, не проймет своей тоской.

Шах, владеющий всем миром, сотней розоликих дев,
Не увидит, что в разлуке бродит нищий, как изгой.

Будь, приятель, милосерден — раны разбинтуй мои:
Жесткий пластырь впился в тело, болью пронизал
сквозной.

Душу жертвовал я людям, отклика не находя,
С каждою толпой сливался, был с людьми я день-деньской.

Я не выболтал секретов. Как же узнавал народ
Все о сокровенной, тайной, о любви моей мирской?

Навои! Когда узнает тайну закадычный друг —
У него всегда бывает закадычный друг другой.

ДИКОВИНЫ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Хоть и вверг меня в рабство рубин этих уст,
Не прошу избавленья от сладостных уз.

Ведь в разлуке с тобой не спасет и Мессия:
Яд — лекарство, коль взвалишь беды этой груз.

Птицу встреч оттолкнут мои вздохи и слезы:
Эти влага и ветер не сладки на вкус...

Мать Мессии того на Марию похожа —
Кто же отец?.. О пророк, я сказать не решусь.

Пусть бранит — только помнит!.. Я слишком принижен,
И молитвы о ней вознести я боюсь!

Цвет вина повторил те уста и ланиты,
И смотреть на него — мне и радость и грусть.

Ведь покуда я пью, они здесь, предо мною —
Словно с ними, хмельной, воедино сольюсь...

Я, в любви, в постоянстве свой век наставлявший
Ни того, ни другого в ответ не дождусь!

Разорен я обратным вращением неба —
Что ж винить Навои, коль кошель его пуст?

Увы! Из-за губ твоих кровь поминутно глотаю,
А чаша свидания снова стояла пустая.

Советам не внял я и с тысячью бед повстречался.
Хоть взор мой померкни — мала будет кара мне злая!

Весь Каф моей страсти я срыл и в слова переплавил.
Но нету Симурга — и как их послать ей, не знаю...

Я милой не вижу — и темным охвачен безумьем:
В своем ослеплении мух за людей почитаю!

Весь в черном — слезами чернильными плачу, как перья,
И мир опостылевший в траур души одеваю.

Мой взор опечатала, чтобы других я не видел...
Печать эту в черных зрачках я повсюду читаю!

О жизни превратность, о ты, вездесущее пламя,
Слезами едва ль от тебя я мой дух защищаю...

Подай, виночерпий, мне вещую чашу — и с нею
Все в мире пойму я, что трезвый в нем не постигаю!

Ведь даже Меджнун так не предан похитившей сердце —
Лишь я, Навои, все утраты любви принимаю...

Моя любовь — убить меня предлогом служит для тебя,
Но, чтоб убить меня, зачем предлог тот нужен для тебя?

Среди летящих стрел ее, о сердце, жаркий ты огонь,
А острия стрел — языки огня — оружье для тебя.

Не видно тела из-за стрел, я высох, ближе подойди,
Мишень подставлю из костей, о быстрый, тут же для тебя.

Весь окружило шар земной, о море горьких слез моих,
Коль равнодушно промолчишь, тем будет хуже для тебя.

Не говори, отшельник, мне ты о жеманстве слуг пивной,
Кто пьет, тот суть своей души не обнаружит для тебя.

Захочешь бросить бренный мир, от всех страстей
освободись,
Чтоб петлю не могла стянуть судьба потуже для тебя.

Коль горе и печаль о нем отняли душу у тебя,
Что пользы в песнях, Навои, целящих душу, для тебя.

Как разрушила сердце разлука, разорила надежды жилище,
Только тот и поймет, кто былое в безымянных развалинах
ищет.

Ах, лишь тот до конца и постигнет моего одиночества цену,
Кто не раз принимал за любимых тени ветра на пепелище.

Только те, что лишились навеки света окон, и дома, и сада,
Знают тьму этой ночи бездомной, где лишь ветер
безудержный рыщет.

И айван мой обрушило небо и лачугу мою разметало,
Расспроси у скитальцев, что плачут без надежды, и друга,
и пищи...

Ты, в разлуке с луной ханаанской мне читающий стих о
терпенье,
Их тебе небеса ниспослали, этих строк утешительных тыщи!

Ты твердишь мне: «На небо надейся!..» Но покуда
вращается небо,
Пусть и чаша по кругу проходит, ибо дней обнажается
днище!

Небо к любящим милосердно, Навои же влюбленный —
в опале.
О, я к ним не причтен, хоть и нету страсти в мире жесточе
и чище!

Нет друга здесь, признай, о лживый свет!
А если есть, то верности в нем нет...

Удел мой — одиночества темница,
А для живущих — больших нету бед.

Глаза мои так чисто кровь омыла,
Что сам зрачок в них весь сошел на нет...

Горою горя стало это сердце,
Кровь ран моих — тюльпанов горных цвет.

Мой дух и дом — вот родина страданья!
Кто путь к ней ищет, здесь найдет ответ.

Пускай кабак послужит мне Каабой —
Там и святой спешит гулякам вслед!

О Навои, ты соловей без розы:
Нет песен там, где меркнет веры свет...

От страдания в разлуке лик иссохший мой — айва.
Каждой клеточкою мозга страсть к тебе одной жива.

Сколько грязи униженья на лице теперь моем,
Не имеет столько пыли на щеке крутой айва.

Голова седою стала, желтым сделался мой лик,
Я — обложенная ватой, ставшая сухой, айва.

Меч разлуки перерезал мне морщинами лицо,
Но не принято, чтоб резал меч тебя стальной, айва.

От мучений горьких тела, изнывая, сохну я
И сгибаюсь, словно ветви, словно в душный зной айва.

Человек, живущий мирно, всем желающий добра,
Охранен пушком защитным, сердцем схож с тобой, айва.

Навои, недаром солнце желтым выглядит всегда,
Ведь оно — источник жизни, чистый плод земной, айва.

До срока розы в лепестках твоим стараньем появились,
Как будто ночи то следы при солнце странно появились.

Как от тоски по розам губ вдруг осыпаться стали розы,
Так сердце рвется на куски в слезах, и раны появились.

Вся вытекла из тела кровь, твои видны вдруг стали стрелы.
Осыпались цветы,— плоды на ветках рано появились.

Как невидима нить души, так линий стана я не вижу,
Но затянула пояс свой, они нежданно появились.

Я умер в черноте кудрей и даже лика не увидев,
Не·жди, чтоб в мраке том следы зари багряной появились.

Страстями мира вся душа опутана моя, о кравчий,
Спаси: скажи, чтоб чаши здесь вновь с влагой пьяной
появились.

О Навои, вся суть души твоей в каламе тростниковом,
Когда был мед в том тростнике, в душе тюльпаны
появились.

Да! Губ рубиновых вино служило сердца разграбленью,
А грешный взор твой заодно и веру предал разграбленью.

В моей разрушенной душе напрасно взгляд твой жадный шарит:
Ведь и кочевнику грешно предать руины разграбленью!

Твоя жестокая краса свет у зрачков моих украла...
Так гаснет бедное окно в дому, что предан разграбленью.

Любой разгромлен и пленен в сраженье с этой красотою,
Но разве так заведено: предать и павших разграбленью?

Дивлюсь я: что с меня возьмет жестокосердный победитель?
Мое смирение одно... Оно и служит разграблению.

Я обездолен, но взамен свое лицо открой мне — прежде,
Чем осень, дней веретено, твой сад отдаст на разграбленье.

Трепещет тюрок Хиндустан — так локоны твои в смятенье
Пред войском глаз твоих... Оно несет повсюду разграбленье.

Как всадник, хищно рыщет страсть в пустыне моего безумья.
Здесь все расхищено давно, к чему нагого ограбленье?

Да, в свой черед, о Навои, ты выпил чашу круговую,
И это горькое вино души свершило ограбленье!

К лепесткам твоих щек, потрясенный, обрушится ветер.
Дурачком в цветнике твоей улицы кружится ветер.

Он подняться не может и двинуться дальше не в силах;
О рубин твоих уст! Их не смеет ослушаться ветер...

Он кудрей не растреплет. О запах твоих гиацинтов!
Чем еще рассыпающий амбру надушится ветер?

Вот спешит от подруги он, вестник ее опозданья...
О, войди в мое сердце, придай ему мужества, ветер!

Я разбит на куски, что же стон мой не рвется наружу?
Ведь в развалинах скрывшийся вмиг обнаружится ветер...

Что за вздохи недужных на улице утренней розы?
Это стонет в саду над зеркальною лужицей ветер.

Утро — ветра пора, пей же добрую чашу, покуда
С теплым садом твоим ледяной не подружится ветер.

О, я знаю: непрочны весенних тюльпанов обеты:
Разве может стоять, отдохнуть удосужится ветер?

Навои, это вопли тоски над печальною кровлей —
Только стон твой, что носит ладонями ужаса ветер.

С прикосновеньем губ твоих душа бессильна и больна,
Но силы вновь она найдет в покое сладостного сна.

От неустанных горьких слез лицо покрыла бледность мне.
Теряет золото свой блеск, когда в нем ртути белизна.

Едва подкову подниму, бровь милой вспоминаю я,
И, как михраб, душа моя бывает сумраком полна.

От взгляда зависти моей тесьма, стянувшая твой стан,
Мне тонкой кажется змеей, что вкруг тебя оплетена.

То застилает взор мечта о них, рубинах уст твоих,
А не слеза из-под ресниц, что словно кровь сейчас красна.

Рука разлуки уж легла на струны сердца моего,
И отвечает той руке рыданьем каждая струна.

Уже не диво, что давно готов ты гордость позабыть —
Быть в своре бешеных собак душа твоя обречена.

Зачем желаньем милых уст себя ты мучишь, Навои?
Их пламенеющий коралл сокрыт глубокой тьмою дна.

Ах, какая беда! Ты, пришпорив, погнала коня,
Лук бровей натянула и стрелы метнула в меня.

Искушая меня, ты промчишься — и скачешь назад,
Снова с новой игрой скакуна вороного гоня.

Вот он ржаньем своим пробуждает все орды беды,
И несется, как смерч, и летит, словно дым от огня...

Ты лицо открываешь, как роза в разгаре весны,—
И пронзаешь шипом, пред которым бессильна броня!

Тот огонь, что зажжешь ты, не гасит вода моих глаз.
Улыбнешься — и плачем мы, головы горько клоня!

Ах, отныне люблю лишь того, кто подносит вино,
Хоть бросает меня все пьянее он день ото дня...

Мою тайну разносит несметное войско молвы —
И горит Навои от стыда, как на солнце стерня!

Хранил ей в муках верность я, хотя без меры зла мне
сделала —
Пустынный край небытия родимым домом сердцу сделала.

Но гибнет верность без надежд... Бежать и мне бы от
безжалостной!
В другой бы раз душа моя такой ошибки вновь не сделала.

Иль нету в мире никого, кому за верность платят
верностью?
Кому обида, кровь струя, спастись дала — иль верным
сделала!

Напрасно, павший от любви, ты просишь свыше
исцеления!..
И всех земных лекарств семья тут тоже б ничего не сделала.

Джемшида кубок не купить... Не трать же зря души
сокровища:
Вон черепок среди старья — его судьба для мудрых сделала.

Когда, о сердце, от тоски по тем неверным ты избавишься,
Моли, чтоб ныне жизнь твоя иных тебе друзьями сделала.

Ах, в этой повести конца вы не ищите, люди разума:
Ведь скорби жалящей змея безумье беспредельным сделала.

Пускай другому, не себе, я отыщу подругу верную —
Меня б, как роза — соловья, она навек счастливым сделала.
То сердце, что, мой век сгубив, меня отправило в скитания,
Ославлю я на все края — как и оно со мною сделало!..

Будь к нищим милостив, о шах, к судьбе исполнись
благодарностью.
Что, стольких в нищете гноя, тебя над ними шахом сделала.

Кого же в мире, Навои, рука небес не обездолила,
Что, наше счастье утая, из нас навек страдальцев сделала?

Твой убийственный взгляд, что сражает людей наповал,
Я привлечь не сумел, хоть о смерти такой тосковал.

Новым лазом, как пес, каждый раз проникаю в твой дом —
И, как пса, меня гонят, пинком проводив за дувал.

Как из чаши разбитой бежит, растекаясь, вино —
Кровь течет по виску, куда камень обиды попал...

Не дивись, если страсть мое слабое тело прожжет,
Кто же пламя в соломе иль искры в тростинке скрывал?

В ночь разлуки те искорки стали созвездьем беды,
Ибо дым моих вздохов их в лоно небес подымал.

Так нежна твоя кожа, что если ты выпьешь вина,
Весь я вижу напиток: под кожей он движется, ал.

Соловья оперенье развеяла роза в саду.
Но зимой в свой черед лепестки ее ветер сорвал!

Ах, тому, кто принес нам блаженное веры вино,
Разве мир в воздаянье отраву и боль не давал?

Лучше б та, что так зло меня гонит, убила меня,
Чтобы пищей для псов Навои у ворот ее стал!

О той, кто ранит сердце мне, чем память будет больше,
Тем меньше значу для нее, да и осудит больше.

Таких побегов не найти, как твой красивый стан,
Хоть кипарисов в том саду припомнят люди больше.

Нет, для возлюбленной моей, как я, супруга нет,
Хотя Меджнунов средь пустынь и в мире будет больше.

Безумен я, что псов бужу на улице ночной,
Что ты не спишь от них, что мук в моей причуде больше.

Нет, птицы сердца не найти в лесу красавиц том,
Коль много в нем ловцов, и путь намного труден больше.

Твоим ресницам убивать урок давала смерть,
Что стоит смерть, коль у тебя ее орудий больше.

Ведет речь с шейхом лицемер, с кабатчиком — кто пьян,
В советах пира же добра всегда, как в чуде, больше.

Красив храм жизни, но, увы, так краток жизни срок,
Лишь, может, в памяти людской тот храм пребудет больше.

Лекарства — чаша для того, кто обижаем был,
И после чаши тех обид он не забудет больше.

Мы все — добыча кабачка, влюбленные мы все.
И вы входите, мир людей, живущих в блуде, больше.

Играют дети с Навои, Меджнуном кличут все,
Хотя безумного игра чувств добрых будит больше.

Когда наносит мне твое кокетство сотню ран,
Нисходит в душу мне покой всегда от этих ран.

Нет, исцеленья не нашла душа от уст твоих,
Удел на раны соль бросать твоей красе лишь дан.

В рассветной свежести ее все розы расцвели,
От зависти к ней солнца лик то желт был, то багрян.

Подмел глазами я простор всей улицы твоей,
Бежало, провожая нас, там счастье по утрам.

Ты красноречием своим, в час гибели моей,
Вновь оживляешь мертвеца, прелестный мой тиран.

Такой любимой для меня на свете больше нет,
Зачем же дом ее ищу, бродя, средь дальних стран.

Мир скверным сотворил аллах, что ж делать, Навои,
Подвластен скверна м он людским, как океан ветрам.

Любовь к тебе — это пламя, разлука с тобой — огонь.
От боли и от разлуки все время со мной огонь.

Ожоги любви жестоки и, чтобы их облегчить,
Их должен прижечь надежно своею струей огонь.

Любви моей жаркой чаша такие дает пары,
Что сразу овладевает моею душой огонь.

Хотя я в лучах разлуки лью слезы семи морей,
Они в безнадежном сердце зальют ли такой огонь?

Не вынесу я разлуки с рубинами милых уст,
С дыханьем Мессии спорит Марьям молодой огонь.

Соседи мои, вы ночью все будьте настороже —
Сожжет на костре разлуки меня этот злой огонь.

Разлука огнем спалила страну, где я сердцем жил,
Из дыма влюбленным город построил степной огонь.

О гиацинте и розе ты миру не говори,
Жестокое солнце слило с дымящей грядой огонь.

Как быть с Навои, о солнце? Пусть с ним будет то, что есть,
Любовь, ее гнев и милость. Ему стал судьбой огонь.

Влюбиться в тебя не диво, обидам напрасным я друг.
И с пери моей, и с Меджнуном, безумцем, несчастным,
я друг.

Люблю ее губ рубины, но взора ее страшусь.
Бояться ль мне смерти, если Мессия всевластный — друг?

Когда отшельник-святоша враждует со мной — не беда,
Мне кравчий — недруг аскетов, соперник опасный — друг.

Страсть к локонам девы милой безумием мне грозит,
Но я одержим любовью и пылкости страстной друг.

Я на айване друга, чей стан с кипарисом схож,
Но с терном, не с кипарисом, не с розою красной — друг.

Темнеет мир от разлуки, но нет печали, когда
И ты светлый образ пери увидишь прекрасным, друг.

Милее чаши Джемшида, что Хызр заботливый дал,
Мне винная гуща; если поднес и напрасный друг.

Не будь только другом миру, коль хочешь в покое жить,
И, что бы там ни случилось, будь людям всечасно друг.

Врагов, Навои, немало, и друга ты береги,
Чего бы ни попросил он, будь в доле ненастной — друг.

Просветли мой взор безумный пылью с этого порога
Иль из пыли пластырь сделай, боль в груди утишь немного.

Я забыть ее не в силах, как она меня забыла,
От пустых увещеваний жгучей ране мало прока.

Кроме черт ее и стана, все исчезло, дымом стало...
Этой розы с кипарисом не сулит мне воля рока!

Сколько раз разлуки горечь в кубке страсти подносила —
Напоила б хоть однажды поцелуя сладким соком!

Разум — средство ль от безумья? Иль в безверье
лекарь — вера?
Раб, я только цепи жажду — цепи кос моей жестокой...

Меч луны рассек мне сердце. О, прости мне эту слабость:
Вновь взойти она сулила — и покорно жду я срока!

Как газель моя пуглива! Что за лань ее вскормила?
Разрывает цепь созвучий, на слова косится строго...

Будь таким и ты, о сердце, сторонись мирского плена —
Иль кровь глотай, неправдой жизни ранено глубоко...

О, забудьте, люди мира, Навои — раба разлуки,
Стал он облаком пред солнцем, в небесах его дорога...

Весною розы — радость нежных глаз; зато душа — в шипах
ежеминутно.
И каждый шип, вонзаясь, сотни раз терзает грудь мою
ежеминутно.

Как нынче сердце немощно мое... Друзья мои, следите за
недужным!
Оно теряет силы, что ни час — ему конец грозит
ежеминутно.

Я стал таким, что этот жалкий вид в любой душе в ответ
рождает горесть,
И слез поток, друзья мои, у вас и у чужих бежит
ежеминутно.

Живу в руинах собственной любви, и смерть над головой
моей нависла:
Кусок стены, что случай злой припас, теперь упасть готов
ежеминутно.

И без того я слабостью убит, но тех бровей неумолимый
образ,
В моем мозгу встал ясно без прикрас, как сто шипов,
казнит ежеминутно.

Что так мое безумие растет, о трезвые, дивиться неразумно:
Покуда взор мой слабый не угас, та пери — перед ним
ежеминутно.

И так пьяняще этих губ вино: лишь слабым ветерком от них потянет —
И сотне тысяч трезвых в пьяный пляс пуститься хочется ежеминутно.

Увы, опасен этой жизни пир! Смотри: за каждой чашей круговою
Слабейших навзничь валит на палас вращение небес ежеминутно.

Нет у бездомных денег на вино — тетрадь да рубище... Виноторговец!
Ты гнать меня не отдавай приказ из майханы твоей ежеминутно.

Не диво, коль гранитный град небес меня на этой улице застигнет:
Всегда к ее порогу торопясь, я прихожу сюда ежеминутно...

О Навои, пока ты меж людей, не сетуй зря, живи в ладу с душою,
Хотя мирская черствость ранит нас и гибелью грозит ежеминутно.

Вдохнул в меня живую жизнь твой с пальмой схожий стан,
Не «стан», а «воскресение»,— из мертвых я восстал.

Но пальма стана твоего не склонна верной быть,
И смысл в жестокости нашла, когда твой час настал.

Не открывай свой лик, не то любовь мою к тебе
Поймут и постник, и аскет, чья жизнь была пуста.

О боже, не беда — умрут и сто таких, как я,
Лишь ей Мессия жизнь бы дал, чтоб жить ей лет до ста.

Пред милой умереть — равно бессмертным, юным стать,
«Покайся!» — мне не говори, душа ведь не проста.

Зачем же чашу разбивать мою, о шейх, зачем?
Коль благороден духом ты, то мне ее оставь.

Она сказала Навои: «Ко мне не приходи!»
Что ж, с миром будь! Не жди, коль так велят твои уста.

Моим безумствам всем лишь эта страсть причиной,
А страсти злой моей той пери власть причиной.

Не спрашивай меня, зачем мечусь всю ночь:
Сто игл ресниц твоих, что жалят всласть, причиной.

О пламя этих уст! Горю, как стог сухой...
Их уголек, что смог в мой стог упасть,— причиной.

Взяв перья стрел твоих, лечу на твой порог.
Увы! Стремленью ввысь пернатых снасть причиной.

Стократно смерть я звал в разлуке — и живу!
Надежда близости, что в жизнь вплелась, причиной.

Ты отвернешь лицо — кружусь вокруг тебя.
Вращенье звезд тому, что жил, кружась,— причиной.

Шейх, четки или плащ заложишь в кабаке —
Знай: это чаши власть, вина напасть причиной.

В моря небытия ныряю... Жемчуг встреч,
Коль черная меня поглотит пасть, причиной.

Слаб телом Навои — ведь в теле сердца нет!
Та, что живым его смогла украсть, причиной.

Коль обещает близость мне ее живая речь,
Правдивой лживую ее считать желаю речь.

«Печали гору продолби когтями»,— говорят,
Но у Фархада и Ширин была другая речь.

Рубины, яхонты горят, когда ты говоришь,
Лишь у аллаха быть могла такой любая речь.

Не говорите обо мне на пиршестве, друзья,
Способна навевать печаль и грусть такая речь.

Коль оживили мертвеца прекрасные слова,
То значит, то луны моей была благая речь.

Когда бессилен описать рассказ всю суть любви,
Влюбленный должен промолчать,— к чему плохая речь?

Любви уроки Навои и преданности дал,
Как в честь наук — Джемаль-ад-дин, хоть то иная речь.

Рубину губ, убийце моему, моей души отторженной
не нужно.
А грешным взорам —святость ни к чему, и света веры
тоже им не нужно.

Мое же сердце алчет этих уст — оно и дня прожить без
них не может.
Так бидящему рядом смерти тьму живой воды испить
немедля нужно.

Ты гонишь на ристалище коня — и мне уже беды такой
довольно.
Дальнейшего печальному уму уже и предугадывать
не нужно.

Да будет сердце жертвою твоей! Оно само любви мучений
жаждет...
Кокетством ты пытаешь — и ему полет ресниц твоих
увидеть нужно.

Смотри же — птица сердца рвется прочь из хижины
измученного тела!..
А гнезда вить в разрушенном дому одним лишь совам,
душам ночи, нужно.

Лицо твое — как белый лик луны... О нежная небесная
лепешка!
Как крошек хлеба в нищую суму, твоих лучей голодным
взорам нужно.

О, в этой лавке бренности земной свой нищий нрав ты
мигом обнаружишь.
Едва соседу скажешь своему, что сильным мира угождать
не нужно.

Нужнее слава добрая!.. Хотя не худо бы сначала
оглядеться:
Мы только люди все — и потому еще нам многое на свете
нужно.

Увы! Навек расстался Навои с душой своей поруганной...
И все же,
Чтоб страсть его в одну вместить тюрьму, сто душ людских
собрать бы вместе нужно!

О, чашей стань хоть солнца круг — что сок сладчайший
в чаше,
Коль не дано из милых рук принять бесценной чаши?

И все же, кравчий, наливай и лей полней, чем прочим:
Что лечит горести разлук вернее пенной чаши?

Спросил я лекаря любви — назвал он три лекарства:
Свиданье, смерти злой досуг, отраду верной чаши.

В разлуке с лучшим из светил пью залпом, опрокинув:
Ищу звезду среди подруг на черном небе чаши...

Когда ж подруга поднесет, сказать «Не пью» — не смею,
Хотя от счастья стану вдруг пьянее полной чаши.

О, в бренном мире слышим мы дыхание спасенья,
Когда любовь, минуя слуг, сама подносит чашу.

Ах, милая, дрожит рука, налей же влаги алой,
И, словом ласки нежа слух, к губам приблизь мне чашу!

Я знаю: жаждущим вода — спасение от смерти.
Но мне, о Хызр, хоть смерть вокруг, водой не полни чашу.

Я прогулял среди гуляк, напился среди пьяниц
И вот стою, исполнен мук, испив позора чашу.

А впрочем, что за прок, скажи, от пира с громом бубна,
Когда с красавицею, друг, нельзя нам выпить чашу?..

Ах, если кто-то пил вино в саду зеленом мира,
В пустых кустах назавтра вдруг найдут пустую чашу...

Гази, правитель, чей удел — Джемшида кубок вечный,
Подъемлет к солнцу синий круг — небес высоких чашу.

Когда ж узнают Навои — опустят очи долу...
Мирза мне в честь былых заслуг опять протянет чашу!

Хотя для сладких уст вино — полыни горше,
Разлуки хмель на вкус, увы, стократно горше!

Пускай горчит вино: напиток расставанья,
Как яд смертельный, густ, вина любого горше...

А в море слез моих все солонее влага,
Былого счастья груз в разлуке мне все горше.

От горького ль питья, от слабости сердечной,
С того ль, что кубок пуст, но вкус во рту все горше.

Как смерти избежать, когда в напиток жизни
Мне пери каплет грусть, и все щедрей и горше?

О, горечь нам подчас полезнее, чем сладость...
Лекарство сладко? Пусть! Я пью вино, что горше!

Ах, опьяни меня хмельною влагой, кравчий,
Ведь трезвому, клянусь, разлука — ада горше.

Служитель майханы привержен к горькой чаше.
Слуга любви — боюсь, что эта чаша — горше!..

Смех сладких уст ее, о Навои, ты слышишь,
Но, раб любовных уз, сам плачешь ты все горше.

Безумным сделала меня от страсти к ней шалунья,
Я стал легендой от любви, не став бедней, шалунья.

Как пери выйдя, ты набег на разум учинила,
Ушла — безумие мое горит грозней, шалунья.

Резвясь по-детски на пиру, бутылку, кубок, чашу
Разбила, как в игре, шутя среди огней, шалунья.

Приникни к двери кабачка: звенит уже веселье,—
Наверно, в кабачок ушла ты при луне, шалунья.

Я рубище отдал в залог за чашу. Ах, но четки,
Как кости ты взяла в игру, то грех крупней, шалунья.

Когда ж взялась играть моим сознаньем и терпеньем,
И потеряла где-то их, искать трудней, шалунья.

Скитальцем сделав Навои, без родины и дома,
Ты принесла мне горя мрак, без светлых дней, шалунья.

На близость с милою моей нет никакой надежды,
Но не оставил шах меня вновь без такой надежды.

Когда я без надежды был, сожгла меня разлука,
Ах, в пепел превратится страсть, вернись, покой надежды.

От взгляда лишь моя душа ликует — я доволен,
Ты ж на свиданье отняла — своей рукой — надежды.

Безумных изумляю я, любовью одержимый,
Была б в моем позоре мне хоть тень людской надежды.

Сосредоточенна душа — я словно обезумел,
На пери уповаю я, и нет иной надежды.

Сжигает без надежды грусть, с надеждой — страсть
сжигает,
То безнадежность губит нас, то луч любой надежды.

Надежде — ласка и любовь, обида и жестокость,
Ведь кроме них, нет у меня вокруг другой надежды.

От мук разлуки исцелюсь: в себе сосредоточусь,
О кравчий, чашу б мне вина — взбурлят рекой надежды.

О Навои, коль в море бед тонуть,— добыть бы жемчуг,
Из моря непорочных глаз — пусть бьет прибой надежды!

Все синим сделалось лицо вновь от пощечин боли,
Лазурью, золотом покрыт, меня вновь точат боли.

Твой лик — как роза от вина; на вопль ты мой не сетуй,
Стон соловьиный среди роз — как средоточье боли.

Загадки грозны у любви: вдруг в сердце с жаром солнца
Дохнет январской стужей вихрь, другой источник боли.

Обвал камней беды пылит, обрушившись нежданно,
Но не пылится голова, хоть в ней жесточе боли.

Коль из колец твоих кудрей мой вздох взовьется к небу,
Прими за смерч, увидишь ты мои воочью боли.

О ты, что хочешь взять один дары той луноликой,
Сначала вспомни о другом и будут кротче боли.

О Навои, кто сам страдал, поймет стихи печали,
Кто не страдал, прочтя, поймет и грусть и корчи боли.

Коль с кипарисом стан сравню и буду я доволен,
Похожую на правду ложь я выскажу невольно.

Сравниться с медом сахар слов вдруг выразил желанье,
В ответ сорвался с губ твоих смех сладкий и привольный.

Сто благодарностей к тебе мое объяли сердце,
За то, что рвали псы твои его на части больно.

Коль пес ее подохнет вдруг, мою отведав печень,
Вы убедитесь, печень вскрыв,— в ней горечь моей доли.

Уж если страсть к кудрям ее берет сознанье властно,
О врач, доколе можно быть разумным мне, доколе?

Будь бренным на пути своем исканий, где оковы
Всегда не тяжелей тебя, коль путь тот не окольный.

О Навои, не расточай пустые наставленья,
Приди, прими и мой совет, советчик мой крамольный.

Когда любовь свела тебя на нет, от благочестья жалкого —
что пользы?
Ты стерт с земли, лишен земных примет, от гордости
заносчивой — что пользы?

Когда ты все богатство расточил, как будто бы его и не
бывало,
Благоразумный принимать совет, о прибыли
раздумывать...— что пользы?

Утратив разум, от людей бежав, ты под ноги свою ей
бросил душу.
В ней не нашлось и жалости в ответ, а в этом виде
ангельском — что пользы?

Влюбленный, ты о близости мечтал — твоим уделом
сделалась разлука...
Узоры сна стирает трезвый свет, ждать в этом мире
радости — что пользы?

В моря любви с надеждой ты нырял, нашел одну меж
раковин заветных,
Жемчужины ж в итоге нет как нет! А в скорлупе
сверкающей — что пользы?

Любимая — в душе твоей! А ты, не знав о том, искал ее по
свету...
Носиться днем и ночью ветру вслед, а душу прозевать
свою — что пользы?

О, благо тем, кто весел на пиру, не упускает чаши
искрометной ..
Но сколько бы ни выпил ваш сосед, коль самого обносят
вас,— что пользы?

Во имя мудрой бедности сожги знамена выгод, почестей,
богатства,
Они кружили сердце столько лет, пришли, ушли, опять
придут — что пользы?

О Навои, на торжище любви ты торговал всегда себе в
убыток.
Кто возместить сумеет этот вред? И в этом жалком
торжище — что пользы?

Пусть бездомного скитальца и не вспомнит девы взгляд,
Лишь о ней воспоминанья в сердце радостью горят.

Косы милой всех пленяют, как и взор ее очей,
И всем ведомо в народе, как добыче ловчий рад.

Кипарис — раб стана милой, но меж станами других
Хочешь ты, чтоб был свободен он, украсивший твой сад.

Темень ночи чернотою превзойдут глаза Ширин,
Для чего к сурьме ненужной прибегать бы стал Фархад?

Ты другим вино свиданья, виночерпий жизни, лей,
Ибо мне уже привычно выпивать разлуки яд.

Но и в ночь разлуки с милой так не плачет Навои,
Как рыдает тот, кто видит весь в слезах поэта взгляд.

Кругом враги, теперь найти мне друга нет надежды,
Не дай, аллах, чтоб даже враг терял бы след надежды.

Я в этой западне отстал от недругов и друга.
Я верю в друга своего и верю в бред надежды.

В водоворот я бед попал, где, говорят, есть страхи,
Но нет и признаков совсем любых побед надежды.

Душой я жертвовал, но нет надежды на свиданье,
А жизни жаждущим от губ — одни в ответ надежды.

О кравчий, так печален я, что радость невозможна,
Не вижу на веселье я уж сколько лет надежды.

Что верности от друга я не жду, не осуждайте,
Мудрец уверен: жизнь не даст такой обет надежды.

Нет близости и нет надежд! Как не расстаться с жизнью,
О Навои, коль я б имел ее и свет надежды!

Пустился я в степь разлуки, безумный, как смерч крутой,
О, горе мне, горемыке, униженному судьбой!

Вонзились в нагое тело бесчисленные шипы,
И каждый из них сгорает, сожженный моей тоской.

Но где же Меджнун, который способен мне дать совет,
Сочувствуя мне, заплакать над горькой моей бедой?

И где тот Фархад, который стыдился б гор и кирки,
Увидев, что я рву гору ногтями, а не киркой.

Когда бы я знал, какую разлука приносит боль,
Я даже за век свиданья не отдал бы свой покой.

Друзья, молю, не сажайте вы здесь деревцо любви,
Плоды его — грусть, разлука, породы оно такой.

Ты знаешь, конечно, ветер, что жизнь Навои тяжка,
Отдай ее псу любимой, пусть топчет своей пятой!

Любому, кому такая небом луна дана,
Заполнить плачем, стеная, землю — судьба дана.

Недаром душа стремится на улицу небытия:
Ей в спутники мысль шальная об этих устах дана.

Для чистого сердца — знанье людского зла не беда.
Чиста любовь моя, знаю, хоть доля злая дана.

Друга укрыл в душе я... Увы, опасный приют:
Тоска ее рвет, сжигая, ей мука навек дана!..

В долине любви заслуги не стоят горсти земли,
И деньгам та же цена, и тем, кому власть дана.

И чем заполнить разлуку, кроме свиданья с душой,
Если нам пери рая в царицы души дана?

Лишь в ханстве любви случалось: драконом стал муравей,
И нищему честь земная властителем воздана.

О люди, один неверный обрек меня на печаль.
Недаром ему такая враждебность к вере дана!

Но нам, Навои, не гоже стенать от разлук и обид:
Благо нашему краю, где власть Гази отдана!

Тревожным мрак, тоскливым мрак бывает в ночь разлуки,
Не говори, что вздохов дым, то мрак сердечной муки.

Сто тысяч стрел впилось в меня в разлуке с милым ликом,
И сердце капище в огне,— пожара слышу звуки.

Не из костей на нить души нанизаны суставы,—
Узлы для счета мук моих твои связали руки.

Бушует смертоносный смерч в обличии шалуньи,
Чтоб волю, разум унести и даже сердца стуки.

Сон навевает шум дождя, однако поглотили
Людские сны потоков шум из слез моих, есть слухи.

Прольет, играя, кровь мою луна моя — не диво,
Ведь это же небес игра, смеющихся от скуки.

И пес ее, главу твою разбитую, отвергнул,
О Навои, хотя в ней суть и все твои заслуги.

Из груди отверстой выйдя, страсть мой разум подожгла.
Так стволы сжигает пламя, выползая из дупла.

Чуть сплетутся нити страсти с завитками тех кудрей —
И довольно для безумцев: их судьба — сгореть до тла.

На лице луны я видел синяки от кулаков:
Видно, ей хмельное солнце насажало их со зла.

Душу семенами горя полнит щек твоих пушок.
Так и лето полнит склады муравьями без числа.

Ветер утра, одари нас шелком розовым зари,
Чтобы роза лепестками кипарис мой облекла.

То не край завесы неба окровавила заря —
Это кровь моих рыданий ночью землю залила.

Кто мое, Меджнуна, тело видит в шрамах этих ран,
Тот решит: Лейли, наверно, псу лизать его дала.

Если я покину тюрков, не вините Навои:
О луна моя — туркменка, боль с ума меня свела.

Кипарис розоволикий, гордо в сад выходишь ты,
Среди роз гуляя тихо, отдых здесь находишь ты.

Что с вином и розой делать обезумевшему мне?
Я готов лобзать тропинки, по которым бродишь ты!

Аромат душистой розы разве может мне помочь,
Если ты меня бросаешь, если прочь уходишь ты?

Умереть готов в бессильи. Подошла душа к устам.
Снизойди ко мне, Мессия, ведь к другим снисходишь ты.

Ах, глаза розоволикой скорбны, словно два больных...
Ты меня приводишь в трепет, сердце в дрожь приводишь ты.

Кто сказал, что горе розы не тревожит соловья?..
Неба гнев своим зуннаром от себя отводишь ты.

Семь небес есть у аллаха. Без тебя на что они?
На других глазах наводишь, стороной проходишь ты.

Груз несчастья тяжелее на дороге нищеты...
Сердце! Прежних дней веселья плачем не воротишь ты.

Навои, смирись, стань прахом, позабудь свои мечты!
Зря мечтаешь ты о пери, зря себя изводишь ты!

Что о муках знают шахи, чей парчой горит наряд?
Что им огненные вздохи, те, что сердце пепелят?

Тот, чей меч обрызган кровью, мук влюбленных не поймет.
Кровь владыки проливают и виновных не щадят.

Лишь смиренным боль понятна, а не тем, кто вознесен,
Непонятно для Парвиза то, что вытерпел Фархад.

В край тоски душа и сердце удалились от меня,
Но за спутниками следом всё шаги мои спешат.

И когда узнают люди, что разлукой я убит,
Пожалеют о несчастном, не вернувшемся назад.

Грусть мою в цепях разлуки в состояньи ли понять,
Все, вкушающие радость, кубки сдвинувшие в ряд?

Разве шахи станут думать о несчастных бедняках?
Навои, к престолу неба обращай свой чаще взгляд.

Мне снилась гурия в раю, и тень, и сладостный Кавсар...
О, если б день любовь мою мне так же близко показал!

Я клялся позабыть ее, она сулила близость мне...
Мы лгали оба — и словам никто из нас не верил сам.

Ее лицо — краса зеркал, пушок — краса ее лица.
Так утро серебрит луну, так свет во тьме видней глазам.

Та капля на ее щеках — взгляни, не бисер ли дождя?
Звезда ль скатилась, иль рассвет росою розу унизал?

Слова — в устах ее. В словах — моей надежды ключ. Скажи,
Как скрыта в яхонте вода? И кто с водою жизнь связал?

Луч на лице ее лежит, и лал пылает в том луче.
Язык огня — и уголь в нем, чтоб тот огонь не угасал!

Я свой недуг лечил вином... О кравчий, сгублен я вконец:
Залей огонь мой — или нет: добавь огня моим слезам!

Я в наших днях — людей ищу, а в людях наших дней —
добра...
Кто ж за водою лез в огонь, на холм за жемчугом влезал?

Меджнун в тоске зовет Лейли, царицу сердца — Навои.
Безумец ищет страсть свою, а соловей — весенний сад...

О рассвет после разлуки! Эту грудь разбило небо.
Взявши ночью, утром душу мне вернуть забыло небо.

То не боль единой раны: как бутон рассветной розы,
В эту ночь мечом на части сердце мне рубило небо.

Разлучен с моей луною и низвергнут в ночь печали,
Почернел я, как чернеет, потеряв светила, небо.

Я сожжен, но той золою образы иных страдальцев
Из зеркал твоих сердечных стерло прочь, избыло небо.

Что ж, хвала ему, убийце, коль в самой жестокой казни
К этой страсти безответной милосердным было небо.

Нас любовь творит из праха, в прах разлука возвращает.
Так меня камнями бедствий в черный час побило небо.

Чтоб сложить запас печали для людей любви грядущих,
Навои, в груди усталой сотни ям пробило небо...

Сгорать от меня учился, в огонь летя, мотылек,
Любимая научила свечу, чтобы пламень жег.

Когда, разлученный с пери, в безумье вздыхаю я,
В огне моих вздохов крылья и ангел спалить бы мог.

Могли б отсыреть и звезды от вздохов моей тоски,
А пар моего дыханья завесой бы в небе лег.

Лежащий на царском ложе от ревности бы не спал,
Увидев, что головою я к милой лег на порог.

Но счастью уж не проснуться, и горьким рыданьем я
От сна беспробудных пьяниц всегда разбудить бы мог.

Волнуюсь я, вспоминая твой стан и волну кудрей,
По тонкому кипарису вползающий ввысь вьюнок.

Бежав от страшилищ-дивов, взял кубок свой Навои,
А вкруг него бродят звери из диких своих берлог.

Мне в час, когда блеснет звезда, на ум луна приходит,
А в час луны манит мечта: светило дня восходит.

Когда в ковше моем вода, на шее плащ для шейха,
Та чаша пира, что пуста, на память мне приходит...

Смотри: с вином в мой скорбный дом спешит моя шалунья.
Поверь, не время для поста, когда она приходит!

Хоть милости она полна — на желтый лик не взглянет,
Где след от слез, как борозда, полями щек проходит...

О мука! Стоит вспомнить мне ее прикосновенье —
И жгучим ветром на уста нежданный вздох приходит.

Иду в пески небытия — немой двойник Меджнуна,
И там ступаю неспроста, где след его проходит...

О Навои, сияньем глаз укрась свое жилище.
И впрямь: подходит час, когда любимая приходит!

Мне суждены скитания и знанье
Всей меры бед, и горькое изгнанье,

Прощание с друзьями и страной...
Зато с бедою — новые свиданья!

Но что тебе? — ты в зеркало глядишь
И жаждешь вновь ненужного признанья...

Смотри, о шах, в стране моей любви
Жду от тебя, как нищий подаянья.

Родит измену верность в наши дни.
Наполнить чашу — лучшее деянье!

О век бесстыдств! Мне сто неправд грозят —
И все они в святейшем одеянье.

Грей среди пьяниц душу, Навои:
Так набожное черство воздержанье...

Коль возлюбленная пери у бродяги где-то есть,
В нем — величье Искандера, Хызра все приметы есть.

О, как сладко стан твой стройный каландару обнимать!
О аллах, какое благо, что на свете это есть!

Заглянувши в мое сердце, состраданье ощутит
Та, в чьем сердце постоянно от меня секреты есть.

Из-за глаз твоих, о пери, я бессонницей томлюсь.
В грустных взорах обещанье летнего рассвета есть.

Как шипы, твои ресницы в сердце страстное впились.
Что ж! Шипы у каждой розы в дни ее расцвета есть.

Отправляйся из мечети в майхану скорее, друг,
Чтобы сбросить гнет эпохи, где на все запреты есть.

Навои, твои лохмотья и чалма всем говорят:
Сотни поводов для пьянства и зимой и летом есть!

Пусть соты душ не дарят мед, а сладость губ любимых —
что это?
Роз кипарис не принесет, но лик над стройным станом —
что это?

Коль голубиного крыла не обожгло письмо разлуки,
Полос чернеющих черед на этих крыльях белых — что это?

И если из-за тех кудрей я веры истинной не предал,
Передо мною идол тот или зуннар на бедрах — что это?

На волоске из этих кос — мое заплаканное сердце.
Так мальчик птицу волочет... Скажи, такая казнь — за что
это?

В пустыню страсти пал огонь. Я вижу ясно это пламя,
Что темноту, как меч, сечет... А то, что дальше скрыто,—
что это?

К пушку нежнейших этих щек ты близостью гордишься,
сердце.
Но суд небесный не сочтет за грех иль благо — ни за что
это...

Кто б мог сказать, что Навои твоих голодных псов не
кормит?
Я потерял укусам счет. Кровь рваных ран на теле — что
это?

О соперники! Вам чаша вожделенья и желанья,
Нам — приют тоски недужной и тревоги расставанья.

Я любовью весь истерзан, тело все в кровавых ранах,
Будто недруги решили, чтоб платил им кровью дань я.

Дом Фархада и Меджнуна — это горы и долины.
Я от их оков свободен в бесприютности скитанья.

В миг, когда младая пери поселилась в сердце мудром,
Обернулись безрассудством все дотошные познанья.

Нет, в душе шалуньи этой не вписал свое я имя:
В ней бесследность, безымянность, отраженье без прозванья.

Я сражен любовью насмерть, но — умри сто мне подобных:
В сердце, ласковом лишь с виду, не отыщешь состраданья!

Старца древнего, о боже, ты смутила мимоходом;
Так пускай пройдет во благе гордость самолюбованья!

Все грехи прости, кабатчик, мне, отшельнику дурному:
Мне за зло — добром платил ты с постоянством упованья.

Ты про Навои сказала, будто любит он другую:
О творец, бессчетны этих подозрений сочетанья!

Мою ты душу умерщвляешь. Сама же мне — души дороже.
Ты, ханаанка с лунным ликом, мне, в вышине, души дороже.

И, если вихрь рассветный веет на лепестки ее рубинов,
Я кровь глотаю, и не диво, что страсть вдвойне души
дороже.

Я вспомнил, что в душе и сердце не счесть сокровищ
драгоценных,
И одарил я щедро гостя, ведь гость, по мне, души дороже.

Узрев меня среди влюбленных, она, стрелу мне в грудь
направив,
Раба в султана обратила — и жизнь вдвойне души дороже.

Хоть средь людей небытия ты меня унизила немало,
Меж верных, о немусульманка,— всегда будь мне души
дороже.

И если в кабачок попал я,— лишь твоего рубина ради,
И средь гуляк в большой я славе, в большой цене — души
дороже!

Ежеминутно не твердите вы Навои: «О ней не думай!»
Ведь похитительница сердца — и впрямь по мне — души
дороже!

Если б нежной с ней не плел я канители никогда,
Камни бед мне прямо в темя б не летели никогда.

Если неуравновешен я в сетях любовных пут,
Диво ль? Не имел сноровки в этом деле никогда!

Не тверди: «К жестокосердной нечего питать любовь...»
Верному брести не должно вспять от цели никогда.

В горестях любви есть сладость — вот и я в беде такой
Одолеть недуг не в силах — в сердце ль, в теле — никогда!

О Вамыке и Фархаде по векам гудит молва,
Ты ж славней! О прочих столько не галдели никогда!

Не волнуйся из-за сплетен, это сердцу ни к чему,
Нужно, чтобы вина в чашах не мутнели никогда!

От любовного недуга не сыскать лекарств, увы,
Исцеленья не найдешь ты и в постели никогда!

Если ты жестокость смертных испытал, что мне сказать?
«Души черни черной злобой не скудели никогда!»

Впрочем, что бы ни случилось, будь всегда с людьми хорош,
У писца судьбы — заглавья не умнели никогда.

Если скажешь: «Боль незрелых упований — не по мне!»
То не притязай на близость в сем пределе никогда.

Не желай в делах любовных много счастья, Навои,—
Сад любви не слышал сладкой птичьей трели никогда!

Я вас познал, любовь и страсть,— что за беда мне с вами:
Из сердца взяв терпенья власть, туда швырнули пламя!

И коль себя я ослеплю и сердце в пламень брошу,
То справедливо будет, ведь причиной бед — вы сами.

Душе и сердцу не велю быть в обществе плененных:
Тоска разлуки в цветнике вещает их устами.

Я поучающим велю не убивать страдальцев;
Им не твердите: «Муки — ложь!» — Те муки вечно с нами!

Берите жизнь мою в залог, хайбарцы-нечестивцы,
Китайцы, тюрки — правит хмель лукавыми сердцами!

Одною чашею меня избавьте от похмелья,
Гуляки, вы, чей бренный мир обилен чудесами.

Вас пир свиданья будет ждать, страдающих в разлуке,—
Сумейте, вместе с Навои, рыдать его слезами!

Зачем, друзья, мою любовь вы называете грехом?
Безгрешен я, а сам горю, зачем сжигать меня огнем?

Когда мой друг на душу мне обрушил дождь жестоких
стрел,
Вы шлете мне и град камней, и порицаний грозных гром.

Теперь, когда таю любовь, коль спросит милая моя,
Скажите всё, не утаив, о положении моем.

Не спрашивайте у меня, что буду делать я в любви,
Не нужно сердце отдавать, пока огонь не вспыхнет в нем.

Пусть даже пеплом стану я, не развевайте пепел мой,
Чтоб прямо к небу каждый миг он поднимался бы столбом.

И так от горестей любви я близок к смерти каждый час,
Зачем, наставники, меня корить в неистовстве своем?

Когда покинуть мир любви я принужден, как Навои,
Зачем же, плачущие, вам гнать и меня его путем?

Грудь мою раскромсав, обнажите вы сердце мое:
Обнажив, в сто кусков превратите вы сердце мое.

Сжегши каждый кусок, обратив его в пепел и прах,
По вселенной, по всей — разметите вы сердце мое.

Искры вздохов моих этот пепел пускай воссоздаст.
В сонмы звезд и планет погрузите вы сердце мое.

Истребив, поразвеяв,— в лекарство от горьких обид,
Нанесенных любовью — кладите вы сердце мое.

От проворной шалуньи любви добиваясь в чаду,
На нее не взглянув, осадите вы сердце мое.

Небо стало старухой, хитрющей угрюмой каргой.
Одинокие, с ним разведите вы сердце мое.

Вам велит Навои, если сердце собьется с пути,
Дымом вздохов своих зачерните вы сердце мое!

Друзьям, наперсникам случайным своих не поверяйте тайн,
Сто бед над головой развеяв, чужим не доверяйте тайн.

Не выдавайте тайну, ибо того, что вы не сберегли,
Другой сберечь не в силах тоже. Итак, не выдавайте тайн.

Фальшиво сердце, а язык наш — он сплетни разносить
горазд!
Так из душевного гарема своих не выпускайте тайн.

Коль сердце и язык не стали наперсниками,— лишний труд
Твердить: «Теперь — ни слова людям!»
Своих не разглашайте тайн!

Не испускайте тучи вздохов и не катите слез рекой:
Вотще не рассыпайте жемчуг — и нить не разрывайте тайн!

И раскромсав язык болтливый, и сердце вдребезги разбив,
И требуху швырнув собакам, вовек не раздавайте тайн!

Как исстрадался я в разлуке: во всяком случае, друзья,
Вы не усердствуйте, а пейте — в вине не исчерпайте тайн!

И коль любви благую тайну сберечь не смог ваш Навои,
То и его прозванье тоже вы в свитке начертайте тайн!

Вы, красавицы, несчастным, право, окажите милость,
Иль немилостивы будьте, чтобы гневом речь дымилась!

Коль увидите влюбленных, что порою плачут в голос,
Подавите смех, чтоб, разве, тень улыбки появилась.

Я в разлуке исстрадался, так пожалуйтесь подруге,
Что великих бедствий пламя в тесном сердце угнездилось.

Но и вы, подруги, крови в голосе моем страшитесь:
Родинка с пушком сокрылась, и звезда моя затмилась!

Но вино ее рубина вам пускай усладой будет;
Станем прахом, чтоб в мечети пря меж постников
продлилась!

Пьян был Навои, заспался, просыпаться все не хочет:
Песню гряньте, чтоб в сонливце мигом сердце пробудилось!

Певец, узнав мою тоску, спой мне о ней в печальный час,
Пусть тайне сердца моего теперь печальный вторит саз.

Начни мелодию свою, в которой грусть отражена,
И мне отраду принесет твой утешающий рассказ.

И пусть Меджнун или Фархад не будут названы тобой,
О муках расскажи моих, чтоб слезы капали из глаз.

Коль хочешь в пении своем чужих судеб не повторять,
О тех пой больше, обо мне упомяни один лишь раз.

Коль хочешь петь ты обо мне, пой о величии души,
А о возлюбленной моей — ее кокетство пой сейчас.

Когда осенние ветра завоют в этом цветнике,
Мотив разлуки, соловей, для розы спой, порадуй нас.

Печальной песнею твоей сжег тайно сердце Навои,
Певец, узнав мою тоску, спой мне о ней в печальный час.

Тот, кто несчастен с юных лет,— сгибает стан,
Не бремя ль нищеты и бед — сгибает стан?

Зачем вы, юноши, кичитесь стройным станом?
Жизнь, причиняя стрелам вред, сгибает стан!

Недаром старость бьет поклоны благочестья:
Ей бремя тягот, зол и бед сгибает стан!

Едва ли нищему клюка его поможет,
Ведь бремя дней царям побед сгибает стан.

Жаль тех, которых веселит моя согбенность:
Рок и пришедшим мне вослед сгибает стан!

О Навои, коварна молодость былая:
Несчастный, покидая свет, сгибает стан!

Знайте, что все розы мира — колкости шипов не стоят.
Розоцветных вин кувшины — бед хмельных оков не стоят.

Если шах тысячелетье всей подлунной будет править,
То и мига униженья дни всех тех веков не стоят.

Все отрады в продолженье жизни сотен поколений
И минуты лицемерных властных пустяков не стоят.

Коль сандал или алоэ ты швырнуть захочешь в пламя,
Дым окутает жаровню — и жаркое дров не стоит!

Все манящие в походы царства дальних небосклонов
Едкой пыли от походных грубых башмаков не стоят.

Ежéли с любимой близость длится месяцы и годы,
Но соперник есть — услады пары медяков не стоят!

Горний мир небытия ты, Навои, иному миру
Предпочти. Все ласки света двух хромых шажков не стоят!

Красотой твоей, как солнцем, свято дорожит народ.
Как пылинки в свете солнца, вкруг тебя кружит народ.

Так жестоко я ославлен, что, куда ни покажусь,—
«Вот пришел безумец жалкий!» — хохоча кричит народ.

Если б только ты предстала в полном блеске красоты,
Был бы, верно, с лика мира, как волною, смыт народ.

Видя пламя ада, люди в рай его перенесли,
Как же тайного сиянья до сих пор не зрит народ?!

От разлуки, от несчастий стал я с бледной тенью схож,
Удивляться ль, что смущает мой убогий вид народ?!

Меч любви глазам не виден, если же его извлечь,—
Он пронзит меня, и, воя, в страхе побежит народ.

Нет числа разящим стрелам, что печалью рождены,
Больше их, чем тех, какие в тайниках хранит народ.

Если в мире все решает пустота глухих небес,
То спешит уйти от смуты, от глухих обид народ.

Если преданность народу выражает Навои,
Преданность свою поэту про себя таит народ.

Нет мига, чтобы разлука с ней меня не язвила совсем.
Чтобы, других веселя, меня не омрачила совсем.

Словно не зная о смерти моей, пери эта твердит:
«Давным-давно уже сей сумасброд молчит, как могила,
совсем!»

Столько язв растравила в моей груди жалом разлуки она,
Что кирка Фархада в горную грудь столько ран не врубила
совсем!

В пламень сердца метнула она сперва стрелы разлуки
большой,
Странно, что острым мечом допрежь меня не убила
совсем!

Так ужель я все-таки брошу взгляд на терпения
лепестки,
С тем, чтоб ярость вздохов моих в тот же миг не снесла их
ветрила совсем!

Всей душой полюбил я одну из них, всем неверным
наперекор,
Ведь желанная верность род людской не обременила совсем!

Ждет разлука нас — это конец всему — потому заблуждается тот,
Кому — в миг свиданья — его душа о разлуке не ныла совсем!
Виночерпия жертвою, может быть, нам придется в грядущем стать,
Диво ль, если сладость небытия — шинкаря пленила совсем?

Ну, а ты, Навои, ее не забудь: вспоминай ее всякий час,
Да и кто ты, чтобы твердить: «Она обо мне забыла совсем!»

От друга я не жду услад: коль ты мне друг — довольно,
право.
Не притязаю, если враг не жалит вдруг — довольно, право.

Пусть притязающий придет за розами в цветник свиданий,
Но сотней тысяч злых шипов не множит мук — довольно,
право.

Сто тысяч раз карает тот, кому однажды был я верен.
О сердце, чтоб воспламенить любви недуг — довольно,
право.

И если нет во рту вина и очи алых роз багряней,
То вздохов огненных о ней в слезах разлук — довольно,
право.

О небо, твой разящий меч не обнажай передо мною:
С меня, когда мне в грудь впился меч лунных рук —
довольно, право.

Коль в мирном розовом саду мечтаешь о жилище алом,
Лачуги пьяной — был бы в ней с вином бурдюк — довольно,
право.

О Навои, в твоих словах нет смысла, в смысле — слов не
сыщешь:
Чтоб перлы смысла обрести, низать жемчуг довольно,
право!

В яви — от собственных взоров пьяна эта луна,
Тысячи смут пробуждает она прелестью сна.

Тот преуспел бы в стремленье к тебе, кто, как Юсуф,
Тысячи не пожалел бы рабов, отдал сполна.

Ларчик твой — море жемчужинок-слез, пролитых мной;
Небо и звезды затоплены им — вот глубина!

Дух от волос твоих сводит с ума ангельский край,
Может, и к духам докатится вдруг эта волна.

Роз, кипарисов диковинных лес в красках воскрес.
Где ж кипарис розоликий — она? — Нет, не видна!..

От оперенья мигающих стрел — взоров твоих
Крылья почувствует скоро спина — в перьях она.

Будто бы воду живую в сосуд ты добавлял,
О виночерпий, я душу обрел в чаше вина.

Жаль, современникам верность чужда зову судьбы,
Как и у времени, верность у них, видно, одна...

Ты, обессиленный, должен молчать, о Навои:
Ведь от коварства неверных душа тяжко больна.

Твой образ в сердце, подобном ране, изображен,
Как образ пери, что на портале изображен.

Поверь, художник: мне не по силам быть рядом с ней,
Пусть буду только... на расстоянье изображен.

Ей голова моя — шар в човгане, и кровь течет.
Не цвет рубина на том човгане изображен.

На теле, знавшем шипы и камни пустынь и гор,
Рисунок тяжких его терзаний изображен.

Душа — художник, поклонник страстной своей мечты.
Твой образ всюду ее стараньем изображен.

Лишь скукой веет от воздержанья, вот почему
Вкруг винной чаши свет ликованья изображен.

Той пери образ, в разлуке с коей пал Навои,
Смотри, чтоб не был в его диване изображен.

Печальному, весь век тебя любить — лишь мне пристало.
Так по Лейли Меджнуну слезы лить вполне пристало.

О кипарис и гиацинт! Обман — вся стройность ваша.
Вам увидать моей любимой стан вдвойне пристало.

Ты не старайся, о луна, сиять ночным светилом:
Себя ль красой с прекраснейшей равнять луне пристало!

Хмельнее и живительней вина уста любимой,
А потому и спесь вину вредна и не пристала.

Твой властный взор волной меня накрыл; сравниться с нею
Джейхуна, Тигра — будь в них больше сил — волне пристало.

Луна и небо, вас ли назову средь благосклонных?
Жаль. доброту познать не наяву — во сне пристало.

От розы Навои не отличить, огнем объятой.
Жестокая, тебе ль его спалить в огне пристало!

Только солнце помянув, лик твой описать возможно.
О живой воде сказав, губ рубин познать возможно.

Говорят: «Походка, стан — жизни свет в саду телесном».
Лишь от зависти к тебе так их принижать возможно.

Лик твой в зеркале узрев, солнца луч в струе Ковсара
Полон зависти: ему ль блеск твой перенять возможно?

Цель потока — учинять, как и ты, опустошенье.
Твоего коня догнать — тучам ли мечтать возможно?

Раны, что нанес Фархад толще скал киркой — ничтожны,
Так израненной душе ль их не пожелать возможно!

На страданья обрекло небо всякую песчинку.
Что, помимо злых обид, от него нам ждать возможно?

Навои, ее слова о неверности — жестоки.
Чтоб помянутою быть, ей и лживой стать возможно...

И мертвый бы воскреснуть мог от тех бесценных слов.
Как вздох Мессии был поток тех вдохновенных слов.

Ты — пальма, и плоды на ней — жемчужные слова.
Аллах, что может быть нежней тех совершенных слов!

Что слово — мысль дарят уста. Ведь только у детей
На мысль одну не меньше ста произнесенных слов.

Тщась лик твой описать, твержу я «солнце» много раз,
Но глубже мысль не нахожу от повторенных слов.

В разлуке плачу, больно мне. Ком в горле от чужих,
Хоть и сочувственных вполне, проникновенных слов.

На нет вся стройность сведена обилием шелков,
Так мысль бедна, затемнена обильем бренных слов.

Коль сердцем ты, о Навои, пред другом будешь чист,
Он тайны будет знать твои без откровенных слов.

Меджнунам пылким каждый миг даря забвение иное,
Лишь мне, безумному, она несет мучение иное.

Не видя друга, я умру; друг — жив и в радости свиданья.
Я — не Фархад, у нас в любви и поведение иное.

Она приветом на пиру всех воздыхателей одарит.
Ко мне, злосчастному, увы, и отношение иное.

Меня с собою не равняй, о соловей, любовь поющий:
Стенанье, вопль души — одно, а трель и пение — иное.

«Мир — бренный, в нем безгрешен я»,— толкует шейх нам, лицемеря,
Но духовник о чувствах нам дал наставление иное.

Пусть пьют, кому судьбой дано, нектар любовного свиданья,
А нам лишь яд разлуки пить, судьбы решение иное.

Ты гонишь сердце Навои, а с ним самим ты как поступишь?
Свободна — птица! Для раба освобождение — иное...

Позором жалости твоей смущаюсь каждый день я,
Его не смыть и за сто лет покорного служенья.

Безумьем, болью страсть моя внезапно обернулась,
И вот — паденье для меня милее возвышенья.

Пусть от жестокости твоей я буду равен праху,
Но от другой я не приму и жест благоволенья.

Уста и стан твой далеки, но в цветнике я тщетно
Искал бы стройный кипарис или бутона рденье.

Ни ангельская чистота, ни человечность пери
Со свойствами твоей души не выдержат сравненья

На улице любви я нищ: ведь на парчу богатых
И на лохмотья бедняков здесь нету разделенья.

Не говори: «Поклоны брось, коль выжил ты в разлуке».
Любовь узнавший Навои узнал и униженье.

Как разбитому сердцу разлука — мученье и страх,
Так к больному пред смертью приходят волненье и страх.

Если в близости с милой надеешься жизнь обрести,
Даже перед мечом ты отринь опасенья и страх.

Если ж близости сад не приносит покоя тебе,
Знай — разлуки шипы принесут огорченье и страх.

Ночь разлуки страшна, луноликая. Я признаюсь,
Что сильны без тебя по ночам и сомненья и страх.

Как бы страх перед страшным судом человека ни тряс,
Но стократно в разлуке растут потрясенье и страх.

Степью тленья пойдешь — постарайся идти налегке:
От тяжелого груза в пути огорченье и страх.

Навои! И разумному взор луноликой горит.
Да, пройдет опьяненье, придут отрезвленье и страх.

Если язвы на теле моем проступают то тут, то там,
То душа моя сотнями язв расцветает то тут, то там.

Я прославлен в пустыне любви, словно смерч. Но не говори,
Будто я — одержимый Меджнун, что блуждает то тут, то там.

Можно улицей тайно пройти, только раны мои не скрыть:
Ведь куда ни пойди я — все кровь подтекает то тут, то там.

Мне колючки попали в глаза? Наконечники ль стрел ее
Из пронзенного сердца, увы, выступают то тут, то там?

Пусть не вянет ее красота. Без нее, как туча весной,
Крупный жемчуг мои глаза рассыпают то тут, то там.

Искушения преодолей, пожалей, сбереги коня,
На ристалище храбрость свою проявляя то тут, то там.

Виночерпий, меня оживить ты бы мог живою водой.
Ведь наполненный влагой сосуд жизнь вселяет то тут, то там.

Мелодичен я, как Навои. Тяжко быть в разлуке с луной.
Но, как ветер, я вою порой, вопль витает то тут, то там.

Друзей, что нас утешат в горе, зря не ищите, нет.
Готовых нас обидеть — море, быть на защите — нет!

Душа послушной нитью вьется вокруг твоей стрелы.
И кровь из раны сердца льется. Зашить — так нити нет.

Не говори: «О ней безвольно ты в горе слез не лей».
Ведь и безвольному мне больно, что в сердце прыти нет.

Пусть веет на меня дыхание любимой — тщетно все:
Опоры этому дыханью в душе, как в сите, нет.

Скажи я, что любовью пери не дорожу,— не верь:
К речам безумца и доверья, уж не взыщите! — нет.

Когда пустые разговоры тебе претят — уйди.
Все суета, все споры, ссоры... От них укрытья нет.

Среди бездумного веселья будь трезвым, Навои.
Иного, кроме как похмелья, в пиру не ждите, нет.

Полно все высших совершенств в тебе, о дева-красота,
Приятен стан твой, ясен взор и привлекательны уста.

Коль я. ремесел всех знаток, отвергнут милою моей,
Знать, искалеченным меня назвать все могут неспроста.

В любви Фархад и сам Меджнун могли рассудок потерять,
Но кто сравнился бы со мной, когда вся радость отнята?

Что хочешь делай, но тебя я больше жизни полюбил,
Созданье лучшее творца, ты всех затмила, красота!

Коль хочешь смерти, о душа, я жертвую душой своей,
То, что желанно для тебя, того ждет и моя мечта.

Кто хочет честно путь пройти среди тревог и суеты,
Пусть сущность сердца сохранит, пока душа его чиста.

Коль ты приемлешь Навои, будь милосердною к нему,—
Ведь он несчастней всех других, влюбленных в милые уста.

В ту ночь моей печали вздох весь мир бы мог свести на нет,
Сорвать в небесном цветнике узор созвездий и планет.

Пришла любимая ко мне, меня отдайте в жертву ей,
А то уйдет, и для меня померкнет тотчас белый свет.

Твердишь ты, сердце, что любовь не должно юности таить.
Но прячу ль тело я в земле, я ль тленья саваном одет?

Для наслажденья мы живем, дыши, пока еще ты жив,
Всё может время поглотить, и сущего исчезнет след.

А разобьется сердце — знай: разлуки каменной обвал
Разбил дом тела моего, стоявший прочно столько лет.

Я б вытерпел разлуки гнет, когда бы знал, что не умру,
Что опечалит смерть моя её и мир, обитель бед.

Но если сердце ты свое отдашь и в пытках, Навои,
Он не таков, чтоб для других нарушить данный им обет.

Скажу ль, что губ твоих рубин — души привета слаще?
С чем сладость мог бы я сравнить, которой нету слаще?

Случается, уж так сладка речей медовых сладость,
Но речь мучительницы все ж — того шербета слаще.

Удел мой — яд разлуки пить, не мед из уст любимой.
Что пользы, если этот мед всей сласти света слаще!

Стрела твоя душе сладка: и в тростниковой чаще
Не отыскать мне тростника по всем приметам слаще.

А наконечник у стрелы — из патоки застывшей.
Укол!.. Мечтается душе от сласти этой слаще.

Чем яд разлуки пить, в вино добавь мне яду, кравчий.
Поверь, покажется оно устам поэта слаще.

Пусть от живой воды душа точится сладким соком,
Но сладость уст, о Навои, тобой воспета слаще.

Я влюблен. Пощадите — тернист влюбленных стезя,
Не мешайте рыдать о любви... Милосердья, друзья!

Кто зовется влюбленным, кто строит терпения дом,
Пусть сначала разрушит оплот моего бытия.

Вот идет кипарис... Если пальмы стройней деревцо
Мне предложат взамен — все равно не приму его я!

Для чего мне отрава, к чему мне живая вода,
Если ты воскрешаешь и вновь умерщвляешь, томя?!

Потому лишь мой труп не лежит у луны под окном,
Что друзья его подняли, мигом поставив стоймя.

О друзья, принесите мне в келью остатки вина,
Все заботы огню предадим, точно ворох тряпья!

Если локона нитью себя обвязал Навои —
Рвите нити надежд: за него поручиться нельзя!

В разлуке горестной с тобой стал беспросветным мир до дна.
И я закрыл глаза на мир, я погрузился в темень сна.

Не находя к тебе пути, блуждают сердце и душа,
Околдовала ты меня, и голова моя темна.

А люди, видя, что́ со мной, безмолвствуют, удивлены,
Меня ты сделала смешным, как будто в том моя вина.

Ты слез моих все серебро, меня разлукою томя,
Перемешать спешишь с водой, что мутной течь обречена.

Остался на лице луны знак от твоих вонзенных шпор,
И даже солнце ты могла лягнуть копытом скакуна.

Для современников моих, о благосклонная судьба,
Ты сделать зеркалом могла б бокал налитого вина.

Ты современникам твердишь, что верности на свете нет,
Не знал ты разве, Навои, что эта истина верна?

Пока не выпил ты вина, ты не позорил нас ни в чем,
А опозорил — до конца уже идешь своим путем.

Ты, стосковавшись по вину, такого друга не нашел,
Который мог бы яд вина с тобою выпить за столом.

Ославив в городе меня, своею прихотью пленен,
Ты и не вспомнил на пиру о сердце горестном моем.

Но коль у шаха на пиру для бедняка и места нет,
Зачем же, разум, раньше ты не подал знака мне о том?

Спасибо, сердце! Каждый раз, когда обиды знало ты,
Могло ли верности ты ждать от мира, где мы все живем?

О Навои, благодарю: хотя тебя ославил друг,
Ты тайн его не разгласил, но в сердце сохранил своем.

Разве жизнь мою любовью не испепелила ты,
Не одела душу дымом, черным, как чернила, ты?

Разве молниями вздохов сердце мне не подожгла,
Слез не вызвала потоки, не свела в могилу ты?

Разве тела не связала и не обрекла мечу?
Иль меня, слепца, с тобою зло не разлучила ты?

Пусть глаза твои расскажут, как слепец тебя искал.
Озарив, меня швырнула в адское горнило ты!

Пусть тебе расскажет сердце о страданиях моих.
Знала ты или не знала — их не облегчила ты!

Небо! Если ты желанье не исполнило мое,
Исполнения желаний прочих не лишило ты!

Не Арас он — глаз мой правый и не Ом — мой левый глаз.
Навои!.. В любовном море тонешь без кормила ты!

Если б скорбь ты исцелила, мир в сиянье превратив,
И явила верность, в правду обещанье превратив!

Что мне делать, если тело сокрушило ты мое,
Голову мою жестоко в дом свиданья превратив?!

Если б ты лицо открыла, цели б я своей достиг,
В наслажденье красотою созерцанье превратив.

Птица сердца вьется низко, пик свидания — высок.
Если б вдруг он опустился, в явь желанье превратив!

Если б ты, о виночерпий, все печали прочь унес,
Красоту миров обоих в ясность знанья превратив!

Если б ты явила милость к современникам своим,
Равнодушье и жестокость в состраданье превратив!

Если бы луны не видел песнопевец Навои,
Соловьем не пел бы, трели в перл созданья превратив.

Ночь разлуки, день свиданья — тьма, смененная зарей,
Разве кто-нибудь такую мог увидеть ночь с зарей?

Нет, не локон беспокойный, не лицо, а весь народ
Не видал сердец подобных, что сливают ночь с зарей.

Ночь темна, заря сияет — видно, так мечты мои
Бледный лик и темный локон называют — ночь с зарей.

Что мне ветер наслажденья, что любовь в лучах зари,
Если локоны и лик твой побеждают ночь с зарей?

И заря, и ночь священны, луноликая моя,
Два раба теперь свободны и встречают ночь с зарей.

Кто зарю и ночь проводит с чашей, налитой вином,
Тот, конечно, утомленным не бывает в ночь с зарей.

Навои не знал свиданья с ликом, с локоном твоим,
Он с великою печалью провожает ночь с зарей.

О сердце, я отверг любовь, и ты теперь молчи о ней,
Тебе доверил тайну я, не посвящай в нее людей.

Теперь от каждого лица спешу я взгляд свой оторвать.
Завесьте всё вокруг меня, чтоб спрятать кровь слезы моей.

О виночерпий, в кубок твой я уронил рубины слез,
Не воздавай же мне за них вином разлуки и скорбей!

Я нить любви порвал, когда судьба наряды ей ткала,
Легенду локонов ее не делай лучшей из сетей.

Когда не хочешь стан склонить, людской дождаться
клеветы,
То не гляди на лик ее и на разлет ее бровей.

Разлуки камни набросав, она ушла, и умер я,
Зачем могильный камень мне, с меня довольно тех камней.

Целуй же землю, Навои, шагая бедности тропой,
Идя по этому пути, не приходи к началу дней.

Месяц длится час разлуки. Долгим дням теряя счет,
Проживешь без милой месяц, а покажется, что год.

Мне лицо открыла пери — я ослеп и онемел,
Мне слеза затмила очи, слов язык мой не найдет.

А когда она скакала на играющем коне,
Я, как волос, извивался, что палящий пламень жжет.

Как былинка стану легок, если розы рядом нет,
Груз страданья тяжелее горных каменных пород.

Ты — дитя луны и солнца, кипарис — твоя родня.
Роза старшею сестрою с давних пор тебя зовет.

Но при этом совершенстве кровожадней Марса ты.
О луна, ты вероломней, чем весенний небосвод.

Как хирман, лучи печали озаряют Навои,
От твоей одежды красной кровь в зрачках его плывет.

О жестокая, до пепла тело ты мое сожгла,
Строя храм любви, на пепле ты все зданье возвела.

Если ты среди развалин не услышала совы,
Посмотри, как птица сердца душу криком извела!

Шел ко мне Меджнун от вздоха моего занять огня —
Вспыхнул сам и, словно волос, догорел в огне до тла.

Так я слаб в ночи печали, что дохнувшая заря
С улицы любимой тело словно искру унесла.

Сердце, жизни не должно ты столь беспечно доверять —
Ты все время пьян, когда же голова твоя светла?

Столько лет уже ресницы ранят сердце Навои,
Стрел своих мишенью дева это сердце избрала.

На истерзанное сердце брось, о пери, нежный взгляд:
Сотни ран его покрыли, и они кровоточат.

Разорви на части сердце, в жарком пламени сожги,
Всех окутай дымом вздохов, тех, что грудь мою томят.

Как толпу индийцев пленных, разошли их по земле,
О моей печали горькой мир они оповестят.

А пока они в скитанье, ты мне выколи глаза,
Пусть меня засыплют камни и глазницы раздробят.

Ведь от глаз моих случилась эта страшная беда,
И они за все в ответе, пусть за это их казнят.

Что б ты делало, о небо, чувств и глаз моих лишась?
Дай хорошим облик солнца, не даруй иных наград.

Навои, без лика милой нет веселья на земле.
Прах целуй, проси прощенья, пусть уста твои молчат.

Тебя увидя в цветнике, смутясь, затрепетала роза.
Роняя лепестки в тоске, от зависти увяла роза.

И, раскрасневшись от вина, разлукой злой опьянена,
Как сердце красное, сама от крови стала алой роза.

В стране священной красоты, шахиня, всех прекрасней ты,
И все сады и все цветы взяла ты под начало, роза.

Когда гуляешь ты в саду, чтоб оградить тебя от зла,
Все розы встанут, как щиты, шипы их словно жало, роза.

Пурпурных уст блаженный зной меня влечет к тебе одной.
Когда ты на пиру со мной, я пью, и сердцу мало, роза.

Пой днем и ночью, соловей, в честь гостьи утренней моей,
Знай, быстротечна смена дней, летят, и жизнь промчалась, роза.

Когда все розы расцвели, в дорогу вышел Навои,
Но для души его теперь разлука раной стала, роза.

Охвачен горем, что ни миг — кровавой плачу я слезой,
И серебро текущих слез — цена свидания с тобой.

Я на пути к тебе — лишь пыль, я — шах несчастных
бедняков,
Скорбящих войско я веду, и пламя вздохов — вымпел мой.

Когда б увидела ты их, не захотела б убивать,
Из-за любви к ним лишь со мной ты проявила б норов злой.

Как допускает бог, чтоб я, за верность верностью платя,
Лишь от тебя одной терпел одну обиду за другой?

Безумец всем внушает страх, а крыша дома моего
Вся от моих промокла слез, что льются долгой чередой.

Желаний песню мне пропой, певец, в веселой майхане,
Хозяин, чаши нам налей, вином желанья успокой!

Кто мира испытал печаль, тот в майхане желанный гость,
А кто отверг ее вино, тот будет угнетен тоской.

Все те, кто пьет сейчас вино, в прекрасный облик влюблены.
Она хозяйкою теперь над этой стала майханой.

Найдя след милой, я нашел и нежный запах милых губ.
В них запах крови, Навои. Молчи, коль ценишь ты покой.

Настолько жажду я тебя, что льет разлука кровь ручьем,
Кто начал быстро так пылать, скорей остынет он потом.

В разлуке с ней на грудь мою уже обрушен град камней.
Мессия, исцели меня, я болен всем своим нутром.

Всю ночь у дома милой я бродил, на стены бросив тень,
И стал поэтому я схож с ночным докучным мотыльком.

Я — старый нищий, но могу ль оставить мысли о тебе?
И вот от горестей любви стал я с недугами знаком.

К стене стремления прильнул я подокравшейся змеей,
А коль увидишь, покажусь стенным узором или цветком.

Еще не вижу пери я, но весь желанием горю,
И сам бесплотней пери я, безумец в сумраке ночном.

Вы, пьющие вино с утра, налейте чашу мне полней,
Я от похмелья полумертв, едва бреду своим путем.

Слуга — хозяин кабачка, хочу я стать его слугой,
Все в этом тихом кабачке хотели б торговать вином.

Зачем мне роза, кипарис — подумать должен Навои,
Она — идущий кипарис и роза с молодым лицом.

В разлуке телом я ослаб, сгораю сам не свой.
Не только телом слабну я, живу с душой больной.

Убить решила ты меня, рази своим мечом,
Смешаю с ветром кровь мою и с влагой дождевой.

Огонь разлуки сжег меня, я отсвет тех лучей
И стоны жаркие мои, как пламень вихревой.

Не прогоняй меня — я пёс, хранящий твой порог,
Не удивляйся, что не смог расстаться я с тобой.

Я грудь раскрою, чтобы дать тебе в душе приют.
Увидев тайный мой недуг, проникнись добротой.

Не пощадили бы меня ни время, ни судьба,
Когда б не винный погребок, где я обрел покой.

Похороните Навои на улице любви,
Успокоенье он найдет под каменной плитой.

Пери, сжалься надо мною, я страданием объят,
Так несчастного Меджнуна муки страстные томят.

Стрелы грудь мою пронзили и от слез померк мой свет,
Словно дым тяжелый, вздохи небо ясное темнят.

Грудь на сто частей разбита; друг, взгляни, изранен я,
Не найти мне исцеленья, раны смертные болят.

Счастье позднего свиданья не могу я перенесть,
Даже если издалека на нее я брошу взгляд.

Гору горя растопили вздохи жаркие мои,
Камни сделались водою и в меня не полетят.

Не обманывайся мнимой безмятежностью небес:
Небо — хитрый лжесвидетель, предающий всех подряд.

Я сходил с ума в пустыне, как несчастный Навои,
Ведь красавицы, в гордыне, разум мне не возвратят.

Письмо написав любимой, ответа на то посланье я не нашел.
И все же другого средства, чтоб облегчить страданье,
я не нашел.

Свою открывая душу, любви и верности ждал я,
Ответа, кроме кокетства, на искреннее посланье я не нашел.

Тоска о ней стала целью, разрушавшей мне сердце,
Но место, где спрятать клад мой,— развалин былого
зданья — я не нашел.

И нитей души, чтоб стали ресниц твоих тетивою,
Простых силков птицелова в скитаниях я не нашел.

Твой образ стал гостем взгляда, вином — кровавые слезы,
Ресниц, что подобны спицам, в терзаньях я не нашел.

А сколько мне раз хотелось увидеть лицо любимой —
Его за густой завесой привычных душе желаний я не нашел.

Тебе б, Навои, в разлуке спросить у любви совета,
Целительного ответа на собственное незнанье я не нашел.

Ночь темная в разлуке с ней как будто длится целый год.
А день и ночи той темней, еще он медленней ползет.

Но разницы меж этим днем и этой ночью словно нет,
И там и тут душа моя горчайшей муки терпит гнет.

Когда от тысячи тревог избавлюсь я с уходом дня,
Раз тысячу вздыхаю я, встречая вечера приход.

Не удивляйся, друг, тому, что весь разорван ворот мой.
Под градом брошенных камней едва не сломан твой хребет.

Не диво. коль в разлуке с ней и кости все мои сгорят,
Сухое дерево всегда огонь охотнее берет.

Разлуку, свой единый плод, приносит дерево любви,—
Так вам влюбленный говорит, чтоб вас избавить от невзгод.

Держало множество ночей в разлуке душу Навои,
Тот, кто свиданье получил, пусть долгим дням откроет счет.

Пусть измученный скиталец степь томлений не увидит.
Пусть в пустыне иноверец тех лишений не увидит.

Грудь мою не разбивайте пред Фархадом и Меджнуном,
Пусть никто моих страданий и волнений не увидит.

Сделай, боже, небо темным, зачерни его, как землю,
Пусть мой взор не видит солнца, звезд цветенья не увидит.

Ведь ее глаза, о люди, убивать умеют взглядом,
Никого в науке этой совершенней не увидят.

Про чудесный мир Самура ты толкуешь, проповедник.
Берегись, кого заметит, тот спасенья не увидит!

Тот, кого ты полонила, не дерзнет тебя покинуть,
Вечный раб твой даже в мыслях отпущенья не увидит.

Навои — в долине смерти, тот, кто участь с ним разделит,
От себя пусть отречется, но забвенья не увидит.

Цветком, что счастье нам несет, ты гонишь красоты коня,
Сто македонцев ты томишь жестокой жаждой в зное дня.

Ты каждый вечер пьешь с другим и, чтобы пир свой
освещать,
Вновь, как послушную свечу, все время будешь жечь меня.

Ты, небо, ей позволишь меч поднять над шеею моей,
Но я хочу своей рукой ее сразить, свой рок кляня.

Увидеть много может взор, но лучше пери не найдет,
И он опять стремится к ней, воспоминания храня.

Перед цветущей красотой что можешь сделать, сердце, ты,
Вот разве чарами спустить к нам с высоты светило дня.

Слезой не гасят сердца жар; дай, виночерпий, чашу мне,
Быть может, погашу вином я силу этого огня.

Пусть обезумел Навои, весть о безумии его
Ты, ветер, к пери донеси, за шутку друга не вини.

Где же та, в которой взор мой красоту миров найдет?
Поднесу к глазам я руку, всё во мне тогда замрет.

Горький яд разлуки с нею обессилил так меня,
Что напрасно поцелуй мой на уста ее придет.

Если день свиданья с нею ночь разлуки облегла,
Что мне в том, что локон нежный дева тихо отведет.

Радости свеча — о диво! — озарила лик ее,
Я же вижу в тьме разлуки продолжение невзгод.

На обман я не согласен, коль хозяин кабачка
Плащ отшельника-поэта, чтоб цедить вино, берет.

И, чтоб тяжкий дождь печали в майхану не проникал,
Он на крышу насыпает всякий сор, какой найдет.

Ты сказала, что на память Навои пошлешь стрелу,
Я ее прямой, как алиф, сохраню весь век земной.

Нет, не от слез кровавых одежда моя красней,
Сгораю в огне разлуки от жарких ее лучей.

Глаза ее, как кяфиры, но — чудо для мусульман —
Лицо они озаряют из-под михраба бровей.

И рот ее орошает источник воды живой,
С бесчисленных роз стекая, он утром росы свежей.

Ты сокола для охоты напрасно бы приучал,
Запуталась птица сердца у милой в волне кудрей.

Когда красавицы просят влюбленных в них о любви,
Всё, что бы ты ни сказала, всё будет лишь ложь о ней.

Внимательный собеседник за чистой чашей вина —
Вот то, что для наслажденья нам нужно в мире скорбей.

Ты спишь, очей не смыкая, как счастье души моей,
Ты сон Навои украла с бессонных его очей.

Связь с городами я порвал, от шума их я отказался,
И от богатства двух миров, от благ мирских я отказался.

Но сто несчастий на себя я принял, плача и скорбя,
От жизни отвернулся я, и от святых я отказался.

К чему богатство, города, душа и все, чем жизнь горда?
Когда б желанья я имел, тогда б от них я отказался.

Я б Искандером стать не смог, бессмертьем Хызра
пренебрег,
На что мне вечной жизни срок? Аллах велик —
я отказался!

Но от красавицы одной, такой насмешливой и злой,
Хоть это мне грозит бедой, я ни на миг не отказался.

Мой проповедник, ты давно нам хвалишь райское вино.
Я слаб, но взять большой бокал из рук твоих я отказался.

Ты кровью плачешь, Навои, но, чтоб достичь своей любви,
Идя по собственной крови, от мук таких не отказался.

Я тыщу раз горел огнем из тысячи один.
Не смел я говорить о том из тысячи один.

Не ужасайся, увидав ожога грубый след —
Зловещим проступил рубцом из тысячи один.

Не говори: от всех таи сто тысяч бед своих —
Скрыв, я забудусь вечным сном из тысячи один.

Разлука сердце мне дробит на тысячу кусков,
Я слаб, но силы нет ни в ком из тысяч, кто один.

Я тыщу раз моим друзьям мог верность доказать,
Я плох, но не знаком с добром из тысяч ни один.

Искал средь тысячи друзей ты верность, Навои,
Но был ли верен хоть в одном из тысячи один?

Как чистый мускус, у тебя есть родинка среди бровей,
Сронил изогнутый михраб на амбру точку, всех черней.

Рубины алых губ твоих свежи, как воды родника,
Не подобает говорить, что алых роз они пышней.

Развеял ветер по земле тоску о локонах твоих,
Сто душ на каждом завитке повиснет в горести своей.

Твои уста — вот мира центр, и ты должна меня простить,
Хочу, чтобы чистый жемчуг твой отрадой стал душе моей.

Грусть разлучения с тобой мне сократила жизни нить,
Так рвется спутанный клубок в руках у самых ловких швей.

Презри соблазны благ мирских, коль хочешь сердце
сохранить,
Что могут дать они тебе помимо горестных скорбей?

Коль, Навои, к ней путь держа, останусь в черной я пыли,
То это пыль белей, чем пух её перин, и мне милей.

О розе нежной и живой я и мечтать не смел,
Не удивляйся, разум мой в ее огне сгорел.

В мои померкшие зрачки ударила стрела,
Их сделал целью кипарис для беспощадных стрел.

Сияешь словно роза ты, стройней, чем кипарис,—
Два совершенства я в тебе соединить хотел.

Когда не вижу я в саду прекрасный облик твой,
В смятенье шепчутся цветы, что сад мой опустел.

Я кипариса стройный стан и розы лик искал,
Я счастлив был, что на тебя хоть издали глядел.

Друг, омовенье соверши, в питейный дом идя,
Но прежде нужно, чтобы ты забыть ислам сумел.

О Навои, в мирских садах есть множество цветов,
Но не найти тебе цветка, чтоб страсть преодолел.

Цветы качнул ли ветерок или в цветник ты мой пришла,
Пахнуло ль розами, иль ты, мой кипарис живой, пришла?

Я был бессильным и немым, но вот теперь пришел в себя,
Скажите, вправду ли она ко мне ночной порой пришла?

Оставил где-то душу я, когда спустился в майхану,
И как увериться мне в том, что в сад она пустой пришла?

Не говорите, что убить меня красавицы хотят,
Скажите так: тебя убить она ль в час роковой пришла?

Не говорите, что пришел ко мне Мессия в смертный час,
Скажите лучше, что она сюда, чтоб быть со мной, пришла.

Когда влюбленные в ночи сошлись на улице твоей,
Ты не смотрела, что моя судьба, чтоб быть с тобой,
пришла.

В душе и сам ты захотел на праведный вернуться путь,
Но, Навои, твоя ль душа на этот путь прямой пришла?

В разлуке с родинкой ее — всего безмерней мой недуг:
Меня уж черная не жжет, зато язвит тревога вдруг.

Во сне Юсуфа я узрел, возлюбленную вспомянув.
Ты скажешь: оболочкой сей измерен тот нетленный дух!

Зияет рана у меня, и сон мой улетает прочь;
Мне рана кажется зевком пред сменой сна, пойми, о друг!

Ее глаза — как палачи; к кому у ней лежит душа?
О ветер, что за милый зов у дома милой тешит слух?

В тетради сердца я сумел ее рубин живописать,
Но оказалась нить души — тесьмою для ее услуг.

Кровь хлынет на ее порог из ран безумья моего;
Блуждает сердце, как и встарь, жилища милого вокруг.

Пусть псов цепных своих она насытит кровью Навои,
В румяна для эдемских роз вливая горечь смертных мук.

Познай, что в диких кущах зла каморка тела моего,
Чертог души, шалаш души — для ловчего, что поднял лук.

О недуг, разлучи ее с немощным телом моим,
Жар печали умерь, чтоб не сетовал я, нелюдим.

Грудь зашей рассеченную, но зашей и уста, чтобы ночью
Я не вздрагивал горько, бессмысленным воплем томим.

Приношенье ей нужно? Рассыпьте же сердце и очи,
Мои слезы и кровь перед ней — я завидую им!

Лучезарным пребудешь ты, мой кипарис грациозный,
Небеса! Свою душу в залог оставляю я им!

В моем теле — доселе пыланье бессменного жара,
Раны духа суровы, недуг же мой — неисцелим.

Кравчий, если подруге моей ты вина не подносишь,
Псов ее напои моей кровью — томленьем моим!

Навои, принесу тебе в дар каждый трепет души, если скажешь
Речь во здравие шаха: провидец он, нами он чтим!

О сердце, для меня все в мире люди — бремя.
Мне, право, даже тот, кто чудо в чуде — бремя!

Как быть с душою мне в разлуке — и душе
Как быть со мной? Душа в моей причуде — бремя.

Бог сотворил людей, чтобы терзать меня;
Мне их невежество, мне день в их груде — бремя!

В приют возлюбленных вступая, я дрожу:
О мусульмане, мне прелестниц кудри — бремя!

В Каабу шествуя, упреков не страшись:
Достиг ли цели тот, кому и судьи — бремя?

Нет, смена лиц людских не тяготит души,
Без друга и врага — жизнь на безлюдье — бремя!

Постыл мне Хорасан, так покажи Хиджаз,
Ведь сердцу Навои жизнь в здешнем блуде — бремя!

Луна в носилках, о постой, постой,
В моих глазах останься на постой!

Твои глаза убийцами слывут,
Но злей их — яд, коварный и густой.

Вздыхать я стал бы у твоих дверей,—
Вздох обернется смертной пустотой!

Я стал Меджнуном у второй Лейли.
Чудак смешон своею простотой.

Не диво, что полудремотных глаз
Полудобычей стал певец простой.

На родинку бы милую взглянуть
И захлебнуться счастья высотой.

О Навои, не думай о себе:
Твой идол полн бесцельной суетой!

О душа, из стрел разлуки всюду крылья распусти,
Единенья с пери жаждя, в небо звездное взлети!

Если хочешь ты, рассказчик, вызвать слезы у людей,
Изъясни — любовь какую встретил я в земном пути.

Ты, жеманница, порою пожалей смиренных, нас:
Иногда, хоть и жеманясь, в нас смиренье допусти!

О Мессия, если скажешь, смертоносно слово «нет»,
Умереть готов, но прежде в круг наперсников пусти!

Больно идолы жестоки, больно радость им чужда!
Я молю, умерь жестокость, жалости позволь расти...

Постник, ты себе поблажек из-за славы не давай,
И, приметный, неприметным средь людей себя сочти.

Ты, любовь, не видишь смысла в тайных муках Навои,
Так позволь слезам и вздохам горечь в сердце донести!

Не от безумия это совсем, если в горах мой покой,
Царство мое утонуло в слезах, словно в пучине морской.

Я умер, когда омрачил твой пушок зеркало красоты,
Если ж прах мой зеркало солнца затмит, в том не вижу
беды никакой!

Между тем, когда собаки твои облизали кровь с моих ран,
Это был восхитительный пластырь скорбей или бренного
тела покой.

А когда я узором кровавых слез стены в доме своем
расписал,
Пери, светлая пери вошла в мой дом, рай расцвел под
нищей стрехой.

Погубили меня эти стан и лик: так пускай над прахом моим
Воссияют роза и кипарис светоносной вечной тоской!

Чашу к свежим устам своим поднеси, а потом ее вылей мне
в рот,
Кравчий, хмелем меня изведи, сгуби, только душу мою
успокой.

Навои, пусть от горьких жалоб моих камень может водою
стать,
Что мне в том, если сердце пери моей не внимает мольбе
такой?

В разлуке с тобою горит мое бренное тело,
Не бренное тело, душа моя в пламя влетела!

И если убить меня хочешь, мечом умертви,
Чтоб кровь моих жил на пороге твоем пламенела.

Я — лучик один от костра расставанья с тобой:
В луче этом корчится горестный вопль без предела.

Я верный твой пес, от порога меня не гони,
Мне мил твой тупик, я не ведаю краше надела!

Я, грудь расколов, привлеку тебя к бедной груди:
Вот скрытые язвы мои, ты бы их пожалела!

Коль «домом пощады» мне стал бы кабак на углу,
Жестокость вселенной не так бы душою владела.

На улице милой меня схоронив, Навои,
Скажи: «Я хочу, чтобы земля под ним пухом мягчайшим
осела!»

Хранил я верность, но взамен лишь сотню бед я получил.
Сто раз любил я, но взамен боль горьких лет я получил.

Я головою рисковал, но от единственного друга
Сто раз по десять тысяч мук за то в ответ я получил.

Увы, за верность и за страсть (а ведь любило сердце
страстно!)
Неотомщенных сонмы мук за свой обет я получил.

Что ж — душу отдал я в полон, но не познал расположенья,
А разве милость, и любовь, и счастья свет я получил?

Взирал я на свою любовь, я пожирал ее очами,
Но что всем горестям моим, всем мукам вслед я получил?

О друг, не стоит уповать на верность томную красавиц,
От сонма прелестей — лишь скорбь мирских клевет я
получил.

О Навои, скажи, к чему мне исповедоваться шейху?
Согласье старца на пиру в чаду бесед я получил.

Зеркало становится водою от лица, что темень гонит прочь,
Точно так, как ледяным сосулькам солнца вешнего не
превозмочь.

Приподняв платок, ты показала, что равно прелестны лик
и стан,
Будто это в самый миг навруза, где спешат сравниться день
и ночь!

Коль зашить расселины захочешь — в сердце, обращенном
в сто кусков,
То стрела, сшивающая сердце, станет для тебя иглой точь
в точь.

Дремлют искорки разлуки в теле, превращенном в
неостывший прах,
Будто пламя, что булат из камня высекает, хлещет во всю
мочь!

Что ж ты мое сердце изловила, что ж ты столько раз меня
гнала:
Ведь бежав из плена, зверь не станет больше до ошейника
охоч!

Кравчий, в моем сердце скорбь вселенной, вековечной
горестности дщерь,—
Сделается пусть огонь печали чашею веселия точь в точь!

Откажись же от души и тела, Навои,— ведь нет в любви
земной
Средства против горестей и жалоб: лишней мукой сердце
не морочь!

Правоверные, слышите вы себялюбца стенанья?
Взвился вопль до небес из страны, где живут мусульмане.

Обещал мне лобзания твой животворный рубин:
Хоть была это ложь, оживили меня обещанья!

Солнце вырвалось ало из ласковых прядей твоих,
Словно птица из плена, безумец — из пут назиданья!

В дни разлуки забыла меня луноликая та:
Если близость найду, позабуду про дни расставанья.

Если в чаше вина отражен мой прелестный кумир,
Нечестивцем я стану, расставшись с той сладкою данью.

Ты, что чести и славы все требуешь от Навои,
Знай — от чести и славы ушел он в земные скитанья.

То не пушок твой, то в зарослях роз зелень сада Ирам.
Это не зелень — а тень черноты, ночи на смену дням.

Ежели пламя вздохов моих взвилось выше солнца в лазурь,
О луноликая, ты — словно знак: царство красы — вон
там!

Ямочка на подбородке твоем, кажется, стала рекой:
Солнечной влагой нежности видишься ты друзьям.

Если я свято храню тавро (им душу мою ты ожгла!)
Не диво — это как скрытый дирхем, жизнь возвративший
нам.

«Тебя исцелив, обессилел он»,— премудро сказали врачи,—
«Не чужеземец и не больной, а влюбленный безумец сам!»

Кумир мой силком заставил меня отвесить поклон земной;
Теперь этот женственный твой божок неверен былым
словам.

Взяв веру, старец из кабачка меня опьянил в момент,
За малую горсточку веры мне — милость не по делам!

Ликуй, если чаша свершает круг,— презри круженье небес,
О кравчий, с кругом небытия сравненье я небу дам!

А ты, Навои, если станешь кружить вкруг дворца, где твой
идол живет,
Всуе имя господа помяни, сей дворец — твой священный
храм!

Цвет прядей твоих — это амбра иль мускус Китая?
Вкус губ твоих — сахар иль меда струя золотая?

Бесчестья зуннаром не стали ли пряди твои?
Не клонят ли смертные выю, его обретая?

Не сердца ль огнем пламенеет твой жаркий рубин?
Не в чаше ль твоей — роза светится, как огневая?

Сердечной казны не стрела ль твоя стала замком,
Где свежие губы, как перстня оправа литая?

«Хмельного влюбленного я умертвила!» — скажи.
Противились шейхи, но ты их взманила, блистая!

Дехканин, меня в ее сад и цветник не тяни —
Жасмин или роза верней? Вот задача простая!

Как лед ее сердце... Что ж сделаешь ты, Навои:
Издашь ли ты вопль, иль заплачешь, тоски не скрывая?

Ах, долго ли еще стоять, в душе мечту мешая с былью?
Пусть выйдет — издали взгляну, ну а смущенья не осилю!

Пока, уловок не щадя, колдунья возбуждает споры,
Себе я пеной вечных бед дурную голову намылю!

Прах от копыт ее коня всем смертным просветляет очи,
Я ж — темя в дальней стороне себе посыплю этой пылью!

Пусть теплят близости свечу от пламени шального лика,
Я птице сердца опалю на том огне живые крылья!

И сколько раз, пока другой с ней на пиру ведет беседу,
Под низкой кровлею разлук гнать буду прочь печаль
бессилья?

И, если близости вином не укротил я хмель разлуки,
Быть может, лучше в кабачке беседовать с хмельной
бутылью?!

О Навои, рубин вина виноторговец шаловливый
Вручит мне там, а я — взамен — всю душу выплесну и
вылью!

Тело стало землею черной, только вздохов огонь не угас,
Хоть, когда щепка пеплом стала, пламя скрылось от наших глаз.

Солнце бросило тебе вызов, но, когда твой прелестный облик
Из-за прядей возник,— затмилось, не явилось в условный час.

Жажду я твоего лобзанья: никогда глаза не глядели
На другое лицо... Мой светоч — ты, другие мне не указ!

Ад сжигает людей, но твой жалкий ученик он в делах разлуки:
Ремесло ему не дается, ты — искусней — и посейчас!

Переулок небытия — удивительно странное место;
Достигает его лишь тот, кто душой и сердцем погас.

Навои, если горе нагрянет, зелье пей веселящее, ибо
Не уйдут земные печали, коль вино не согреет нас!

Неблагосклонная моя несправедливой быть решила,
Обычай верности в любви вмиг по ветру пустить
решила.

Боюсь, мученья причинят ей вздохи тех, кто в чувстве
верен.
Ведь основанье мукам их — она же положить решила.

Не закручинилась она, влюбленных радости лишая,
Когда, вогнав невинных в грусть, мгновенно согрешить
решила.

В мгновенье током гневных слов разрушив верности
чертоги,
Творенья мудрости земной — стремленьем водным смыть
решила.

И не отважился никто замолвить хоть одно словечко
За осужденную любовь, ту, что она казнить решила.

Ах время, сыновья твои исполнены противоречий
В глазах того, чья суть вполне отшельнической быть
решила.

В чертогах сердца Навои бесчинствуют войска разлуки,
С тех самых пор, как в Астрабад его душа вступить решила.

Не говори: «Лицо ее — хутанский вешний сад».
Не говори: «Ее письмо скрывает аромат».

Глаза ее угроз полны, но губы, как рубин
И как поля иной страны, блаженство мне сулят.

Скажу с упреком: «Ты меня кудрями оплела».
Она в ответ: «Печаль развей и будь пленению рад».

И сладко, и тревожно мне, но я не удивлен —
В ее словах рубин и мед, они меня пьянят.

И родинка, прельщая взор, покой украла мой,
Бабул и тот не так хитер, преданья говорят.

За кубок полный до краев я сердце продаю,
Мир тленный — продавец вина, но в каждом кубке — яд.

Напрасно молит Навои: «Ты милость мне яви!».
Смеясь ответит: «Эй, старик, уйди, не жди услад».

Не удивляйся, если я на прочих не похож.
Ведь и такой, как ты, второй на свете не найдешь.

У изголовья моего поклонники твои,
Как будто бы болезнь мою иною назовешь.

Волненье в мире, будто я беспечен или пьян:
Небрежно повязал чалму, халат мой не хорош.

От стрел прямых твоих ресниц огонь мой стал иным,
Так розу освежает вдруг росы прохладной дрожь.

Я переменчив, как луна, от прихотей твоих,
Слежу за тем, что говоришь, за тем, как ты идешь...

О виночерпий, другом будь — пусти меня на пир,
Мгновенно выпью я вино, что ты мне поднесешь.

Гляди, запуталась душа в ее густых кудрях,
Не знал я, что тугую сеть вовек не разовьешь.

Как быстро зазнается тот, кто в милости сейчас,
Но разве человеком ты пролазу назовешь?

Знай, Навои, что мир — цветник, где розы расцвели,—
Иди, но помни о шипах, разящих, словно нож.

Идя к ней, я лишь камня ждал, чтоб он мне голову
пробил.
Мне изголовьем будет он, когда умру, лишаясь сна.

Я головой тогда пробью дня золотые кирпичи
И лягу ночью на порог у той, кого я так любил.

Когда красавица сурьмой крутые брови подвела,
Остались родинки сиять из-под бровей, черней чернил.

Вода зрачки мне залила, они как в глубине морской,
И уж никак мне не избыть тех слез, какие я пролил.

Пусть в доме скорби мне никто не помешает слезы лить,
Пусть дом мой рухнет, и под ним останусь я лежать без сил.

Отмыть от запаха вина пора молитвенный ковер,
Пускай бы кто-нибудь другой его на плечи возложил.

О Навои, ты покраснел, но все ж зарей тебе не стать,
Дыханьем горестей своих лучи ты в пламень обратил.

Если встречи долгожданной человек, волнуясь, ждет,
Залюбуешься сияньем, что от глаз его идет.

Не пришлось отдать мне душу, чтоб тебя поцеловать,
И теперь я сам не знаю, для чего душа живет.

Градом каменным разлука уничтожила меня,
Погребен я с головою, а лавина все растет.

Можешь выкупить страдальца за один глоток вина,
А не то я буду продан будто пьяный сумасброд.

Приложи бальзам свиданья к ранам сердца моего,
А не то разлуки камень мне на голову падет.

Если шейх порвет, на счастье, благочестия халат,
Лицемерия заплату на прореху он кладет.

Навои, все в мире смертны, мира бренного дитя,
Бойся ханжества и лести, от которых дрожь берет.

С кипарисом тонкостанным я не пил вина вдвоем.
Рок внимал моим моленьям в равнодушии глухом.

Много выпил я в разлуке, чтоб забвение найти —
Ядом скорби обернулась чаша с искристым вином.

Долгий день, почти до ночи, без любимой я провел.
Этой ночью не дождусь я, чтобы мрак сменился днем...

Друг, ответь, где может сердце успокоиться мое,
Если даже возле милой нет покоя мне ни в чем?

Ветерок мой, юной розе о разлуке расскажи,
Отнеси ей, ветер, душу, истомленную огнем.

Ведь языческой печалью, как безверьем, полон я,
И с моим исламом правоверным я вовеки не знаком.

Навои, внемли совету — если утром пьешь вино,
То росу рассветной розы не считай своим питьем.

Я в безумца-каландара жаркой страстью превращен,
В жертву буйного пожара жаждой счастья превращен.

На меня судьбы удары сыпятся со всех сторон.
Сам дивлюсь порой — во что я злой напастью превращен.

Опьянен своей любовью, гневной пери подчинен
И в послушного тулпара черной масти превращен.

Удержать не смог я стона, подгоняемый тобой,
И народ узнал, во что я страсти властью превращен...

Пью за жалкие лохмотья, за сведенный болью рот,
В кравчего, что всех задорней, всех горластей — превращен.

На меня глазеют шейхи, заходя в питейный дом.
Я в гуляку отвращеньем к этой касте превращен.

В забытье зуннар целуя, свитый из твоих кудрей,—
В мертвеца, что птицы злые рвут на части,— превращен.

На меня глядят с участьем: «Понапрасну гибнет он!»
Я в ничто не только страстью, их участьем превращен.

Дом питейный — отчим домом стал теперь для Навои,
В безнадежного пропойцу он несчастьем превращен!

Я обнимал свой кипарис, и розу нюхал я во сне,
И кипарис, и розы лик — кто пояснит виденье мне?

Лицо красавицы моей огнем пахнуло на меня,
И сердце тает, словно воск, в волнующем меня огне.

Друзья, когда хотите вы спасти безумца от любви,
Меня на улице ее прикуйте цепью вы к стене.

Дивиться ли, что сам Мани изобразить ее не мог,
И где такое взять перо, чтоб очертить судьбу вполне?

Спаси свиданием со мной руины сердца моего,
Как восстанавливает шах былой дворец в своей стране.

Любовь, вино, о мудрый шейх, мне предназначены судьбой.
Что ж делать? Богом та судьба дана не по моей вине.

О Навои, ты мог сказать: «Скрой от людей любовь свою».
Но что мне делать, если я храню любовь к своей луне?

Горе мне! Огонь разлуки налетел и тело сжег,
Опустить заставил руки, душу мне умело сжег.

Стало странником бездомным сердце бурное мое,
Все, что я имел доныне, пламень оголтелый сжег.

На меня любовь упала, словно молнии стрела.
Ты ушла. Огонь коварный все, что жить хотело, сжег.

Все поблекло, почернело от огня любви к тебе.
Злой безжалостный убийца все, что в сердце пело, сжег.

От горящих уст-рубинов я не смог себя сберечь,
Вспыхнул я, как стог соломы; душу пламень белый сжег.

Сжег он имя и приметы, слог неповторимый мой,
Все, что на моих страницах билось и кипело, сжег.

Навои, с зарею вспомни каждый стон свой, каждый вздох:
Сам ты этой ночью темной все, что ввысь летело, сжег!

Я уверен — поздно ль, рано ль, можешь ты меня убить.
Выйду я из дома пьяный — можешь ты меня убить.

Даже сжалившись над сердцем, что болит уже давно,
С хладнокровием тирана можешь ты меня убить.

Коль убьешь ты в час свиданья — благодарен буду я.
В час разлуки плакать стану — можешь ты меня убить.

В час свидания с желанной я от радости умру,
И разлукою нежданной можешь ты меня убить.

Правоверные, не надо всем на площадь выходить!..
Словом, будто ятаганом можешь ты меня убить.

Виночерпий, уст рубины могут подсластить вино,—
Нанеся усмешкой рану, могут вмиг меня убить.

Навои, убийца-пери хочет лик свой приоткрыть.
Та, что сердцу боль обмана — может вмиг тебя убить!

Трудно чувством твоим слабым мою душу возродить.
Легче было бы Каабу, в прах разрушив, возродить...

Сын свободного народа, полюбив, я стал рабом.
Ты могла б в рабе несчастном доблесть мужа возродить.

Если люди речь заводят о тебе, моя любовь,
В тот же миг могу твой образ, их послушав, возродить.

О пойми, с тобой в разлуке я желаю умереть.
Ты могла бы к жизни труп мой, обнаружив, возродить.

Тысячи страниц терпенья пишет сердца каждый вздох.
Мой покой одна могла б ты, вдруг нарушив, возродить.

Благочестье с лицемерьем ловко смешивает шейх,
Хочет он обычай тленный равнодушья возродить.

Человеком в наше время лишь того я назову,
Кто способен в человеке добродушье возродить.

Надо мной несчастным небо, подымая мести меч,
Хочет летом ощущенье зимней стужи возродить...

Навои, тебя отныне не заманят в Астрабад;
Страшно встретить эту пери, страсти ужас возродить.

Если хочет поцелуя избежать твоя рука,
Руку может, не целуя, нежно сжать моя рука.

Ножками лобзая землю, ты идешь передо мной.
Если вдруг исчезнешь — может задрожать моя рука.

Душу продал бы без страха я за прах от ног твоих,
Лишь твою могла бы руку подержать моя рука.

Я не удивлюсь, коль в змеев превратятся кудри вдруг,
И — сиянье неба станет отражать твоя рука...

Коль придет хоть сам Мессия вырвать твой подол из рук,
Все тебя пытаться будет удержать моя рука.

Капли крови, как тюльпаны, расцветут вокруг тебя,
Коль меня заставит пальцы вдруг разжать твоя рука...

Навои, в степях разлуки будешь ты блуждать века,
Коль в руке твоей не сможет полежать ее рука!

Дождусь ли светлого я дня, когда ко мне она придет,
В сад жизни горестной моей, когда опять весна придет?

Тюльпаноликая, в мой сад, как долгожданная весна,
Как тонкоствольный кипарис, она, легка, стройна, придет?

Я не умру, когда она ко мне наездницей лихой,
Чтоб подчинить меня узде, схватить, как скакуна, придет,

Чтоб душу бедняка согреть и взять зажженную свечу
С могилы, где его душа уже погребена, придет.

Погибнет сердце на пути, когда узнает, что она,
Увидев даже, что душа моя пьяным-пьяна, придет.

Где то вино, в котором я рассудок мог бы утопить,
Когда перед лицом небес ко мне моя вина придет?

О пери, гурии своей, мечтать не смеет Навои,
Когда она на пир, где он свой кубок пьет до дна, придет.

Все чудесно осветилось, будто Хорасана край,
Солнце в небе появилось, пробудило сонный край.

Ты одна Восток и Запад можешь сразу озарить.
В небе солнце затмевая, ярко землю озаряй!

Среди пери, солнцу равных — некого сравнить с тобой:
Выберу одну тебя я, если скажут: «Выбирай!»

Полыхают искры страсти, искры адского огня.
Ты, как сотня солнц, прекрасна; век сияя — не сгорай!

Быть достойным этой пери постарайся, Навои.
Тот, кого она полюбит, на земле узнает рай!

Лик твой в родинках искусных, локоны твои — силок,—
Ловко ловят птицу-сердце, страхом сжатое в комок.

Кипарис и роза рядом в цветнике стоят — ах, ах!
Где отыщется красавец, чтоб с тобой сравняться мог?

Утро ясное свиданья снится мне в тревожном сне.
Наяву лишь ночь разлуки мне сулит жестокий рок.

Мне — свечою шабистана грезится свиданья час,—
Рвется к той свече архангел, а не глупый мотылек.

Я слабею от разлуки, от мечтаний о тебе,
И — отравленный тоскою — я готов свалиться с ног.

Словно путь держал в Каабу, изнемог я и устал,
Весь исколотый шипами мною пройденных дорог.

Сколько путников усталых на пути я повстречал!
Верю — каждый шаг скитальца вспыхнуть молнией бы мог!

Братья идолов стыдятся, прочь бегут от христиан.
Но от шейхов лицемерных убежал бы сам пророк.

Ты испил Джами напиток, о несчастный Навои!
С той поры и стал, наверно, ты угрюм и одинок.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ СТАРОСТИ

Я желтухой болен, кравчий. Весь в осеннем цвете яром,
Где ж вино, что охмеляет винограда желтым даром?

И лицо мое, и тело — листья желтые на ветке.
Пожелтели — кто ж излечит их целительным отваром!

И в очах зрачки с белками стали желты, как
тюльпаны.
Что за хворь? Той розоликой жечь меня дано
пожаром!

Говорят, очам полезно видеть желтое — ах, где же
Кипарис в одеждах розы, что пылает желтым жаром?

Желтоперой птицей ночи стал среди полдневной стаи
Пожелтелый день разлуки, что сражен судьбы
ударом.

Если ж не больным желтухой ночь и утро, отчего же
Ночь распустит кудри, солнце лик свой рвет — в рыданье
яром?

Желтизну больного тела Навои скрыл в прахе скорби —
Так вот нищий в землю прячет золото в кувшине
старом!

Пусть сто тысяч звезд-жемчужин сыплет с высей
небосвод —
Туча бедствий неизбежно град печали принесет.

Знает рок одну заботу, низвергая этот град,—
Обломать побеги жизни, саду тела слать извод.

Каждый, кто обижен долей, знает злобный рок небес,
Но судьбу, старуху злую, благодетелем зовет!

В океане сотворенья небо — мелкий пузырек,
А пузырь хоть каплю влаги даст ли от своих щедрот?

Если б небо было в силах хоть на миг найти покой,
Разве так оно спешило б — день за днем, за годом год?

Небо, как и я,— в смятенье, смущено своей судьбой:
Как меня в кругу терзаний, мчит его круговорот.

Синева на теле неба — от ударов злой судьбы:
Как ни мчится, мне подобно, а до цели не дойдет!

Нет могущества у неба, и слабы мы наравне,
И вовеки мы не можем друг от друга ждать отчет!

Навои, коль правду ищешь, знай, что сущ один лишь бог!
Нету сущего вне бога, правду бог в себе несет!

Бродят восемнадцать тысяч в голове ее планет,
Верно потому, что пери ровно восемнадцать лет.

Удивляет мир кокетством целых восемнадцать лет,
Счет фантазиям потерян и конца причудам нет.

Хоть сто восемьдесят будет, не поблекнет красота,
Это — красоты шахиня, покорившая весь свет.

В миг счастливый вдохновенья сотворил ее аллах.
Улыбнется мимоходом — мнится, сердцу шлет привет.

Сердце в дивном теле пери, словно в серебре брильянт.
Лик ее на всю округу изливает лунный свет.

Разве шум мышей летучих омрачает светлый храм?
Дай вина мне, виночерпий, в нем на все найду ответ.

Море слез во мгле разлуки пролил бедный Навои,
А теперь лучами солнца страстный взгляд его согрет.

Если сердце вспыхнет гневом — вся вселенная сгорит
Запылают сферы неба, высь надменная сгорит.

На расстеленную вату не бросайте камфору —
Будет пламенем объято все мгновенно и сгорит.

В сердце жар волненья тлеет от раздумий о тебе.
Но однажды вспыхнет сердце, словно сено, и сгорит.

Сердце, что ежеминутно испускает вздох иль стон,
Опаленное разлукой иль изменою — сгорит...

Почернело мое тело, я любовью обожжен.
Как от молнии солома, мысль нетленная горит.

На глазах вскипают слезы, льются, как с горы ручьи,—
Лишь сильней от слез соленых тело бренное горит.

Навои, скорей на сердце ковш, другой вина плесни!
Если это не поможет — несомненно все сгорит!

Мотылек ночной учился у меня сгорать до тла.
Луноликая, зачем ты со свечи пример взяла?

Был разлукою с тобою я в безумца превращен.
О, и ангелу господню ты бы крылья сжечь смогла!

Слезы, а не звезды ночью заблистали над землей.
Пелена от страстных вздохов горизонт заволокла.

Даже сам властитель мира спать от ревности б не мог,
Услыхав, что — как подушку — ты мне свой порог дала.

Я во сне увидел счастье, пробудившись, застонал,
От моих протяжных вздохов дрогнула ночная мгла.

Вспомнил, сам себя волнуя, локоны твои и стан.
Кипарисом в гиацинтах ты — в мечтаньях — расцвела...

Звери дикие, степные окружают Навои,—
С бадией ушел бродить он... Ах, плохи его дела!

На моей любимой платье из горящих лепестков.
Это пламя, а не платье, тела нежного покров.

Жарких уст ее рубины душу жаркую таят,
Платье на моей любимой из блестящих лепестков.

Птица сердца заалела от моих кровавых слез...
На тебе, о кипарис мой, рой тюльпановых цветов.

Хоть погибнуть есть опасность — жизнь мечтаю сохранить.
Твой наряд не мусульманский описать — не сыщешь слов.

Не сгоревший над свечою легкокрылый мотылек
На огонь зари несется, что, как твой наряд, багров...

Не кичись, о кипарис мой, снова рядом я с тобой!
Платье цвета знойной розы — полыхает от ветров.

Я отшельником не стану, в жертву принося любовь,—
Нет! Вино в моем бокале будет алое, как кровь!

Навои, не с каждой розой нежно дружит соловей.
Пламя уст твоей любимой манит сердце вновь и вновь!

Сыны счастливых нег любви, вы б горький рок мой
пожалели!
Лишь изредка обидят вас — не плачьте о своем уделе.

Святоши! Чем учить меня, у бога лучше б испросили
Любимой — доброты, а мне — терпенья гнет, что всех
тяжеле.

Терпенье, сдержанность и ум! Оков на душу не наденьте,
Бегите врассыпную прочь: моя шалунья словно в хмеле.

От глаз и сердца — муки мне, и мукой ослепил я очи,
А сердце — вам бы сжечь его, когда б найти его сумели!

Я — прах в степи небытия. О люди божьего обета,
Храните память обо мне, сложив дастаны и газели!

Согбенный, я едва стою, но что вам в этом, баловницы?
Не лучше ль прыгать и скакать средь резвых игрищ и
веселий?

Убог и жалок Навои из-за любви к той пери — знайте.
Безумный, бродит он в степи — вы на него бы посмотрели!

Нам в мире от людей — лишь зло, нет и следа иного,
Сто бед и сотни мук! — Не шлют дни и года иного.

Ах, от любимой ничего я, кроме зла, не видел!
Я ж — верен ей, моя душа совсем чужда иного.

О поучающий! Всю жизнь я одержим был страстью —
Рок, посылавший мне любовь, не знал суда иного.

Я в путах тысячи невзгод — в ее кудрях, о сердце,—
Мне, кроме горя, не сулит моя беда иного.

Она по красоте — султан, ей любо небреженье,
А в жизни нищих, кроме просьб, нет никогда иного.

К какой послуге допустить меня ни удостоит,—
Чего ж от недостойных ждать, кроме вреда, иного?

А я ее прощенья жду, на милость уповая,
Хоть нет в грехах мне ничего, кроме стыда, иного!

И всё же рад я, Навои, несбыточным посулам:
Пусть нелегка моя судьба, а ждешь всегда иного!

Ее краса — диван стихов, в нем брови в первый стих
слились:
Писец судьбы предначертал им полустишьями срастись.

Был так жесток весенний град ее небесной красоты,
Как будто бы брильянты звезд небесная низвергла высь!

От стонов огненных моих все горло сожжено до уст:
Когда из уст не стон, а хрип услышишь, сердце,— не
сердись!

Потоки слез моих — как кровь, не утихают ни на миг,
И странно ли, что в муках я,— ведь слезы кровью
налились!

Была сокрыта скорбь моя, но переполнился бокал,
В забаву людям боль души рыданьями взметнулась ввысь.

А ей укромный угол люб, вино да горстка миндаля,—
Что ж делать, если любо ей таким даяньем обойтись?

Любимая, мелькнув, ушла, похитив сердце Навои,—
Приди ко мне еще хоть раз — чтоб душу взять мою,
вернись!

От страсти сердце все разбитым стало,
В степи страданий следопытом стало.

Низринулся на тело град каменьев,
Рубцами ран оно покрытым стало.

А голову ударило об скалы —
Размозжена она гранитом стала.

Меж гор метнулся разум прочь, как белка,
Когда душа в небытии там стала.

Когда моя судьба покрылась тьмою,
И сердце в темноте сокрытым стало.

Кровь слез моих вкруг солнца винной чаши
Кружить, подобно звездным свитам, стала.

Возможно ль, Навои, душе забыться,
Когда забвенье мук забытым стало?

Когда сверкнула в тьме ночной красой ее чела свеча,
Как будто солнце вдруг взошло — светлей всех звезд была
свеча!

Ей голову сжигает страсть, а ноги держит медь оков —
Не потому ли от безумств себя уберегла свеча?

И каждой ночью до зари она, рыдая, жжет себя —
Печальным другом стала мне в юдоли бед и зла свеча.

Не говори, что пламя — бич: чтоб гнет бессонья облегчить,
Своим дрожащим языком мне сказок наплела свеча.

Чтоб в сердце мотылька взрастить побеги из семян любви,
В него роняет влагу слез и зерна без числа свеча.

Не для того ль, чтоб мотылька пожаром страсти погубить,
Ему, кокетливо мигнув, свой лик-огонь зажгла свеча?

Та луноликая меня не допустила в свой шатер —
Не так ли дразнит мотылька огнем из-за стекла свеча?

А может быть, из-за любви она сгорает и сама,
И опаляет мотылька, чтоб он сгорел дотла, свеча?

Пусть, Навои, светильник твой задуют вздохи мук твоих,
Блеснул тот лик — твой ветхий дом сияньем залила свеча!

В печальном сердце от любви такая тяжесть мук,
Что стон мой в душах всех людей родит ответный звук.

Какое диво в том, друзья, что плачу я навзрыд?
В больной душе — печаль и скорбь, когда неверен друг.

Когда душа во власти слез, тому причиной — хворь:
Влюбленных от измен гнетет мучительный недуг.

Когда в беде есть добрый друг, то это — не печаль,
Но горе, если скорбь придет и нет друзей вокруг.

Когда ты ранен не мечом, лекарство — радость встреч:
Тому, кто раз любовь обрел, страданье — от разлук!

О ты, взлелеявший свой сад, не радуйся цветам:
Ведь на рассвете не от роз — от солнца блещет луг!

С Фархадом и Меджнуном схож смятенный Навои —
Его любимой красота достойна их подруг!

Кто возносил от мук измен такой же горький стон, как я?
И кто взрастил такой цветник, что кровью слез вспоен, как я?

Кинжал избранниц красоты всегда готовит верным казнь,
Но и познавший казнь разлук не знал таких времен, как я!

Пускай познавший боль измен в отчаянии кличет смерть:
Из всех, зовущих смертный час, кто б смертью был спасен,
как я?

Ее глаза погибель шлют и выпивают кровь людей,
Но кто из всех ей был рабом и рабства чтил закон, как я?

Безумцам горестным всегда бросали дети камни вслед,
Но кто еще рубцами язв покрыт со всех сторон, как я?

Кто всею страстью полюбил, того опасность стережет,—
Своей рукой щедрот души да не раздарит он, как я!

Влюбленный, вот тебе совет: любви к злонравным берегись!
Ты будешь за единый миг стократно оскорблен, как я!

Когда от тягостей времен забвенья и покоя ждешь,
Укройся в хижине хмельной, вкуси покой и сон, как я!

Когда твой разум, Навои, тоской любовной муки сжат,
Беги Меджнуном в глубь пустынь, от мира, отрешен, как я!

Меня повергла в ночь невзгод разлука,
Дала в судьбу мне черный гнет разлука.

Я обречен на муки слез кровавых,
А недругам блаженство шлет разлука.

А если и теперь так много тягот,
Какой же мне сулит исход разлука?

Душа и сердце в горестях рыдают,
Печалью грудь мне разорвет разлука.

Зачем корить? За всю мою строптивость
Стократ мне воздала вперед разлука!

Бывает так, что выпьешь чашу счастья,
А напоследок яд нальет разлука!

Сто раз ты, Навои, умрешь без милой,
Пока приблизит твой черед разлука!

Что жизнь мне? — Речь твоя, живое слово — лучше,
Рубин живящих уст — всего земного лучше!

Я — раб твоих измен, и все ж я твердо знаю:
Кто в мире лучше всех, ты и такого лучше!

Ты ищешь жертв себе — убить своей любовью,
Не сыщешь никого меня больного лучше!

В степи любви бродя, забудь покой, о разум,—
Чем жить под сотней крыш, бродить без крова лучше!

Любовь! Возьми в свой дол меня взамен Меджнуна!
Не я ли, чья судьба стократ сурова,— лучше?

Смиренно я служу пригожим и негодным:
И тот, кто хуже всех,— меня, дурного, лучше!

Коль хочешь, Навои, чтоб стих твой стал острее,—
Тебе поможет шах — нет острослова лучше!

Она к чужим с любовью льнет, а к нам, конечно, нет!
У ней и псам известен счет, а нам, конечно, нет.

Собакам есть у ней приют, а нас гоняют прочь,
Другим и кров есть и почет, а нам, конечно, нет!

Порою губит и других, а нам не в том печаль:
Хватает всем ее щедрот, а нам, конечно, нет!

Не странно, если вздох ее отгонит прочь мой прах:
И пыли — место у ворот, а нам, конечно, нет.

И если в гости к нам придут ее собаки, что ж?
Она сама к другим пойдет, а к нам, конечно, нет!

Коль радость и печаль — лишь миг, так есть ли в том беда,
Что добр к счастливцам небосвод, а к нам, конечно, нет?

Любовь не тешит Навои, а утешенье есть:
Другим от мук любви — извод, а нам, конечно, нет!

Улыбки всем расточая, мне ты не улыбнулась,
Встретив мой взор, печалью одетый, не улыбнулась.

В жажде твоих рубинов подобен я стал шафрану,
Но ты и при виде этой приметы не улыбнулась.

Молил я: «Скажи хоть слово», но знаком ты приказала
Мне умереть и, слыша обеты, не улыбнулась.

Не зная счастья слияний, себя ты отдать не можешь,
Я не дивлюсь, что при этой беде ты не улыбнулась.

Послушай, Меджнун с Фархадом были лишь струйкой дыма.
Я — пламя, но ты б и вспышке кометы не улыбнулась.

Улыбка подобна солнцу, солнцу светить пристало,
Жаль, что ты на такие советы не улыбнулась.

О Навои, от розы вдали соловей тоскует,
Может, она и песням, что спеты, не улыбнулась.

Ее коварство и краса — ведь им предела нет!
Один мой вздох и — сотни мук, а ей и дела нет.

В тоске по родинкам ее кровь слез моих — тюльпан,
Но россыпь точек на цветке и не чернела, нет!

Все сердце кровью налилось, но не исходит стон:
Ведь звука в чаше, что вином до края цела, нет!

Из раны сердца моего потоком хлещет кровь:
Ведь кроме горькой пищи слез ему удела нет!

Клейми меня тавром раба — у горя откупи,
Иной цены мне, кроме той, чтоб ты презрела, нет!

Свиданье с дивом красоты — блаженства скрытый клад,
Но, кроме локонов, там змей, скажу я смело, нет!

Весь перевязан Навои от ран твоих измен,—
Иной одежды, чтобы скрыть все раны тела, нет!

Гнетешь ли, верность ли сулишь — равно красна ты мне.
Пошлешь ли смерть иль воскресишь — как жизнь нужна
ты мне!

Вблизи ли вижу стройный стан, смотрю ль издалека,
Ты — словно кипарис в цвету, сама весна ты мне!

Что о любви моей сказать? — Ты в сердце у меня,
Как тайная печаль души навек дана ты мне.

Коль искушаешь красотой, за стон мой не стыди:
Лихую долю мук и слез дала сполна ты мне.

Едва лишь вспомню отзвук слов твоих рубинов-уст —
Хоть и на миг, а словно гость в те времена ты мне!

Пусть из безумцев только я отвергнут был тобой —
Среди всех пери лишь одна наречена ты мне.

От страсти умер Навои, а ты его коришь!
Как взбалмошен еще твой нрав, как неверна ты мне!

Друзья, мой стройный кипарис вы среди роз в саду
спросили **б,**
А от меня взамен всю жизнь для той, кого я жду,
спросили **б!**

От скорби сердца я умру, а вы мне ищете лекарство!
И не ищите, лучше вы ее — мою беду — спросили б!

Не надо состраданья мне, когда я от разлуки стражду,—
Как мне страданье облегчить, ее — мою страду —
спросили **б!**

Напрасно ищете средь роз сраженное безумьем сердце,—
Безумца — у ее дверей, где я во прах паду, спросили б.

Когда бы знали вы, что враг, сулящий гибель мне,—
разлука,
Вы у разлуки кровь мою — за верность сердца мзду —
спросили **б.**

Когда не вижу дивных уст, я словно отрешен от мира—
Мой след в стране небытия, куда один бреду, спросили б!

Когда сердца вам леденит сказ о Фархаде и Меджнуне,
Вы лучше пламенный дастан, напетый мной в бреду,
спросили **б!**
Скорбь погубила Навои. Мучители, вы плоть — не душу,
Когда, страданьями убит, я мертвым упаду, спросили б!

Ты волосок моих ресниц для вышивки иглою сделай
И, вырвав нить моей души, рисунок нитью тою сделай.

Захочешь черную канву украсить темно-красной нитью —
Узор тот — чернотой зрачков, кровавою слезою сделай.

А если пятна алых роз ты по краям захочешь вышить,
Ты их из крови ран моих, что на груди я вскрою, сделай.

А пожелаешь — вкруг тех роз багряные бутоны вышей:
Ты их из сердца моего, убитого тобою, сделай.

Когда ж захочется тебе изобразить красавиц-пери,
Черты избранницы моей придай им, их красою сделай.

Задумаешь свое шитье узорчатым письмом украсить —
Возьми печальный этот стих и вязью расписною сделай.

А кто сумеет, Навои, такой узор для милой вышить,
Тому наградой ценный клад, в душе хранимый мною, сделай!

Когда б художник облик твой правдиво воссоздать бы смог,
Я, на черты твои взглянув, постигнуть благодать бы смог!

А если б шелк не смог вместить все совершенство красоты,
Тогда покров моей души он к шелку притачать бы смог!

О смертный час! Пусть сердце мне псы разорвут на сто частей,
Чтоб каждый пес при дележе себе кусок урвать бы смог!

О поучающий, молчи! Когда красавица хмельна,
Как одержимый унести советов злую кладь бы смог?

Когда рубины сладких уст мне в душу только горечь льют,
Кто б, горькие слова сдержав, их усладить опять бы смог?

В джемшидов кубок яд змеи налил державный Афридун,
Лишь в жалкой доле нищеты счастливым смертный стать бы смог!

Когда бы Навои сумел открыть желания творцу,
Найти красавиц в кабачке своим мечтам под стать бы смог!

Ах, от печали умер я — жестокая моя, приди!
И ты, о сердце, вслед за ней и дружбу к ней тая, приди.

И хоть твержу я «приходи», не зная звука слов иных,
Ей все равно, скажу ли «стой», произнесу ли я «приди»!

И пусть не в силах ты спасти меня от бед и мук моих,
Узнать о бедствии моем, о муках бытия — приди.

Как месяц льет среди руин сквозь сломленную кровлю свет,
Сквозь раны тела в сердце мне свой лунный свет лия, приди!

Ты обещала потушить огонь мой влагой уст своих,
Сейчас летит мой жаркий стон в небесные края — приди!

Эй, кравчий, ты бокал нальешь — я только идолу служу,—
Налей мне два, чтоб и творцу была бы часть своя! — Приди!

Пусть ты убила Навои, ни разу не придя к нему,—
Иса! К надгробию ее как добрый судия приди!

Украшен яркий халат красным, желтым, зеленым,
Любви моей искрам в лад — красным, желтым, зеленым.

В пустыне моей любви кострами горячих вздохов
Самумов вихрится ряд — красным, желтым, зеленым.

Цветник твоей красоты в душе моей отразился,
И блесткам цветов я рад — красным, желтым, зеленым.

В мечтах о твоем лице, о родинках и пушинках
Мне вновь застилает взгляд красным, желтым, зеленым.

Рубиновое вино, литое золото чаши,
Зеленая гроздь горят красным, желтым, зеленым.

Где бедность — там пестрота, и каждый нищий сумеет
Украсить бедный наряд красным, желтым, зеленым.

Не требуй же, Навои, диван разукрашивать ярко:
Ведь сами стихи пестрят красным, желтым, зеленым.

Когда я сердцем и душой изведал от людей печаль,
Была ли сердцу от души, душе ль от сердца злей печаль?

Вся скорбь — от этих двух причин, от них всегда тоска
и грусть:
Когда печаль со всех сторон, попробуй-ка рассей печаль!

Кто в этом мире огорчен — из-за людей его беда:
Кого в темнице мрак гнетет, тому от палачей печаль!

Послушай, друг, зарекся я отныне и с людьми дружить:
Да не пристанет к ним вовек от горести моей печаль!

Мне даже и в глуши пустынь не нужен в бедствиях собрат:
А вдруг и призракам степным пошлет тот лиходей печаль?

Одно коварство видел я в ответ на преданность мою,
Из-за неверности людской в душе еще сильней печаль!

О кравчий! Свыше сил моих тот гнет, что от людей терплю:
Налей мне терпкого вина, налей еще, развей печаль!

И пусть разгонит тяжкий хмель рассудка горестную блажь:
Все беды сердцу — от ума, и от его затей — печаль!

Душа у Навои — в огне, и пламенем горят слова,
Но это... меньшая беда, чем от любви твоей печаль!

Я в юности старшим служил, в послугах сгибаясь спиной,
Но старость пришла и ко мне, невесело юным со мной.

Беседа со мной нелегка, а странно, не проще ли речь
Цедить между редких зубов, чем через ряд сплошной?

Меня к молодым влечет сильнее день ото дня,
Но почему-то они обходят меня стороной.

Должно быть, правы они, если подумать всерьез:
У них ведь иные пути, и жребий у них иной.

Могу ли соперничать я с румянцем их мускусных щек?
Мой пламень под снегом скрыт, под мертвенной белизной.

В саду цветет кипарис, а рядом — скоробленный куст.
Он сгорблен и стар, как я: иссяк в нем нектар хмельной.

О сердце! Тебе бы теперь молитву творить в тиши!
Но мне — пятьдесят, вокруг угодливость, лесть — стеной.

Полсотни стоянок в пути! Пора усмирить свой пыл!
Спешить уже нету сил, поспешность была бы смешной.

Ведь мне не осилить вновь полвека моих тревог,
Коль век меня наградит еще половиной одной.

Создатель, дай веру мне, я в ней заглушу мой стыд
За бедность моих трудов, за скудость свершенного мной.

Не сетуй же, Навои, что море господних щедрот
Волнуется и шумит: надежду несет волной.

Не диво, если кровью слез людское зло грозит всегда:
За мукой мука вслед идет, и за бедой спешит беда.

Да что там зло и доброта — не стоит даже речь вести:
Толпа с жестокостью дружна, а доброте она чужда!

Согнулся даже небосвод под ношей низостей людских:
Сверкают звезды, словно пот, на теле, взмокшем от труда!

А ведь в предвечных письменах не предуказан жребий мук,
И на скрижалях душ людских не предначертана вражда!

А было б людям только зло навек предписано судьбой —
Его и сотни добрых дел не одолели б никогда!

Когда один — причина зла для многих страждущих людей,
Пусть он и совершит добро, а как бы не было вреда!

Глаза и брови смерть сулят, а речи уст ее — обман,
Найти б другую — только нет другой красы, что так горда!

Нет! Вечности не обретешь ты в бренном мире средь
людей —
В вине отшельничества плоть пусть растворится без следа!

Никто не волен, Навои, в обитель благ направить путь,
Пока не призовет аллах твой первый шаг свершить туда!

Я бью себя камнями в грудь в смертельном гнете каждый миг:
Стучите в дверь, когда беду, как гостя, ждете каждый миг!

Безумьем я сражен, мой труп в руинах стережет сова:
Зовя людей, она навзрыд кричит в дремоте каждый миг.

Рубины несравненных уст! Чтоб тлен мой кровью обагрить,
Вы истерзали печень мне и кровь сосете каждый миг!

Любовью к пери одержим, я красотой ее томлюсь,
Меня гнетут печаль, и скорбь, и муки плоти каждый миг.

Весенний ветер набежит — трепещут лепестки у роз:
Так суетится род людской в пустой заботе каждый миг.

Моим дыханьем ледяным объят весь мир, на небе — тьма:
Не тучи — вздохов моих дым вы там найдете каждый миг!

Когда вас бедствия гнетут, душа исходит горлом прочь,
И чтоб вернуть ее назад, вино вы пьете каждый миг!

За караваном караван идет в пристанище мирском,
Пришла и мне пора спешить — здесь все в работе каждый миг!

Как мучишь ты день ото дня изменой сердце Навои!
Где шах жесток — страна в беде и зло в почете каждый миг!

Я странником пустился в путь, чтоб жар любви во мне
иссяк.
Но пламя то лишь раздувал не то, что путь, а каждый шаг!

К каким пределам я ни шел — один лишь шаг, единый
вздох,
И — войско скорби набежит, и пламя то рождает мрак.

Не верь, когда расскажут, друг, что странствием излечишь
страсть,
Ведь это — ложь: покоя мне не принесла стезя бродяг.

Влюбленным незачем искать разлуки отрешенный край:
Там каждый камень — как гора, там каждый стебель — как
тесак!

Уж лучше б рухнул на меня дувал на улице ее,
Чем без нее найти приют в пристанище священных благ!

В любви я плоть свою обрел, влачась в степи небытия,
Но, плоть измучив, я свой дух с любовью лишь сильней
сопряг.

Не тщись разубедить меня речами мудрыми, о друг,—
Для Навои влюбленным быть — судьба предначертала знак.

Адским пламенем разлуки мне сжигает тело,
Мои вздохи дымом стали — все внутри сгорело.

Боль души, страданье плоти, пронизав друг друга,
В теле, как утóк с основой, сеть плетут умело.

Захлебнусь в разлуке кровью, вознесу стенанья,
Кровь — мое вино, а песня — стоном возлетела.

Прах у ног твоих целую, стан мольбою согнут,
Посмотри, как я покорен, предан без предела.

Стан твой тонкий, уст цветенье все мне заслонили,
Весь мой мир тобой одною поглощен всецело.

В кабачок! Монетой веры оплачу похмелье.—
Для меня не будет в мире лучшего удела.

Навои! Ты смыл слезами все, что сердцу чуждо.
Лишь любовь твоя навеки в сердце уцелела.

Когда в любимой нет любви, она корит хотя бы,
А мне дождаться бы не ласк, а лишь обид хотя бы!

Что за причуды! Если нет в ней доброго участья,
Пусть опечалит, оскорбит, пусть огорчит хотя бы!

Ах, если б вздохом сладких уст она мне жизнь вернула!
Ах, если б злом ее коварств я был убит хотя бы!

Коль нет в красавице любви — и гнет от милой сладок,
Любовь отвергла — пусть гнетет, пусть уязвит хотя бы!

Ни меч стальной, ни толща скал не защитят от милой:
Тех мук не вытерпит и сталь или гранит хотя бы!

О кравчий! Дай забыть печаль, налей до края кубок!
Видало ль небо столько мук средь звездных свит хотя бы?

Она погубит Навои, немилостью терзая,
А ведь неведом час его иль в далях скрыт хотя бы!

Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму,
Мой жаркий вздох чадит и жжет — она желтеет в том дыму.

Я думал, рок отдал сполна Фархаду и Меджнуну гнет,
Потом я понял: жребий мук мне предназначен одному!

Ее каменьев тяжкий град проник сквозь боль отверстых ран —
Как сердце милой, этот груз храню в себе я, как в дому.

Моя наездница лиха, ей любо на скаку играть.
Что ж, нужен ей для гона шар — с себя я голову сниму!

Ах, нечестивица! К беде она попалась мне в пути:
Вот приключилось горе мне — погибель вере и уму!

Не диво, если, охмелев, рассвет я встречу в кабачке:
Вчера собрался я в мечеть, да позабыл свою чалму!

Спален любовью, Навои клеймом каленым сердце сжег:
Оно язвит и жжет меня, а жар я сам даю клейму!

Я твой платок держал в руке и слез сдержать не мог тогда,
Но лишь к глазам его поднес — и хлынул слез поток тогда.

Едва коснулся он очей — иссяк и замер ливень слез,
Но чуть отнял его от глаз — слезами взор истек тогда.

Опять поднес — и нету слез, и я платок твой отложу,
А снова слезы потекут — возьму опять платок тогда.

Ах, если б острия ресниц я сделать языками мог —
Я б речью глаз своих сказал, как слаб я и убог, тогда!

Я намотал бы нить души на каждый волосок ресниц,
Навек терзаться б и страдать я жизнь свою обрек тогда!

Налей-ка, кравчий, кубок мой, и пусть красавица подаст —
Все благо веры я отдам как плату за глоток тогда!

О Навои, пока я пьян, я эту песню затяну,
Ума и веры суета мне будет невдомек тогда!

Твердят любимой обо мне то ль правду, то ли ложь теперь,
А ей — что правда, что обман, всему поверит сплошь теперь.

Жестокой сердце я отдал — ах, пусть и жизнь мою возьмет:
Враждой ее друзей убит, я ни на что не гож теперь!

Уж раз соперники мои таким доверием сильны,—
Убей, разлукой изведи — ведь жить мне невтерпеж теперь!

Любой навет ей по душе, пришло безвременье мое —
Приспело время прочь брести, коль стал я нехорош теперь!

От горя печень истекла потоками кровавых слез,
За мигом миг, за часом час всю кровь мою возьмешь теперь.

О сердце! Людям не дано обеты верности блюсти.
Что ж ты горишь! — Нарушь обет и верность уничтожь теперь!

Пусть нечестивцы, Навои, отнимут веру, жизнь возьмут,
Да упасет тебя аллах, чтоб с ними был ты схож теперь!

Зачем луна моя от клятв, от дружбы отреклась, не знал я.
В чем виноват я и за что такая мне напасть, не знал я.

Я так любил, и так я ждал, что сердцу суждено блаженство!
Но что разлуку мне сулят и так вот будут клясть, не знал я.

Когда у милой на пуги, как вихрь, взметнулся ветер стонов,
Былинке тела — жертве бурь — где суждено упасть —
не знал я.

В цветник любви я залетел щебечущей и вольной птицей —
Что в западню твоих кудрей меня поймает страсть, не знал я!

Когда я видел строй ресниц, я сил и разума лишался:
Где войско, где мне силу взять, чтоб в битве не пропасть,
не знал я!

Пока не входишь в кабачок, покоя нет! Налей мне, кравчий!
Что эта крепость так тверда — сильней, чем горя власть,
не знал я!

О Навои! Что так темно? Что мне судьбу чернит бедою?
То — ночь измен? Иль ширь небес в дым стонов облеклась?
Не знал я!

Когда тюльпаны зацветут на брошенной моей могиле,
Знай: пламень сердца рдеет тут, здесь раны кровь мою пролили.

Как злы удары стрел твоих — из ран ручьями кровь струится,
А ты еще мне раны шлешь — ах, стрелы глаз не жестоки ли?

Обитель тела не нужна сраженному безумьем сердцу:
О доме вспомнит ли Меджнун, блуждая средь песков и пыли?

Когда о бедствиях моих, друзья, рыдал я в ночь разлуки,
Что значит этот ливень слез — хоть раз бы вы меня спросили!

И даже Ной — мне не чета, сто тысяч лет разлука длится,
Взметнулась к небу буря слез — потоп сравнится ль с ней по силе?

О ты, кто на пиру мирском изведал чаш круговращенье,
Знай: много чаш кровавых слез тебе дары небес судили!

О Навои, когда во сне тебе привидится отчизна,
Не говори, что вздорен сон, что в снах безумца нету были!

Поверь, никто не претерпел такой напасти злой, как я!
Полюбишь — будет ли любить тебя избранник твой, как я?

«Спасение от мук любви — в соединеньи»,— рек мудрец,
Но был ли в мире человек, кто б жил с такой бедой, как я?

Где пери, равная тебе, среди избранниц красоты?
Средь бедных пленников любви найдется ли такой, как я?

Не брезгуй бросить псам твоим мою истерзанную плоть!
Кто щедро душу им скормил, так жертвуя собой, как я?

Пускай я гибнуть обречен от зла жестокостей твоих,
Но ты не сыщешь никого, кто б верен был душой, как я!

Нет избавления, о друг, от бед и от забот мирских,
Пока в укромном кабачке не обретешь покой, как я.

И если красота ее к другим щедра, о Навои,
Найдется ли еще простак, несчастный и больной, как я!

От неверной сто горьких бед довелося увидеть мне.
Кто ж знал верность, чтоб счастья свет довелося увидеть мне?

Кто познал от сынов времен долю верности и добра,
Чтобы преданности обет довелося увидеть мне?

Словно пса, прогони, о друг, сердце взбалмошное мое:
От беспутного только вред довелося увидеть мне!

Что мне добрый привет друзей? — В сердце — тишь и блаженный мир,
Если гнет от ее клевет довелося увидеть мне!

А красавиц увижу я — и трепещет надеждой взор:
Где жасмин мой? — Хотя бы след довелося увидеть мне!

Пусть и землю и свод небес захлестнет рыданий потоп:
Злобу этих двух привереД довелося увидеть мне!

Серполунный увидишь лик — знай: тебя погубил не меч,—
Кару неба — страшнее нет! — довелося увидеть мне!

Я молитвенный коврик мой и хырку проносил до дыр.
Чтоб два мира сквозь их просвет довелося увидеть мне!

И не спрашивай, Навои, что изведал я от нее,
Сто невзгод друг за другом вслед довелося увидеть мне!

Злее, чем измены мрак, темнота бывает разве?
Светом дня озарена темень та бывает разве?

Искрой молний опалит всю вселенную разлука,—
В преисподней адских мук ей чета бывает разве?

Нюхать след ее собак — вот награда мне за верность!
Лучше золота сего красота бывает разве?

В день разлуки море бед с головой влюбленных топит,—
В ночь измены хоть роса пролита бывает разве?

Пятна крови, как цветы, на моем сожженном теле —
В роще бедствий время цвесть для куста бывает разве?

Черный проливень измен насмерть любящих сражает,—
Тьма небесного дождя так люта бывает разве?

Песней, льющейся навзрыд, Навои сжигает розы —
У безгласных соловьев песня та бывает разве?

Кипарис розоволикий, ты сказала — ты придешь!
Ночь провел я в муке дикой, сердце ждало — ты придешь

Выходил ежеминутно, тела сдерживая дрожь,
И душа к устам невольно подступала: ты придешь!

Лик луны зажегся в небе, схож с тобою красотой.
Мне до лунного сиянья дела мало. Ты придешь!

Плакал я, дивя прохожих, на безумца был похож.
Веря и не веря пери, ждал устало — ты придешь?

Эти слезы ты не вздумай в шутку сравнивать с водой,—
Эти слезы были схожи с кровью алой... Ты придешь?

Выходил тебе навстречу, преданный тебе одной.
Ждал тебя, покуда сердце подсказало: не придешь.

Навои, вином утешься, о неверной думать брось,
И печали скажет властно звон бокалов: не придешь!

ТАРДЖИБАНД

* * *

Окравчий, утром принеси, прошу, того вина,
Которым сердце усладил я нынче допьяна.

Есть свойство у него — когда вновь чаша налита,
Хоть пьян ты, хочется ее вновь осушить до дна.

Послушай: раз я встретил тех, кто жаждой одержим,
И приключилась тут со мной история одна.

Какой-то силой повлекло к кабатчику меня.
Не так ли рыба на крючок порой завлечена?

Оставил рубище в залог, закупорил кувшин,
Чтобы надежней влага в нем была сохранена.

Иду. До девяти небес мне уж рукой подать,
Ведь чудной влагою моя посудина полна.

Внезапно, выследив меня, сойдясь со всех сторон,
Нравоучители толпой вкруг стали, как стена.

Разбился в схватке мой кувшин, вот чем я сокрушен;
Всем неприятностям иным пред этим грош цена.

Стою и слезы лью ручьем, несчастен, пьян и наг,
Где выход? Не найти его. Моя ли в том вина?

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

О чаше радостную весть ты принеси мне в срок,
О кравчий, ибо я вконец от жажды изнемог.

Ах, если в этом цветнике мне роза неверна,
Как воздержаться от вина? Как дать такой зарок?

Коль не сменяет ночь разлук заря — похмелья час,
Кто б ночь от утра отличить в угаре винном мог?

Я лакомствами и вином, водою и зерном
Насыщусь всласть, чтобы силок приманкой не завлек.

Став преданным учеником кабатчика, узнай —
Шейх-уль-ислама имя я забвению обрек.

Придя в кабак, мертвецки пьян и буен буду я,
Чтоб всяк — и мудрый и простак ума не уберег.

Столпотворенье спьяну я устрою в кабаке,
Чтоб завопили земляки, пускаясь наутек.

О состоянии моем, ханжа, не вопрошай,
Когда без сил я в кабаке переступил порог.

И не осталось у меня ни четок костяных,
Ни рубища, чтобы отдать их за вино в залог.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* *
*

Глоток осадка в черепке — вина ничтожный след,
Но даже в нем отображен, знай, для меня весь свет.

Чтоб самолюбию страдать не приходилось впредь,
К вину прибегнуть надо мне — иного средства нет.

Пока я верен остаюсь кабатчику, узнай,
От неба можно мне не ждать опасностей и бед.

Но если все ж беда придет, о кравчий, что ж с того?
Мне лишь бы твердо знать, что ты дал верности обет.

На праведный я вышел путь в конце концов и что ж? —
Поддавшись страсти, в тот же день я преступил запрет.

Решил благочестивым стать, отшельником святым,
Чтоб чистой радости познать мне благодатный свет.

В мечети постоянно я в моленьях пребывал,
Но это чаяньям моим лишь приносило вред.

Я цену ханженства узнал, напоминал о нем
И зикр, и коврик, и любой молитвенный предмет.

Стремясь достичь небытия, освободился я
От пут ханжей, отринул их благочестивый бред.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* *
*

Хотел бы в этом мире я иметь красивый дом,
Чтоб «дом кувшинов» был открыт в соседстве с ним притом,

Чтоб в заведенье этом, где б я душу отводил,
Виноторговец щедрым был, почтенным стариком.

Чтобы всегда стоял его помощник перед ним
С красивой чашею в руках, наполненной вином,

Чтоб тот юнец прекрасней был всех среброгрудых дев,
Всех переликих красота соединилась в нем.

Такой вернет когда-нибудь мне жизнь с глотком вина,
Иль жизнь отнимет у меня другой в чаду хмельном.

Осталось дело мне одно — впредь сказки сочинять —
Безумец, время провожу так ночью я и днем.

Пить вскладчину я предложил однажды беднякам,
Собрал их вместе и еще поведал кой о чем:

«Я слышал,— так сказал я им,— что дом вина открыл
Старик виноторговец вновь. В питейном храме том

Подносят поначалу всем по чаше, говорят,
Какой бы нищий ни пришел, к ним жаждою влеком».

В смятенье, попросить вина зашел я в погребок,
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* *
*

В ту пору постоянно был я грустен и влюблен,
Гулякою беспутным слыл, молвою заклеймен.

Гордился пьянством пред людьми, хоть и сносил позор,
Ведь благочестия давно я преступил закон.

Кумиром сделал флягу я, носил ее с собой
На волоске, что к кушаку всегда был прикреплен.

Когда заложен коврик был, а также башмаки,
Был вскоре и тюрбана за ними вслед лишен,

Попал я в мир небытия, безумен и хмелен,
Подобно каландару в нем бродить был обречен.

Подростки райской красоты мне раны нанесли,
В неистовстве каменьев град швыряя мне вдогон.

Меня служитель погребка любовью сжег до тла,
Был одержимым, озорным и с пери схожим он.

Когда узнал я, что судьба всех пьяниц такова,
Гуляк, что льнули к погребку, сойдясь со всех сторон,

Что все они в любви равны, сроднился с ними тут
Я, плачущий от мук любви, таящий в сердце стон.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Где схожий с розою лицом прекрасный кравчий мой?
Похмелье губит душу мне, я поражен тоской.

В разлуке много я сносил страданий, тяжких мук,
В прах превратился, не стерпев злой участи такой.

Все ж мук похмелья, что сношу здесь что ни утро я,
Не знали тело и душа и в час разлуки злой.

Как натиск этих мук сломить, страданья отразить?
Один лишь выход — чтоб кабак стал крепостной стеной.

Узнайте — сколько бы вина мне старец ни поднес,
Отдам как выкуп все добро, накопленное мной.

Готов жемчужины души я разбросать пред ним,
Пусть даже на голову мне наступит он ногой.

Будь тайн моих хотя б на миг поверенным, факих,
Все знали б, что творил я здесь в приход очередной.

Был и в мечети я вчера, представь, мертвецки пьян,
Сегодня ж, не вкусив вина, вдруг потерял покой.

В растерянность меня, в тупик похмелье привело —
Я волю выпустил из рук, утратил разум свой.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

В угаре винном сам не свой я постоянно был,
В долине этой, как Меджнун бродил, лишенный сил.

Кабатчик голову мою в горячечном чаду
Как виноградину среди кувшинов раздавил.

Знай, от обилия вина как чаша-утка стал
Безгласным соловей души, весь пыл его остыл.

Когда вконец я опился, согнуло буквой «даль»
Мой стан под тяжестью вина, так жребий мне судил.

Стал с чашей золотою схож я желтизной лица,
Я цвета алого вина ручьями слезы лил.

Стянув с меня одежду, чтоб в залог ее отдать,
Как видно, небо поддержать взялось мой винный пыл.

Взамен одежды мне оно дерюгу поднесло,
Чтоб ею наготу свою я кое-как прикрыл.

До горя довело меня пристрастие к вину:
Случилось — малый черепок мне чашу заменил.

Меня в отчаянье поверг хозяин кабачка:
Из-за одной той чаши мне разнос он учинил.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок,
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* * *

Опять из гордости тяну осадок терпкий тот,
Я отдал душу за вино, иное все не в счет.

О кравчий, подойди на миг.— Я умер, посмотри
На зеркало души — налей вино мне прямо в рот.

Нет, не за зеркало, скорей за солнце, что тепло
Всему живому на земле, пылинкам всем дает.

Зря постник упрекал меня, мне угрожал за то,
Что в погребке я трачу дни и ночи напролет.

Сказал я: «Лучше пить вино, чем постником прослыть,
Лишь ради славы человек на этот путь идет.

Я пью вино и тем, узнай, уничтожаю плоть,
Постишься ты, чтоб укреплять ее наоборот».

Он рассердился и, бранясь, направился в мечеть,
Взамен благословений мне поток проклятий шлет.

Вошел он в келью, верно, все ж с молитвой на устах,—
Такой за ханжество свое от неба чуда ждет.

На этот раз он прогадал.— Чтоб отразить беду,
В ту пору чудо совершить мой наступил черед.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок,
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

* *
*

Стал вновь любимый пить вино. Снести мне это как?
Что предпринять мне, чтоб запас терпенья не иссяк.

Кровь буду пить я, не вино, узнайте, дело в том —
Его с любимым распивать стал мой соперник-враг.

Когда сопернику дано хмельную влагу пить,
Я кровью заменю вино, лишенный лучших благ.

Отныне ворон заместил той розе соловья.
Что ж делать! — Видно, суждено судьбой жестокой так.

Не диво, если кто-нибудь, в любви неверным став,
Вдруг на себя повесит крест, ведь то неверных знак.

Разорван ворот, для камней мишенью стала грудь,
Нарушил буйством я покой, охвачен страхом всяк.

Обманом чашу сердца я наполнил до краев,
Ведь не сумел помочь ему делами я никак.

Увидев ясно, что себя готов я потерять,
Стал я спускаться по пути, ведущему в кабак.

На улице Рустема я заметил, как туда ж
Махмуд Хабиб, мертвецки пьян, свой направляет шаг.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок,
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

Как не признать мне, что вино — мой самый верный друг,
Когда истерзана душа от горестей и мук?

К устройству мира присмотрись.— Все больше изумлен,
Я не сумел постичь его и с помощью наук.

Не только солнца, мне одной пылинки не познать.—
Как ум ни напрягай, ясна бесцельность тех потуг.

Прихода и ухода смысл кто знает на земле?
Неведомо, как я возник и где замкнется круг.

Ни знанья мне не помогли, ни постник, ни мулла
Не предложили в помощь мне, представь, своих услуг.

«Чтоб затрудненья разрешить, придется звать друзей,—
Сказал я,— мы обсудим все, есть для того досуг!»

Не излечил болезнь мою при всем старанье врач.
Сам шейх, и тот бы не сумел мой исцелить недуг.

Не смею ни отвлечься я от тяжких мыслей тех,
Ни объяснить всего того, что вижу я вокруг.

Задача трудная легла на плечи мне, когда
Иссякло, муки не снеся, мое терпенье вдруг.

В смятенье, попросить вина вошел я в погребок.
Смотрю, а у меня в руке один лишь черепок.

ПОСЛАНИЯ КРАВЧЕМУ

* *
*

О кравчий, кубок царственный подай,
Рубины-капли льются через край.

Рубинов россыпь скрыл в себе кувшин,
Но ярче всех единственный рубин.

Подковой раскаленною горя,
Ценней он, чем рубин в венце царя.

И огненным сияньем этот свет
Всех гурий превзошел, затмил весь свет.

Подобно солнцу, в чаше он горит,
То чаша, из которой пьет Джемшид.

Едва Джемшид на пышный пир пришел,
Как солнце, он поднялся на престол.

Все шахи — лишь привратники пред ним,
И разум наш — безумьем одержим.

Его приказа слушается хан,
Его веленью подчинен султан,

Его престол до неба достает,
Его войска — как звездный небосвод.

Несут ему, как цвет зари, вино,
Как плавленый рубин, горит оно.

Я сам, едва заговорю о нем,
Восторгом загораюсь, как огнем.

Вино пусть шах, как воду Хызра, пьет,
А мне пусть только гущу подает.

Когда нальют нам чаши до краев,
Хмельных сдержать я не сумею слов:

«Шах, славный словно глубь небесных недр,
Ты сердцем — море, ты, как туча, щедр.

Коварно небо, как хамелеон,
У чаши неба свой всегда закон.

Нет вечности для знатных, для царей,
Нет верности для счастья жизни всей.

Аллаху слава! Создан им ты, шах,
Всезнающим и опытным в делах.

Смотри: завоеватели земли,
Все шахи в землю черную легли.

Где Каюмерс, Хушенг, скажи мне, где?
Где их венец и трон, скажи мне, где?

Джемшид и Феридун где, наконец?
Кто небом пощажен был, наконец?

Где Кениядов, Саманидов род,
Где Искандера, Ашканидов род?

Рустама нет, и Сама тоже нет,
Мертв Яздигерд, Бахрама тоже нет.

Где ханы, где их предок Чингиз-хан?
Где Угедэй, властительный каган?

Где хан Тимур, что мир завоевал?
Он с армией бессчетной прахом стал.

Нет ни детей его — твоих отцов,
Нет внуков — старших братьев-храбрецов.

Наука зла привычна небесам,
Они берут все, что дарили нам.

Чей трон они до солнца вознесли,
Тот скоро свергнут был, лежал в пыли.

Кому был налит наслажденья мед,
Сто кубков яда выпьет с медом тот.

Судьба сильней глупца и мудреца,
Мессия с Хызром спорят без конца.

Мысль выражение нашла в словах:
Никто не вечен — ни бедняк, ни шах.

Не забывай о боге ни на миг,
Другим не утешайся ни на миг.

С надеждой милости его дождись
И гнева постоянно не страшись.

Будь справедливым к людям и к стране,
Чтоб в счастье им жилось и в тишине.

Бог — это крепость, ты всесилен с ним,
Пусть станет правда знаменем твоим.

Свой долг исполнив, весел будь всегда,
Пусть сердце знает, что пройдет беда.

И о веселье думать мы должны,
Богатства мира не на век даны.

Беспечности минут не отдавай,
Будь справедлив, веселья не теряй.

Предвидеть каждый миг, увы, нельзя,
Уносит время пыль — догнать нельзя.

Придет печаль — будь весел средь гостей,
В парчу одетый, с ними чашу пей.

Когда ты людям принесешь покой,
Всемилостивым будет бог с тобой.

А если милостив, участлив ты,
То и за гробом будешь счастлив ты.

* * *

О кравчий, в чашу мне налей вино,
Пускай рубином светится оно.

Не говори, что яхонта в нем цвет,
Оно рубин, какого ярче нет.

С дыханием Исы его сравни,
С живой водой, что продлевает дни.

Ты видишь, к этой чаше я приник,
Чтоб от себя уйти, хотя б на миг.

Разлука с шахом так мне тяжела,
Что речь и выразить бы не могла.

Заслугам шаха даже меры нет,
Делами он на весь прославлен свет.

Так, в «Пятерице» в каждой букве есть
Жемчужины, которых и не счесть.

Сказания, написанные мной,
Я шаху посвящаю с похвалой.

Быть может, я чрезмерность допустил,
Полезностями речь перегрузил,

Но пусть царевич их запомнит все,
Шах благородный их запомнит все,

Хотя ему советы не нужны,
Как разуму обеты не нужны.

Зачем они тому, кто богу друг,
Кто в чистых душах видит верных слуг?

О, если б я ему вновь близким стал,
Хоть раз его красу вновь увидал!

* * *

О кравчий, дай мне пьяное вино
Там, где всех пьющих радует оно.

Вино такое, что друзья его
От запаха пьянеют одного.

Мелодии «Ирак» пьянящий звук
Горит, как кровь источника разлук.

О музыкант, напевный строй держи,
И хусейни оттенки покажи.

Из слов Хусейна — вязь цветов живых,
Из Гариби — его чудесный стих.

Настроив саз, мне счастье, радость дай,
И в горе мне покоя сладость дай.

Пристрастны шахи к редкостным делам,
Речам внимают тонким и стихам.

Бог сделал их приятными для нас,
Мы навсегда храним о них рассказ.

Да будет слово шаха, как он сам,
Великодушно и приятно нам!

* *
*

О кравчий, в чашу мне налей вино,
Кровавых слез моих красней оно.

Пускай пьянит нам сердце, как любовь,
Как прелесть жен воспламеняет кровь.

Рубин румийский так не тешит взгляд,
Как урдустанской чаши той гранат.

Дай выпить, чтобы мог я пьяным стать,
Сознанье, разум, мудрость потерять.

Я девам красоты вино подам,
Наследнику престола я подам.

Мы выпили, и каждый весел стал,
Печаль и горе тотчас растоптал.

Пусть шах уже не ведает невзгод,
Пусть он, куда захочется, идет,

Чтоб все задуманное воплощать,
Чтоб всех врагов отважно побеждать.

* *
*

О кравчий, яхонта-вина подай,
В нем сила духа и для сердца рай.

Оно, разлуки горестный шербет,
С рубином Бадахшана слило цвет.

В бокал его нальешь ты голубой,
Чтоб в чаше неба разлилось зарей.

Взирая на ислама купола,
Пусть выпьет тот, кого печаль взяла,

Кто здесь Хайдар по прозвищу Хасан,
Похвал достойный, благодетель стран.

Пускай немало от его щедрот
В стране ислама обретет народ.

* *
*

О кравчий, до краев бокал налей
И обнеси почтительно гостей.

Вино — источник радости, оно
И вежливость всегда внушать должно.

Пусть к Мерву обратясь, склонясь к нему,
Я выше неба взор свой подниму.

Санджара царству кто во след идет?
Санджар второй и третий в свой черед.

Мне с памятью о том жить веселей
В подлунном мире горя и скорбей.

Прекрасный видом шах Абдулмухсин
Пусть будет счастьем поднят до вершин.

* *
*

О кравчий, дай вина нам цвета роз,
Чтоб розовой струей оно лилось.

Душа назвала «лекарем» его
И «пищей духа» — наше естество.

С ним золотая чаша, как тюльпан,
Которым так гордится Хаваран.

Прекрасной розой будет пусть оно,
Когда царевич выпьет то вино.

И чаша пусть до страшного суда
Пред ним не иссякает никогда.

* * *

О кравчий, пусть вина течет струя,
Как жар огня и чистый лед ручья.

Пусть освежает душу, как Ковсар,
И обжигает, словно адский жар.

А выпив, я всегда шуметь готов,
Как странствующий плут и пустослов.

С тайн естества он смело снял покров,
Он пьет вино, свободный от грехов.

Он, всех опередив, достиг вершин,
Рустам, простой привратник, Зала сын.

* * *

О кравчий, чашу-полумесяц дай,
Вино нам, с солнцем схожее, подай.

То Бадахшана огненный рубин,
То солнца, нас слепящего, рубин.

Сияет капля, как звезда, лучом,
Сверкает, словно молнии излом.

Ты чашу-полумесяц нам подай,
Восславив шаха Балха, нам подай.

Во всех делах он справедлив, умен,
Хусейном Ибрагимом назван он.

Его страна — как сад средь прочих стран,
Границей ей да будет Хиндустан.

* *
*

О кравчий, чашу счастья за столом
Подай нам с чудодейственным вином.

И сразу вдохновленный кубком тем
Заговорит, хотя и был он нем.

Красноречивым делает вино,
С ним слову стать жемчужиной дано.

А выпил шах — и, счастьем вдохновлен,
В раздаче золота стал щедрым он.

Его желаниям преграды нет,
Счастливым будет он хоть на сто лет.

* *
*

О кравчий, чаша девы хороша,
Путь сладостный находит в ней душа.

В той чистой чаше чисто и вино,
Как солнце в светлом ручейке оно.

Быть может, юный кипарис садов
Из этой чаши тоже пить готов.

Вино достойно пиршества царей
И девы-красоты, что всех нежней.

Наследника достойны, чьи слова
Во всем его подобье естества.

* * *

О кравчий, запах розы в чаше той,
Целит народа душу чистотой.

Она нас озаряет, горяча,
Как тьму ночную радости свеча.

От этой чаши сердце словно сад,
Глаза царевича мне свет струят.

И да подаст ему на много лет
Касым Анвар поддержку и совет.

Прекрасен он, светлы его дела,
Да будет жизнь его вовек светла!

* * *

О кравчий, чашу милости неси,
Я, одинокий, выпью — вновь неси!

О двух изгнанниках вдруг вспомнил я,
Что высланы в далекие края.

Вдали от родины и от родных,
От исполненья замыслов своих.

Как им живется там, в чужой стране?
Всегда ведь тяжко нам в чужой стране.

Звезде их счастья больше не сиять,
Им средь чужих людей теперь блуждать.

Приснится ли им шах когда-нибудь,
Иль то, что здесь в дому, когда-нибудь?

Чтоб их почтить, две чаши мне налей,
Чтоб мне не забывать моих друзей.

О, если бы о них подумал шах,
Они б вернулись жить в родных краях.

* *
*

О кравчий, чашу дай при звоне струн,
Начни газель, что создал Феридун.

Вина в той чаше золотистый цвет,
И сладостней стихов на свете нет.

Создав напев, что тем стихам сродни,
Сложившему их чашу протяни.

Пусть в память двух две чаши выпьет он,
Свой разум погружая в смутный сон.

А гущу мне дай, чтобы взять я мог
Из тех двух чаш последний свой глоток.

* *
*

О кравчий, дай мне голубой бокал,
Чтоб разум подданных в нем утопал.

Для них в бокале голубом вино,
Как яхонт в бирюзе, разведено.

И если позовут нас на пиры
Султана Вайса, сына Байкары,

Прочти из списка милых мне картин
Моих стихов хотя бы бейт один.

Шах будет вечно славой вознесен,
И на пиру блаженства сядет он,

А Байкара, отец его, в раю
Прощен аллахом за вину свою.

* *
*

О кравчий, в чашу, где весь мир сокрыт,
Налей вино, что радугой горит.

Джемшида чашу отразит вино.
Нет, Искандера зеркало оно.

Для тех, кто в горьких бедах занемог,
Живой водой покажется глоток.

Ты воды Хызра чашей зачерпни,
Пусть пьющему продлятся жизни дни.

Отцу и брату чистая струя
Пускай в раю даст радость бытия.

* *
*

О кравчий, лей мне разума вино,
И ста умов всегда мудрей оно.

Пускай, хотя б слегка, глотнет старик,—
Он пылким юношею станет вмиг.

И знатоку любви ты чашу дай,
Прославленному Мираншаху дай!

Скажи: «Ты, шах, как небо вознесен»,—
Но все проходит: пышность, власть, закон.

Страну богатств ты видел, города
И пышностью облек себя тогда.

Постиг ты все, чем важен царский сан,
Престол и то, чем счастлив Кураган,

Всем шахам заменяешь ты отца
Иль деда всемогуществом венца.

И степень у тебя превыше всех,
И опыт у тебя превыше всех,

А я тебе, мудрейший, говорю:
Все страны покоряются царю,

Но где тот шах, что небу равен,— где?
Где шах Бахман, что был так славен,— где?

Где тот, кто был сияньем для очей,
Телесной силой, радостью твоей?

В саду султанства — кипарис живой
И, словно солнце, славный добротой.

На небе знаний — как Юпитер он,
Ему доступен всех наук закон.

Прельщенный его прозой и стихом,
Меркурий нем пред этим мудрецом.

Он с юных лет мудрец, властитель был,
Он суфием и праведником был.

Его достоинствам и счета нет,
Превыше он всего, что знает свет.

Высоких качеств в нем не перечесть,
Назвал я много, в нем же больше есть.

Найдешь ли где такой души черты
Среди достигших знаний красоты?

О небо, ты насилия творишь,
Неблагосклонно ты на мир глядишь.

Зачем он в черной скрыт теперь земле,
С ним разлученный, я живу во мгле.

Где солнце без тумана, наконец?
Где жемчуг без изъяна, наконец?

И даже если мир был добр душой,
Что с ним случилось, будет и с тобой.

И так как жизнь дает нам мало дней,
Без вечности будь тверд душой своей.

Внимай советам мудрости людской,
А если нет, то согласись со мной.

* *
*

О кравчий, мне безмолвно чашу дай
И к хану приходи на курултай.

Вино прекрасно, все на том сошлись,
Хорош в долбленой чаше и кумыс.

Певец, свое искусство покажи,
На ятугане песню нам сложи.

Как только струны свой начнут рассказ,
Склонись пред ханом с чашей девять раз.

В поклоне, кравчий, чашу хану дай,
А что на дне, то мне, бедняге, дай.

Себя тогда я пьным покажу
И тем беседу на пиру свяжу.

Скажи ему: наследник многих орд,
Тот, чьей особой дух Яфета горд,

Ты ханов хан — по роду твоему
И душ душа — по званью своему.

Для шаха — гость над сердцем господин
И родич дорогой ему, и сын.

Подумай, кто ты и куда пришел,
В какой стране ты, чей ты зришь престол?

Кто хан другой у шаха? — только ты,
Гость дорогой для всех нас? — только ты.

Наш шах могуч и духом он высок,
И потому надеяться ты мог,

Что будет цель достигнута тобой,
Чо ты довольным в стан вернешься свой.

У трона одобренье обретешь
И тем своих соперников побьешь.

Но гостю нужно запастись казной,
Чтобы с почетом в дом вернуться свой.

Чтоб тягость на хозяев перешла
И чтоб народ хвалил его дела.

Ты — совершенство, шах, ты справедлив
И благостен души твоей порыв.

Нет нужды в назиданиях таких,
Советчик сам нуждаться мог бы в них.

Признав добро обычаем своим,
Тем самым стал в народе ты хвалим.

Пусть замыслы твои поддержит бог,
Чтоб он тебе в делах твоих помог.

А так как шаха ты душа сейчас,
Взаимность чувства связывает вас.

* *
*

О кравчий, лей султанское вино,—
Ведь базиликом сдобрено оно,

Чтоб нищий, выпивший хотя б глоток,
Властителем себя увидеть мог.

Для пьяных небеса над головой
Ничтожней щепки кажутся порой.

Лей и тому, кого высоко чтишь,
Султан по званью, сам он как дервиш.

Он в благородстве равен небесам,
Себя сравнить готов он с прахом сам.

По силе равен благородным он,
А по смиренью — с нищими сравнен.

Когда коснется чаши золотой
То опьянен он радостью живой.

Скажи: «Будь благодарен ты всему,
Стремись душою к богу своему».

Кто к почитанью бедности склонил,
Кто бедность восхвалять тебя учил?

Хоть видом он дервиш, он все же шах,
Он сведущ в царских и простых делах.

Кто этим качеством превознесен?
Абулгази, шах шахов всех времен.

Судьбой поставлен на пути твоем
Наставником он, шахом и отцом.

Шах времени, он для тебя один
Брат старший, родич твой и господин.

Служенья радость сохрани в груди
И к богу с тем служением иди.

* *
*

О кравчий, сок Кеннидской чаши лей,
Приблизь ее к ревнителям идей.

Она таким сиянием полна,
Что в келье сердца, лишь войдет она,

В тех мыслях, для которых нем язык,
Всевышнего проступит яркий лик.

Где тот, подобный шаху, кто умом
Украсил пир в могуществе своем?

Почтительный в служении ему,
Так с просьбой обратись к его уму:

«О солнце счастья, благородства цвет,
В садах владык цветенья лучше нет.

Твой до Адама царствовавший род
Величием потомков превзойдет.

Дух совершенства в помыслах твоих,
Ты и в поступках будь достоин их.

Копи достоинства в своей груди,
Но самохвальству доступ прегради.

Жемчужиною чистой создан ты,
Цени людей духовной чистоты.

И бог тебе поможет жизнь пройти,
Защитой будет на твоем пути.

Будь сдержан, сторонись несчастья вин,
Раз богом наречен ты был Мумин».

* *
*

О кравчий, чашу близости налей,
Пусть мне придет на память близость с ней.

Давно в разлуке с нею жизнь моя,
Дней близости желаю страстно я.

Где мной любимые в былые дни,
Где собеседники, друзья мои?

Все на чужбину, в дальний путь ушли,
Сад вечности жилищем обрели.

В разлуке с каждым я душой сгорал,
Привыкнув разлучаться, я сгорал.

Один остался друг — пусть он живет,
Пусть в жизни цель он верную найдет.

Всегда он верен долгу своему,
Пускай же верной будет жизнь ему.

Когда он в верности обрел свой клад,
Сказал он: «Люди верно говорят».

Честь получив от верности своей,
За чашей верных вспоминай людей.—

Гоня коней разлуки, я тебе
Доверить двух друзей мог в их судьбе.

Один мне друг и словно сын родной,
Для сердца — радость, для души — покой.

Другому душу я доверить рад,
Он во сто раз заботливей, чем брат,

И среди сада жизни, как фазан,
Другой — как кипарис, чей строен стан.

Тот — украшенье юных всех сердец,
А тот в науке юности мудрец.

Тот ревностью в науке знаменит,
А тот любых ученых посрамит.

Известен первый: этот человек
По праву носит имя Мирза-бек.

Когда же о другом заговорят,—
Вот Мир-Дервиш! — воскликнут стар и млад.

С одним разлука душу мне сожгла,
С другим разлука горе принесла.

И стало жить намного тяжелей,
Когда о них мне больше нет вестей.

Коль что о них услышишь, дай мне знать,
Спеши все, что расскажут, передать.

И, если на пиру они в раю,
Разлука увеличит грусть мою.

Пусть бог тебя навеки сбережет,
А кравчий чашу радости нальет.

Наполнив чашу жизни через край,
Подарком каждый новый день считай.

Проверь, верна ли людям жизнь была
И что им подарила, кроме зла?!

Знай, не бессмертны в мире шах иль бек,
Где сам прощенный богом шах иль бек?

Войска Султана-мученика где?
Смерть всех их привела к своей черте.

Где, где Камбер-Али и где Мазид,
Где сам Султан и где же Нур Саид?

Себя великим каждый мнил всегда,
От них же не осталось и следа.

Они ушли, но сам ты вечен будь,
И верь, что к вечности найдешь ты путь.

Вино свершений в чаше — вот залог
Твоей удачи. Да поможет бог!

* *
*

О кравчий, в чашу лей вино всегда,
Вино ведь — солнце, чаша же — звезда.

Не тот Сухейль, что красит шелк пестро,
В цвет розы облекает серебро.

К Сухейли сердце бедное летит
И к другу сердце бедное летит.

Коль не найду его в пути своем,
Я чашу выпью с мыслями о нем.

Я глаз своих красой не озарю,
Но, думая о нем, так говорю:

«О, лучший из людей, два друга есть
В твоей душе: и знание и честь.

В таких глубинах жемчуг твоей живет,
Что та вода «живой водой» слывет.

Подобного тебе нет существа,
Ты счастлив тем, что мысль твоя жива.

И небо, кем всегда ты был любим,
Тебя считает баловнем своим.

Ты был мне другом, ближе всех других,
Наперсников глубинных тайн моих.

Немало было бед в моей судьбе,
Но где ты, чтоб сказать о них тебе?

Нас разлучил с тобой жестокий рок,
Разлукою он сердце мне обжег.

Была и прежде боль моя тяжка,
Теперь удел мой — горе и тоска.

Будь счастлив, небесам воздав почет,
Свободен будь от жизненных невзгод.

Жизнь коротка, но что грустить о ней,
Будь счастлив и теченьем кратких дней.

В чьих строчках жемчуг россыпью горит,
Тот каждой точкой чудеса творит.

Чья речь — сплетенье драгоценных слов,
Тот может оживить и мертвецов,

Иди за тем, что вечно впереди —
Хосров, Салман, Кемаль и Саади.

Хотя по воле неба их уж нет,
Один их заменяешь ты, поэт.

С кем ты на состязанье ни идешь,
Ты, душу взяв, свою ему даешь.

Кому бы стих ни прочитал ты свой,
Он радостно откликнется душой.

Будь радостным, живи — в конце концов
И горя не беги — в конце концов.

Кто б ни пришел для слова твоего,
Веселой речью оживи его».

* *
*

О кравчий, сладость кто душе нальет?
Напильник волн пусть горе мне сотрет.

Придется выбравшему те пути
Неприглашенным к кравчему придти.

Свиданье я тогда устрою с ним,
Беседу словом я начну таким:

Певец, у стихотворца твоего
Волшебник — мысль, а буквы — колдовство.

В поэзии ты умный водолаз,
Стихи твои — то жемчуг, то алмаз.

Едва ты по листу провел пером,
Уже стихов собрался целый том.

Как будто Анвари иль Хакани
И Ферьяби иль сам Исфагани.

Живую воду слов ты отцедил
И душу ты живую в них вложил.

Стих восхваления почти угас
И был давно в забвении у нас,

Но все касыды в творчестве твоем,
Что из чернил ты выводил пером,

По сути это целый мир живой,
А буквы стали «вечной чернотой».

Тому, кто сыплет жемчуга с пера,
Тому забыть о скупости пора.

Чем меньше слов, тем совершенней стих,
И в том достоинство касыд твоих.

* *
*

О кравчий, чашу-зеркало налей,
Чтоб с сердца ржавчину сняла скорей.

Вино — как роза, в чаше — блеск зеркал,
А смешанный их цвет, как роза, ал.

Я с этой чашей, полною ума,
Раскрою то, что значит речь сама.

Ты мысль мою узнаешь наперед,
И к ней моя беседа поведет.

Знай, что в предвечности, когда господь
Вложил себя в им созданную плоть,

Дух еще не был с плотью сопряжен
И мир наш еще не был сотворен.

Семь климатов и девять есть небес.
«Да будет!» — и прекрасный мир воскрес.

Лишь для тебя рожден был этот свет,
И в созданном тебе замены нет.

Земля, и небо, и просторы вод,—
Никто из них спины не разогнет.

Ты это время вынес на себе,
И тайны духа ведомы тебе.

Ты многих в удивление привел,
Все видели, как жребий твой тяжел.

Друзей, тебе подобных, знал и я,
Их на своих беседах видел я.

На небо в звездах обращая взор,
Они вели свой долгий разговор.

А звезды — искры вечного огня —
Оставили тебя, как и меня.

Но мне ль себя находкой называть?
Так лишь тебя могу именовать.

Старайся уж меня развеселить
И так живи, чтоб каждый миг ценить.

Ведь жизнь — мгновенье, только и всего,
Желанье Хызра — только и всего.

* *
*

О кравчий, чашу-море дай мне пить,
Чтоб мне тем морем жажду утолить.

Когда я стану море выпивать,
Дай сотню мне жемчужин разбросать.

Жемчужинами капли упадут
Рубин иль жемчуг — все, как пламень, жгут.

Рубином, раскаленным, как звезда,
В сердца людей ударю я тогда.

Пускай повсюду скорбный стон стоит,
Мое пусть сердце бьется о гранит.

И, как безумный, крик я подниму,
Как пес бездомный, вой я подниму.

И вздох из сердца я издам такой,
Что солнце обернется пеленой.

Греха в том нет, что я ума лишен,
Подумай только, с кем я разлучен.

Где тот, кого и небо над землей
Не видит, путь свершая круговой,

Подобного ему среди людей
Напрасно я ищу до этих дней.

Быть может, с той поры, как мир в пути,
Уж нет возможности его найти.

Среди людей мудрейших он имам,
В мир истины вознес его ислам.

Ведь он из тех, кто, не жалея сил,
Поборником суфистской правды был.

В его груди сто тысяч есть миров,
А в сердце — трон ста тысяч мудрецов.

И всех его достоинств верный знак —
Блеск молний, что рождает каждый шаг.

Другой, идущий к лестнице крутой,
Ступеньки не достиг бы ни одной.

«Вершина знанья» — скажет ум о нем,
А умник скажет: «Есть безумье в нем».

Наукою прославлен меж людьми,
Всегда суфистом мудрым был Джами.

Он — солнце, мне ж пылинкой только быть.
С землею солнце можно ли сравнить?

Стократно повышая свой предел,
С ним не сравнюсь я, как бы ни хотел.

В полете мысли он пера не гнал,
Мое он имя и не называл.

Но моему перу внушил слова
Такого же живого естества.

Он близостью к себе меня почтил,
Мне имя друга щедро подарил.

Но солнце каждый раз идет в закат,
А мне грустней без солнца во сто крат.

Казаться терпеливым должен я,
Но как разлука тягостна моя!

Быть может, чаша, данная тобой,
Мне возвратит утраченный покой.

* *
*

О кравчий, дай вина небытия,
Чтоб видел я исход небытия.

И пьяным от вина небытия
Войду я в кабачок небытия.

Пойду к гулякам вместе с ними пить
И с пьяницами чашу осушить.

От чаши бренности бесстрашным став,
Я сам в лохмотьях перейму их нрав.

Хоть он всесилен и душой высок,
Небытия он одолеть не мог.

Пусть тело было погруженным в прах,
Гореньем духа был он в небесах.

Соблазна собственного «я» лишен,
Безгрешен и суфист скромнейший он.

Там, в бренности, неведом он всегда,
От существа его нет и следа.

Мне внешне он наставник и отец,
Но в самом деле вещий он мудрец.

Я рабству этому безмерно рад,
Зовет меня он: сын, товарищ, брат.

От тягот всех, что шлет нам существо,
Я находил спасенье у него.

Он — помощь мне, когда я удручен,
Сомненье духа разрешает он.

Сейид прозваньем, по имени Хасан,
В том и другом он слава наших стран.

Ему и небо, где идет всегда,
С желаньем нашим, с мыслями вражда,

Дорогу указало в райский сад,
А я попал в разлуки сущий ад.

Печальным стал я, жизни свет исчез,
Рыдаю я под сводами небес.

Когда теряем мы таких людей,
Нам остается плач и гнет скорбей.

Мне трудно было б муки выносить,
Когда бы мне надеждою не жить.

Но как же быть, чтоб излечить недуг?
Одно вино теперь мой верный друг.

* *
*

О кравчий, по-ирански лей вино
Пусть с песней усладит меня оно.

По-пехлевидски чашу мне налей,
Пускай вино, как море, будет в ней,

Чтоб, ум и память не теряя зря,
Ее я выпил в честь богатыря.

Приверженцев суфизма вождь и шах,
Великий он знаток в его делах.

В уединенье неба — солнце он,
И, как Иса, от мира отрешен,

По силе — десяти слонов сильней,
А по смиренью — сущий муравей.

Небоподобный стол гостей зовет,
За ним — всем уваженье и почет.

Готов он пир устроить беднякам,
Но среди них, как нищий, скромен сам,

Когда ж воздвиг Нимат Абад,
По милости его народ богат.

Была лепешка каждому дана,
Как солнце горяча, кругла она.

Он рвение к наукам проявил,
В любой из них он одаренным был.

В познаниях явил он волшебство,
Жемчужины в морях стихов его.

Для сильных — он соперник силе их,
Печальник он — для слабых и больных.

Для раны пластырь он, целитель мук,
И сорок лет, как он слуга и друг.

В заветных тайнах он наперсник мне,
Я всем готов делиться с ним вполне.

Из всех, кто здесь беседует со мной,
Единомышленник он верный мой.

И вот враждебным небом также он
С моей душой печальной разлучен.

В разлуке с ним покой утратил я,
И горько льется жалоба моя.

От памяти мне не уйти, скорбя,
Где то вино, чтоб мне забыть себя?

* * *

О кравчий, дай скорей вина любви,
Душа моя вся отдана любви.

Такого дай вина, чтоб тот, кто пьян,
Мог тела своего спалить хирман.

Когда начнет огонь тот душу жечь,
О пламени любви начну я речь,

О том, что сделала со мной любовь,
И с телом, и с душой больной — любовь.

Веселым был пленен я божеством,
И позабыл я о себе самом.

Едва к той пери охватила страсть,
Позволил сердцу я в безумье впасть.

Когда любви безумство не избыть,
Возможно ль долго тайну сохранить?

А тот, кто другом назван был моим,
Кто так же был любовью одержим,

Не мог мучений вытерпеть моих,
Когда ему я рассказал о них,

Но если б я о них не говорил,
Он тайну бы мою и так открыл.

Мне мука тело слабое сожгла,
На голову мою тоска пришла.

Мне небо мстит жестокости мечом,
Не только небо — мир и все кругом.

Кто был мне другом на пути моем,
Отныне самым злейшим стал врагом.

Нет, не они язвят, как жалом змей,—
Земля и небо рушат дождь камней.

Все близкие разят меня сейчас,
А женщины иголкой тычут в глаз.

Теряя жизнь, уже я свален с ног,
От слабости уже на землю лег.

Моим болезням даже счета нет,
И мне теперь не мил весь белый свет.

Я в теле сто недугов увидал,
Сто пыток я душою испытал.

Когда ж решил я умереть, стеня,
Прочь все врачи бежали от меня.

Когда ж к небытию я сделал шаг,
Надежду близости мне подал шах.

В огне тех слов надежду я обрел,
В миг смерти в них спасение нашел.

Но мне, бедняге, близость не дана,
В воображенье лишь живет она.

Учеников немало я привлек,
Но ни один из них мне не помог.

Тот, кто в любви мученьем был моим
И с кем в разлуке горько я томим,

Мне не сказал: «На свете есть больной,
В любви сгоревший — я тому виной,

Он, раненый, в развалинах умрет,
Разлукой опечаленный — умрет.

Спросить о сердце горестном пойду,
И в тело лаской жизнь я приведу.» —

Уже два года, как томим я сам,
И каждый миг в них равен двум годам.

Теперь есть на губах его пушок,
Волосяной покров на щеки лег.

Он иногда и смотрит на меня,
Глядит, как таю я день ото дня,

Но разве знать, друзья, мне суждено,
С кем ныне пьет он чистое вино!

Каким любовным предан он мечтам,
Где допьяна пирует по ночам?

Кому беда такая суждена,
Пусть одинокий пьет — и допьяна!

* *
*

О кравчий, дай мне хоть один глоток,
Будь милосердным — я ведь одинок.

Дай чашу мне, печаль в душе храня,
Жалея одинокого меня.

Мне каждый миг о горестях грустить,
Об одиночестве мне слезы лить.

Немало в этом мире я ходил,
По миру беспредельному ходил.

Бывал средь тех, чья вера высока,
Бывал и среди пьяниц кабака,

Я видел беды множества людей,
Средь многих скопищ множество скорбей,

Могущество я, знатность, счастье знал,
Богатство и высокий сан я знал.

Все, что искали люди, я нашел,
Но от всего я отряхнул подол.

Все, что влечет нас, было на пути,
Лишь верности не мог нигде найти.

От тех, к кому был верностью согрет,
Лишь сто жестокостей имел в ответ,

Кому помог найти я правый путь,
Те в глаз стрелу стремились мне воткнуть.

А тот, пред кем я голову склонял,
Меня камнями тотчас осыпал.

Кому хвалу мой говорил язык,
Те на куски мой резали язык,

В чью честь хотел я слово написать,
Тот руку, как тростник, мне мог сломать.

Любил я — и жестокость я познал,
Нес душу — и несчастье я познал.

Нет, верности не сыщешь меж людей,
И это боль несет душе моей.

Наверно, так устроен этот свет,
Что доброты в сынах Адама нет.

Страдаю я, мне горечь не забыть.
Но как созданьями такими быть?

Когда б свой ум я обманул, скорбя,
Я этим бы оклеветал себя.

Правдивых, честных в этом мире нет,
В долине, в городе, в пустыне нет.

Один лишь я иначе одарен,
Я не таков, кто верности лишен.

Но лучше мне тех слов не говорить,
Я сам налью вина и буду пить.

Кто ж чашу верности мне поднесет,
Не примешав к ней горя и забот?

Пить в ночь веселья буду без стыда,
Чтоб пьяным быть до страшного суда!

* *

*

О кравчий, поднеси, как друг, вина,
Пусть будет чаша дружества полна.

Ведь память о друзьях, когда я пью,
Огонь льет в душу скорбную мою.

На красоту наброшенный покров —
Как солнце за грядою облаков.

Один из них был мудрый Муаммаи,
Он жил в пустыне, от людей вдали.

Другой, что музыкой влек души вдаль,
Со спутником своим — ходжа Кемаль.

Мир Садр единомышленник был мой,
И он в искусстве не кривил душой.

Мой друг Тенбель жил в чистоте души,—
И сам хорош, и речи хороши.

Еще один — Сабзарский был Алим,
Беседовать приятно было с ним.

По разному дружили все со мной,
И все ушли, окончив путь земной.

Так буду пьян я памятью о них,
Что уж друзей не захочу иных.

* *
*

О кравчий, я прошу тебя, полней
Мне чашу благодарности налей,

Чтоб утопил я жалобы в вине
И благодарность выразил вполне.

Язык, что жаловаться мог порой,
Не чужд и благодарности живой.

Хотя друзей я многих потерял,
Круг новых у меня не так уж мал.

Один из них таков, как Атаи,
Другой же, как дервиш, как Фанаи,

Один на небе знанья — солнца лик,
Другой же небом знанья быть привык.

Во всем тончайшим вкусом одарен,
Решителен и тверд душою он.

Есть Асафи, таких стихов творец,
Что Сулейман свой отдал бы венец.

Встречался я и с Бенаи, но он
В науках был не очень изощрен.

Еще был друг для горестного дня,
Любил порой он посещать меня.

Есть Мешхеди — от всех отличен он
И благородством духа одарен.

Есть Шафии, святилище ума,
Он заслужил прозванье «муамма».

Есть тот, кто к чаше истины приник,
Друг, верный спутник мой и проводник.

Катиб безумный; он, когда придет
Охота, отвлекает от забот.

Еще есть несколько; пускай их бог
Всегда оберегает от тревог.

Не говорю я нынче о других,
В «Собраниях» написано о них.

Одни среди пустынь небытия,
Другие живы — этим счастлив я.

Мне небо есть за что благодарить,
Из благодарности я стану пить.

Разлука или близость — все равно
Я осушу до дна свое вино.

* * *

О кравчий, отдыхая от забот,
Налей мне чашу, путь меня зовет,

Налей в кувшин мне алого вина,
Чтоб, воспарив, душа была пьяна.

Навек с земным прощаясь бытием,
Тебе махать я буду рукавом,

Пока в тот тленный мир не попаду,
На пир гуляк, наверно, я приду,

Целуя землю, буду всем служить,
Как кравчий, чашу подавать и пить,

И, выпивая свой бокал до дна,
Как и они, воспряну от вина.

Пока рабы небытия пьяны,
Поклонники вина все пить должны:

И за царя царей (почтенья знак!),
И за Абулгази, царя гуляк,

Вслед бедняку, что дни влачит свои
Подобно горестному Навои,

Мы станем петь, возбуждены вином,
Свои моленья воссылать о нем.

Пока в движенье кубок-небосвод,
Пока вино людской вкушает род,

Пусть будет он при шахских жить дворах,
И кравчим шаха будет на пирах.

И пусть, как солнце, он взойдет в зенит,
Джемшида чаша пусть его поит.

Пока судьба свой не свершит закон,
Пусть нами вечно будет править он.

Святые на него молитвы шлют,
И ангелы «аминь» ему поют.

ФАРДЫ

Все отдать, себя лишая, — это щедрость свыше мер,
Сделать то же, только молча,— это мужества пример.

Дородность тела — нам всегда отягощает бытие,
Душе спокойней во сто раз освободиться от нее.

Обманщик должен быть хитер, внимания не привлекать,
Так тихо крадется лиса, чтоб птичку быструю поймать.

Тот, кто учтив и кто не скуп, вдвойне свой одарил народ:
Мир — от спокойствия его, благоустройство — от щедрот.

От людей звероподобных ждать привета и добра —
Все равно, что юной розе пожелать любви козла.

Знай — обирающий народ бывает алчным до конца,
А кто заботится о нем, всегда влечет к себе сердца.

Знай — настоящий тот глупец, кто вечности от мира ждет,
И, несомненно, тот дурак, кто верности от ближних ждет.

Кто тебе приносит сплетни, не щадя в них никого,
Тот пред ними обесчестит и тебя же самого.

Друг обвинит — молчи; он хочет, чтоб в зеркало упал твой взгляд,
Коль мутно в зеркале, не думай, что в этом друг твой виноват.

Разбито сердце, дом терпенья вот-вот на землю упадет,
Поймет ли кто мое увечье, не испытав моих невзгод?

В этих полных горя вздохах траур жизни я таю,
В каждом вздохе — сотня вздохов, сокративших жизнь мою.

РУБАИ

* * *

О нравоучитель! Странно ль, что за лунный серп бокала
Я закладываю коврик для молитвы у менялы?

Ведь молитвенный поклон перед кабатчиком сначала
Я свершу — ему и коврик за вино отдать пристало.

* * *

Если, грех совершив, человек будет каяться,
То, тем самым свершив новый грех, будет каяться.

Так грешить будет он весь свой век, снова каяться,—
О аллах! От такого греха мне навек бы закаяться.

* * *

Что за лицо! — На нем румяна — грязной пыли слой.
Что за глаза! — Их подводить усьмой — лишь вздор пустой

Какие брови! — Крася их, испортишь лишь усьмой.
От этих глаз, бровей, лица я потерял покой.

* * *

Я получил твое душевное посланье вновь,
Покой настал в душе моей печальной вновь.

В нем буква каждая мне тело оживила вновь,
В нем слово каждое жизнь вечную сулило вновь.

СЛОВАРЬ

Абдулмухсин — сын султана Хусейна.

Абдулгази ибн Байкара (Гази) — султан Хусейн, потомок Тимура, правитель Хорасана.

Азраил — ангел смерти.

Айван — открытая галерея, портик.

Алим Сибзарский — поэт, старший современник Навои.

Алиф — первая буква арабского алфавита, представляющая собой вертикальную черту; в поэзии — символ стройности.

Алоэ — дерево, дающее при горении ароматный дым.

Амбра — ароматическое вещество.

Арас — Аристогель.

Аргаван (аргуван) — козловое, или иудино дерево; в определенное время года аргаван теряет кору, и оголенный ствол его приобретает ярко-красный цвет.

Астрабад — город в Хорасане.
Асафи — гератский поэт, современник Навои.
Атаи — узбекский поэт, старший современник Навои.
Ашканиды — династия Кушанов, правителей Хорасана.
Бадахшан — область в Таджикистане.
Балх — город в Хорасане.
Батыр — богатырь.
Бахман — легендарный царь древнего Ирана.
Бахрам — один из древнейших иранских шахов.
Бенаи — поэт, современник Навои.
Вамык — лирический герой многих поэм Востока.
Газель — лирическое стихотворение, преимущественно любовного содержания.
Гариби — поэт, сын султана Хусейна, умерший в молодости.
Гарун (Харун) — Аарон, брат библейского Моисея.
Гулистан — цветник роз.
Гурия — прекрасная райская дева.
Дастан — поэма, сказание.
Дервиш — странствующий монах.
Диван — 1) государственный совет, правительственная канцелярия: 2) собрание лирических стихотворений, где стихотворения расположены в алфавитном порядке последних букв рифмующихся слов.
Дирхем — мелкая серебряная монета.
Джами — знаменитый персидский поэт Абдаррахман Джами.
Джейхун — древнее название Аму-Дарьи.
Джемаль-ад-дин — ученый-теолог из Хорасана, XV в.
Джемшид — мифический царь древнего Ирана, при котором люди жили в полном блаженстве, не зная болезней, старости и смерти. По преданию, у Джемшида была волшебная чаша; глядя в нее, царь мог видеть все происходящее в мире.
Дутар — двухструнный музыкальный инструмент.
Зикр — танец дервишей.
Зуннар — пояс, который носили приверженцы религии зороастризма; так же мусульмане называли и пояс христианского монаха; «надеть зуннар» — значит, отречься от ислама.
Имам — духовное лицо.
Индиго — ценная синяя растительная краска.

Иса — Иисус; по верованиям мусульман, он обладал способностью воскрешать мертвых посредством своего дыхания и считался пророком, жившим до Мухаммеда.

Искандер — Александр Македонский.

Ислам — мусульманская религия.

Исфагани — персоязычный поэт.

Кааба — название храма в Мекке, священном городе всего мусульманского мира; черный камень, вделанный в стену храма, почитался святилищем, к которому прикладывались правоверные.

Кавсар — название одного из райских источников.

Кейхосров — царь кейянидской династии.

Калам — тростниковое перо.

Каландар — странствующий дервиш.

Камбер-Али — военачальник, старший современник Навои.

Касыда — восточная ода.

Касым Анвар (Анвари) — иранский поэт, старший современник Навои.

Каф — мифическая гора.

Каюмерс — первый человек и первый правитель в древнеиранской мифологии.

Кебаб — шашлык.

Кемаль — персоязычный поэт.

Кеяниды — мифическая династия царей древнего Ирана.

Кураган — титул Амира Тимура, что значит — зять; Тимур взял себе этот титул с политической целью.

Курултай — съезд, собрание.

Кыбла — направление в сторону Мекки.

Кыпчак, кият — название тюркских племен.

Кяфир — гуяр, неверный, язычник.

Лал — рубин, в восточной поэзии — губы красавицы.

Лейли — имя лирической героини произведений многих классических поэтов Востока.

Маг (муг) — так называли мусульмане представителей зороастрийского духовенства.

Мазид — военачальник, старший современник Навои.

Майхана — кабачок.

Мани — по преданию, чудесный живописец.

Марьям — религиозный мифический персонаж, дева Мария.

Меджнун — лирический герой многих поэм Востока, синоним страстно влюбленного.

Мерв — город в Туркмении.

Мессия — мифический иудейский бог, обладавший даром при помощи одного дыхания воскрешать мертвых.

Мешхеди — Султан Али, художник-каллиграф, создавший гератскую школу каллиграфии, переписчик многих произведений Навои. Переписанные им рукописи считаются произведениями искусства книжной графики.

Мим — название буквы «м» арабского алфавита.

Мир-Дервиш — младший брат Навои.

Мир Садр — современник, друг Навои.

Мираншах — сын Тимура.

Мирза — прибавление к имени, указывающее на принадлежность к высшим слоям общества.

Михраб — ниша в мечети, указывающая направление Мекки.

Муаммаи — поэт, современник Навои.

Мумин — внук султана Хусейна.

Мусалсал — сцепленный цепочкой, запутанный.

Надири — поэт, современник Навои.

Нимат Абад — сад в Герате.

Нур Саид — военачальник, старший современник Навои.

Огар — название тюркского племени.

Онагр — дикий осел, гур.

Палас — восточный ковер без ворса.

Парвиз — Хосров Парвиз, иранский шах из династии Сасанидов.

Пехлевиды — династия иранских шахов.

«Пятерица» — сборник пяти поэм Навои.

Рум — Византия и некоторые владения Малой Азии; так в восточной поэзии называется Запад вообще.

Рустам (Рустам, сын Зала) — главный герой «Шахнаме» Фирдоуси, по преданию, самый сильный, непобедимый герой.

Рута — растение, окуривание которым якобы оберегает от «дурного глаза».

Саади — знаменитый иранский поэт.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Саманиды — династия бухарских правителей.

Сандал — дерево, известное своими ароматическими свойствами.

Санджар — правитель Мерва (XV в.).

Сейид Хасан — старший современник Навои, друг и наставник.

Султан — Султан Абулкасым Бабур.

Султан Вайс — сын Султана Хусейна.

Сулейман — библейский царь Соломон. По преданию, ему было из-

вестно таинственное «высшее имя» бога; владея им, он якобы повелевал не только всеми людьми, но и зверями, и духами.

Суфий — последователь суфизма.

Сухейли — поэт, старший современник Навои.

Тенбель — друг, современник Навои.

Тулпар — волшебный конь в эпосе среднеазиатских народов.

Угедей — правитель из рода чингизидов.

Факих — мусульманский законовед, знаток религиозного права; священнослужитель, совершающий брачный обряд.

Фанаи — поэт, современник Навои.

Фархад — лирический герой многих поэм Востока.

Феридун — один из мифических царей древнего Ирана.

Хайбар — укрепленный пункт в северном Хиджазе.

Хайдар Хасан — сын Султана Хусейна.

Хаваран — общее название восточных областей Ирана.

Хакани — знаменитый азербайджанский поэт.

Ханаанская луна (месяц Канаана) — эпитеты Юсуфа (Иосифа Прекрасного) из Каньона.

Хиндустан — Индия.

Хусейн Ибрагим — сын Султана Хусейна.

Хушенг — мифический царь Ирана.

Хызр — мудрец, сопровождавший Искандера в его походе за живой водой.

Хырка — рубище дервишей-суфиев.

Чанг — струнный музыкальный инструмент.

Човган — спортивная игра, род поло; всадники особыми клюшками отбивают друг у друга шар и загоняют его между двух столбов.

Шабистан — 1) спальня, опочивальня, 2) царство ночи, тьмы, мрака.

Шафии — поэт, современник Навои.

Шейх-уль-ислам — высший духовный титул в мусульманской религии.

Ширин — героиня поэм многих восточных поэтов.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный.

Ятаган — изогнутый меч.

Ятуган — музыкальный инструмент.

Яфет — древнее кавказское племя (по имени Яфета — одного из сыновей Ноя).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алишер Навои является одним из тех всесторонне развитых и прославленных гениев в истории человечества, которые в условиях феодального бесправия, мракобесия и религиозного фанатизма ислама сумели создать бессмертные произведения о человеческой свободе и счастье, выразить интересы трудового народа и этим самым составили целую эпоху в истории культуры человеческого общества.

На протяжении пятисот лет творчество Навои оказывало огромное благотворное влияние на развитие прогрессивной литературы и передовой общественной мысли народов Среднего и Ближнего Востока. Особенно велико его значение в истории узбекской литературы и в формировании узбекского литературного языка.

Современник поэта Мухаммед Бабур в своих знаменитых мемуарах «Бабурнамэ» писал: «Алишербек был человек бесподобный, с тех пор, как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо». И действительно, Навои оставил после себя огромное литературное наследие. Он создавал подлинные шедевры во всех родах и видах восточной поэзии. Среди произведений Навои лирика была тем жанром, с которого поэт начал свое творчество. По объему она занимает почти третью часть его литературного наследия. Навои оставил нам 45 тысяч строк стихов на узбекском

языке, составляющих четыре дивана (сборник лирических стихотворений) и более 12 тысяч строк стихов на персо-таджикском языке, составляющих его знаменитый сборник «Дивани Фани» (для своих персидских стихов Навои принял поэтический псевдоним Фани — тленный).

Четыре дивана узбекских стихов поэта («Гаройиб ас-сигар» — «Чудеса детства», «Наводир аш-шабаб» — «Редкости юности», «Бадаи ал-васат»,— «Диковины среднего возраста», «Фавоид ал-кибар» — «Полезные советы старости») объединены поэтом в единый лирический свод под общим названием «Хазоин ал-маони» — «Сокровищница мыслей», который представляет собой лирическую эпопею XV века.

Алишер Навои воспитывался на лучших образцах восточной классической поэзии. Он совершенствовал и продолжал лучшие традиции узбекских поэтов: Хорезми, Сейфон Сарои, Атаи, Саккаки, Лютфи, а также персидских поэтов Саади, Хафиза, Эмира Хосрова Дехлеви, Джами и др.

Навои писал стихи в 17 жанрах восточной поэзии (газель, касида, мусаддас, мусамман, кыта, рубаи, сакинамэ, тарих, муамма, фард и другие). Большую часть четырех узбекских и одного персидского дивана составляют газели: 2600 узбекских и 550 персидских. Если поэмы и прозу Навои писал в основном в последнее двадцатилетие своей жизни, то газели он писал в течение всего периода сознательной жизни. Поэтому именно в газелях нашли наиболее полное, яркое отражение формирование и эволюция мировоззрения поэта.

Газель, наиболее распространенная разновидность лирического жанра, обычно состоит из 5, 7, 9 бейтов, т. е. двустиший. Газель возникла из народно-лирической песни и окончательно сформировалась к XIII—XIV вв. В газели каждый бейт, как правило, содержит законченную мысль и имеет как бы самостоятельное значение. Традиционная тематика газели — воспевание прекрасной возлюбленной, всепоглощающей любви к ней. Даже дружественные отношения между товарищами, признательность покровителю изъявлялись в традиционной форме. Однако в период интенсивного развития общественных отношений XIV—XV вв. газель приобретает публицистический характер.

Тематика лирики Навои внешне кажется однообразной, обусловленной традициями средневековой поэзии Востока, но фактически она чрезвычайно разнообразна по форме и многогранна по идейному содержанию. В силу своих пантеистических убеждений Навои в эпоху безраздельного господства идеологии ислама и феодальной эксплуатации воспевает земную жизнь и свободу человека.

Прославление человека, созидательного труда, гуманизма, дружбы между народами, воспевание разума и прогресса составляют тематику лирики поэта. Следует отметить, что Навои значительно расширил тематику средневековой поэзии, обогатил ее содержание философскими, социально-политическими, морально-этическими проблемами.

Лирика Навои — это гимн земной жизни и человеку. Его философская концепция о том, что среди всех существ самым совершен-

ным и священным является человек, и мир создан божеством для человека, ярко выражены в следующем бейте:

Друг! Тебе творцом когда-то мир был в жертву принесен,
Этот дивный акт созданья для тебя был совершен.

Навои был яростным врагом феодального бесправия, гнета и насилия. Он, отлично знавший, что судьба страны и народа немало зависит от правителей, пропагандировал идею просвещенного монарха и резко критиковал тиранов-правителей, грабителей народа:

День и ночь у клада мира восседает шах-дракон,
И со злобою из пасти извергает пламя он.

Быть знакомым, близким шаха — значит, думается мне,
Выжить в пасти у дракона, чудом уцелеть в огне.

Только начал шах тиранить — лег на сердце гнет и лед,
Если шах — тиран душою, лучших дней не жди, народ.

Ханжество и лицемерие служителей религии ислама и проповедников мусульманства беспощадно разоблачаются в одах, газелях, кыта и рубаи поэта. Навои о шейхах писал:

Навои, подобна аду келья шейха на земле,
Там у всех от наставлений след страданья на челе.

Поэт, заклеймивший пламенем ненависти и гнева лживых шейхов, отшельников, проповедников и прочих дармоедов из духовенства, от душевной лирики переходит к юмору, от юмора — к едкой сатире.

В лирике Навои нередко встречаются строки, переполненные гневом на существующий строй. выраженные в форме жалобы и личного страдания. Но это вовсе не является выражением субъективной скорби и стонов поэта. В них отражена внутренняя драма поэта, как трагедия личности в феодальном обществе. Страну свою Навои сравнивает с темницей:

Создает для нас природа и тюльпан, и пышный сад,
Этот сад — моя темница, а в тюльпане — скорби яд.

Мотивы личных переживаний поэта почти всегда переплетаются с мотивами большой социальной важности его эпохи, с судьбою общества:

Сердце жжет недуг любовный, самого себя мне жаль,
В сердце боль моей эпохи и ровесников печаль.

Подвергая резкой критике все виды пороков своей эпохи, поэт призывает людей перестроить жизнь на земле.

Вся лирика Навои пропитана пафосом любви к жизни и человеку. Лирический герой поэта является выразителем идей великого мыслителя, гуманиста и философа, отражающего передовые мысли и идеалы эпохи. Глубокая вера в гуманизм, вера в разум и прогресс составляют идейную основу лирики Навои. Для него принадлежность

людей к той или иной расе или религии не может служить препятствием истинной любви. Навои писал:

Все равно, в кого влюбиться пылким сердцем суждено:
Китаянка, иль армянка, иль индуска — все равно!

Красота у всех прекрасна, кожи цвет тут не при чем,
Китáянка с абиссинкой жгут сердца одним огнем.

В других строках поэт утверждает, что искренняя, возвышенная любовь облагораживает человека:

Навои, когда друг друга люди любят глубоко,
Забываешь о печалях, на душе твоей легко.

Но самое замечательное в лирике Навои, как и в других его произведениях,— это воспевание идей мира и дружбы между народами. Поэт писал:

Поймите, люди мира, вражда — плохое дело,
Жить меж собою в мире — нет лучшего удела.

Эти слова и в наши дни звучат как гимн миру на нашей планете. Все передовое и все прекрасное, воспетое в лирике поэта, в нашу эпоху становится достоянием миллионов читателей и будет служить эстетическому воспитанию и воспитанию благородных качеств наших современников.

Лирика Алишера Навои неоднократно переводилась на русский язык. В 1939 г. Отделение общественных наук Академии наук СССР вынесло постановление об издании десятитомного собрания сочинений Алишера Навои на русском языке к 500-летнему юбилею поэта. Вероломное нападение гитлеровской Германии помешало своевременному празднованию юбилея поэта и выпуску его произведений на русском языке. Однако ленинградские ученые-востоковеды, поэты-переводчики в дни блокады, в декабре 1941 г. широко отметили 500-летие со дня рождения великого узбекского поэта. Были проведены научные конференции в Эрмитаже и Институте востоковедения АН СССР, где кроме научных докладов, были прочитаны переводы газелей Навои. Для переводов газелей с линии огня был отозван поэт Вс. Рождественский, который в дальнейшем всю свою переводческую деятельность связал с именем узбекского поэта. Переводы многих газелей прекрасно, с большим мастерством были выполнены и прочитаны покойным ученым-востоковедом, поэтом Н. Лебедевым. Они-то и легли в основу издания лирики Навои, осуществленного в 1948 г. под редакцией член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса.

В дальнейшем лирика Навои издавалась в антологиях, сборниках. В 1965 г. издательство «Советский писатель» в малой серии «Библиотеки поэта» выпустило сборник «Стихотворения и поэмы» Алишера Навои, составленный С. Ивановым, куда вошли 150 газелей, кыта, рубаи, туюги, отрывки из тарджибандов. В этот сборник включены почти все переводы газелей из прежнего сборника и новые переводы ленинградского ученого-тюрколога, поэта-переводчика С. Иванова, сделанные, как и переводы Н. Лебедева, с оригинала.

В связи с празднованием 525-летия со дня рождения Алишера Навои правительством Узбекистана было принято постановление об издании десятитомного собрания избранных сочинений гениального поэта — гордости узбекского народа, с тем чтобы сделать их достоянием широкого круга читателей нашей многонациональной страны.

Первые два тома десятитомника составляет лирика Навои. В переводе газелей, кыта, рубаи, сакинамэ, тарджибанда и других произведений поэта приняли участие крупнейшие поэты-переводчики нашей страны: Вс. Рождественский, С. Иванов, Н. Ушаков, Т. Стрешнева, Т. Спендиарова, В. Липко, Е. Аксельрод, П. Железнов, С. Сомова и многие другие.

Перевод лирических жанров был осуществлен с критического текста лирики Алишера Навои, выпущенного издательством Академии наук УзССР в 1959—1960 гг. В десятитомник вошло более девятисот газелей в нем представлены почти все жанры лирики поэта. Поскольку переводы и издание осуществлены в короткий срок, возможны некоторые недостатки в переводах, которые, надеемся, будут исправлены в последующих изданиях.

Хамид Сулейман

СОДЕРЖАНИЕ

Газели

Чудеса детства

«Коль на встречу надежды горит огонек для меня...» Перевод *Д. Лукашевич* 5

«В гиацинтах кос твоих мускус найден мной давно...» Перевод *А. Сендыка* 7

«Принял от людей немало я на этом свете мук...» Перевод *П. Железнова* 8

«Если б в водах отразились рядом с ней мои черты...» Перевод *П. Железнова* 9

«Всадник на соревнованье бьет тулпара по бокам...» Перевод *П. Железнова* 10

«Лицо твое — месяц на небе, а небо — твой конь голубой...» Перевод *С. Сомовой* 11

«Ах, какой тиран ужасный дал ей силу зло творить?..» Перевод *П. Железнова* 12

«Взор-кинжал мне сердце ранил, глубоко вонзившись в грудь...» Перевод *П. Железнова* 13

«Без тебя разлуки пламя жжет меня за часом час...» Перевод *П. Железнова* 14

«Сердце раненое стонет. Стал мишенью я — гляди!..» Перевод *П. Железнова* 15

«Верю я, что мертвых могут оживить рубины уст...» Перевод *П. Железнова* 16
«Словно нищий, стою у твоих золоченых ворот...» Перевод *Д. Лукашевич* 17
«Небо сделалось мое от питья разлуки горьким...» Перевод *А. Кронгауза* 18
«Кипарисостанная поверит вмиг моей вине...» Перевод *А. Кронгауза* 19
«Тронет кудри твои гребень — слышу слово «мусалсал»...» Перевод *П. Железнова* 20
«Взор соперникам бросая. ты бросаешь в страх меня...» Перевод *П. Железнова* 21
«Опять товарищем моим с тобой в разлуке горе стало...» Перевод *А. Голембы* 22
«Взор твой вдруг мрачнее ночи в гневе и презренье стал...» *П. Железнова* 23
«Напрасно к ристалищу страсти гонит коня она...» Перевод *А. Сендыка* 24
«С удивленьем пальчик тонкий на ее устах застыл...» Перевод *А. Железнова* 25
«Ты родинку прячешь, а брови — они, как теснины...» Перевод *С. Сомовой* 26
«Снарядила корабль — нам разлука опять суждена...» Перевод *Д. Лукашевич* 27
«Как гарцует она! Как танцует под ней вороной!..» Перевод *Д. Лукашевич* 28
«Луна, обыграла ты в нарды красавиц... О боже...» Перевод *С. Сомовой* 29
«Увы, сто тысяч раз — увы!.. И где ты ныне, друг?..» Перевод *С. Сомовой* 30
«На лице твоем трепещет золотистая фольга...» Перевод *А. Кронгауза* 31
«Оживляет больного кокетки ласкающий взгляд...» Перевод *А. Кронгауза* 32
«Запрещаете, о люди, мне безумия недуг...» Перевод *А. Кронгауза* 33
«На дорогу в рай не сменю улицу твою никогда...» Перевод *А. Кронгауза* 34
«Нет, не только очи твои черны, о красавица черноокая...» Перевод *А. Голембы* 35
«А если черный глаз — огонь костра в пустыне...» Перевод *С. Сомовой* 36
«Стрелу храню в душе, и явным огорченью не быть...» Перевод *С. Сомовой* 37
«На улице твоей лежу больной...» Перевод *Т. Спендиаровой* 38
«Ранив грудь, помочь раскрыться сердцу власть кому дана?..» Перевод *Т. Спендиаровой* 39
«Каменносердая в свой сад спустилась в полночь. Удивлен...» Перевод *Т. Спендиаровой* 40

«Свеча горела в темноте. Свеча в слезах сгорела...» Перевод *С. Сомовой* 41
«Благочестивая с виду, пить ты вино начала...» Перевод *В. Звягинцевой* 42
«Встретив тебя, твердил я: подруга любимая есть...» Перевод *В. Звягинцевой* 43
«Кипарис подобен розе увлажненной — говорю...» Перевод *В. Звягинцевой* 44
«Ее глаза лишь неприметно мигнут — и счастьем грудь полна...» Перевод *С. Сомовой* 45
«От ухода милой пери жизнь печальною была...» Перевод *С. Сомовой* 46
«Коль кричит воронье на пиру у любимой моей...» Перевод *Д. Лукашевич* 47
«О как прекрасен мой кумир, его цветок — фиалка...» Перевод *С. Сомовой* 48
«Сказал я: «Губ твоих бутон, как алый лал!» — и что же...» Перевод *С. Сомовой* 49
«От поста и лицемерья избавляясь, пей вино...» Перевод *С. Сомовой* 50
«Мне разлуку с тобой, словно бремя, нести суждено...» Перевод *Д. Лукашевич* 51
«Дело прекрасной — в човган, укрощая коней, играть...» Перевод *А. Сендыка* 52
«Ах, долго ли будет терзать мое тело разлука?..» Перевод *А. Сендыка* 53
«Кто на пиршестве вздыхает? Чаша им полней нужна?..» Перевод *Е. Аксельрод* 54
«Твое лицо для всех людей как ясный свет, ты знаешь...» Перевод *Е. Аксельрод* 55
«Камень горя привязала к телу без пощады ты...» Перевод *Е. Аксельрод* 56
«Едва прижал к груди письмо — затрепетало сердце...» Перевод *Т. Боровковой* 57
«При виде розовых щек, из-под век у меня всегда...» Перевод *А. Сендыка* 58
«Ветер кудри ей треплет, в лице ее — пламя похмелья...» Перевод *А. Голембы* 59
«Сад, как я, пожелтел; онемел, как и я, соловей...» Перевод *Т. Боровковой* 60
«Пробудившись на рассвете, засвети свечу томленья...» Перевод *А. Голембы* 61
«Лишь взглянул на эту пери, очи прелестью пьяня...» Перевод *А. Голембы* 62
«Как странно, что стало лицо мое желтым, а слезы краснеют...» Перевод *Т. Боровковой* 63
«От синих язв камней разлуки я погорел средь бела дня...» Перевод *А. Голембы* 64
«Темная ночь наступила — где же ты, мой огонек?..» Перевод *Т. Боровковой* 65

«Вновь стал я притчей во языцах, вошел в пословицу в любви...» Перевод *А. Голембы* 66
«Ночами образ луноликой являлся мне, я горько плакал...» Перевод *Т. Боровковой* 67
«Я отдал так много любви — любви я в ответ не нашел...» Перевод *Т. Боровковой* 68
«Клялся он, что друг мой верный, даже плакал от обиды...» Перевод *Т. Боровковой* 69
«На рассудок мой и сердце эти очи покусились...» Перевод *А. Голембы* 70
«Я тот, кого обидел свет, тот, в чьей душе и в сердце — мгла...» Перевод *А. Голембы* 71
«Без тебя поток слезинок я в стремнины превратил...» Перевод *А. Голембы* 72
«Сердце кровью из ран обагрить я сумел...» Перевод *А. Голембы* 73
«Кто, каждую ночь просыпаясь, рядом не видит подруги...» Перевод *Т. Боровковой* 74
«Что бы ни искала в сердце — там одну печаль найдешь...» Перевод *Т. Боровковой* 75
«От разлуки с тобой жжет меня по ночам мое горе...» Перевод *Т. Боровковой* 76
«Сребристая. твой лик обрел столь животворные уста...» Перевод *Т. Боровковой* 77
«Пусть розы ее, о боже, пыли тоски не знают...» Перевод *В. Тихомирова* 78
«Где пери — кипарис? Умру я с ней в разлуке...» Перевод *Е. Аксельрод* 79
«Один лишь путь остался мне, безумному влюбленному...» Перевод *В. Тихомирова* 80
«Отчаивался ль кто, как я, из-за своей красавицы?..» Перевод *Т. Боровковой* 81
«Каждый видит от любимой ласку и радушие...» Перевод *Т. Боровковой* 82
«Спалив мое тело, пепел в поле пустом развей!..» Перевод *В. Тихомирова* 83
«В сердце язвы, в сердце искры, что багряны от любви...» Перевод *Е. Аксельрод* 84
«Не говори, что я — Фархад, блуждающий в горах лесистых...» Перевод *Т. Боровковой* 85
«В разлуке с пери перестану ли рыдать когда-нибудь?..» Перевод *Т. Боровковой* 86
«Пылает горем, тоской разлуки душа в ночи...» Перевод *В. Тихомирова* 87
«В ночь печали обгорели свечи глаз моих с тоски...» *Перевод Е. Аксельрод* 88
«Из моих кровавых слез хну для милой сделаю...» Перевод *В. Тихомирова* 89
«За верность гнетом нас судьба вознаграждает часто...» Перевод *Т. Боровковой* 90

«Это роза гулистана или ты, моя любовь?..» Перевод *В. Тихомирова* 91
«Разверзлись хляби глаз, и вот, как из небесных сит,— вода!..» Перевод *В. Тихомирова* 92
«Сказать ли о своей печали иль о беспечности людей?..» Перевод *Т. Боровковой* 93
«Как солнце за полог небесный скрывается каждую ночь...» Перевод *Т. Боровковой* 94
«Меня навек забыть вино наставники зовут...» Перевод *Т. Боровковой* 95
«Пал огонь на сердце, негасимым стал...» Перевод *Е. Аксельрод* 96
«Разлуки бы не знал с моей луною вечно...» Перевод *Е. Аксельрод* 97
«Это сердце в груди, о тебе вспоминая, лежит...» Перевод *В. Тихомирова* 98
«Если кровью изойду — этому виною ты...» Перевод *В. Тихомирова* 99
«В разлуке сердце — как в огне на вертеле желания...» Перевод *В. Тихомирова* 100
«Не хочу венца иного — твоего коня подкова...» Перевод *В. Тихомирова* 101
«Два собеседника в саду и третий — кубок винный...» Перевод *В. Тихомирова* 102
«Ах, только о твоем сокровище горюя...» Перевод *В. Тихомирова* 103
«Долго ли, себя казня, должен я о камни биться...» Перевод *В. Тихомирова* 104
«Она ушла? Ей не уйти! — влюбленный нищим станет...» Перевод *В. Тихомирова* 105

Редкости юности

«Как меня б ты не терзала — буду молча я терпеть...» Перевод *Н. Ушакова* 106
«Я буду очень удивлен, что соблюдает верность...» Перевод *Н. Панова* 107
«Лик твой в бисеринках пота обретает новый свет...» Перевод *П. Железнова* 108
«Наступили дни разлуки, угрожает смертью рок...» Перевод *П. Железнова* 109
«Есть где-то пери, говорят, она красивей всех...» Перевод *Е. Аксельрод* 110
«Оттого, когда я в горе, ты не раскрываешь рта...» Перевод *А. Кронгауза* 111
«Помню — я писал в унынье, как темна разлуки мгла...» Перевод *П. Железнова* 112
«Весной страшна разлука. О кравчий, выпить надо...» Перевод *Г. Ярославцева* 113
«Волосы ты распустила — ночь сгустилась в волосах...» Перевод *А. Кронгауза* 114

«О китайская турчанка — удлиненные глаза...» Перевод *А. Кронгауза* 115
«Если друг душист и розы распускаются весной...» Перевод *Вс. Рождественского* 116
«Не придет она — из тела мое сердце выйдет...» Перевод *А. Кронгауза* 117
«Опьяненную встречая, сам хмелею без вина...» Перевод *А. Кронгауза* 118
«Самый рай — с тобой в разлуке — превращается в тюрьму...» Перевод *А. Голембы* 119
«Сердце тщится задержать в пути очи, разлученные с тобой...» Перевод *А. Голембы* 120
«Зерна слез моих наземь летят с высоты...» Перевод *А. Голембы* 122
«Я в печали о ней; свежих язв не заметил вначале...» Перевод *А. Голембы* 123
«Лишь, кокетливый кипарис, ты с улыбкой явишься нам...» Перевод *А. Голембы* 124
«Птица принесла твое письмо: пламень в сердце вскинулся, высок...» Перевод *А. Голембы* 125
«В этом мире твой взгляд прикован к услаждающей шумный пир...» Перевод *А. Голембы* 126
«Я, жестокосердой уязвлен, плачу — о самом себе — в печали...» Перевод *А. Голембы* 127
«Рой стрел твоих огнем мне грудь карежит...» Перевод *А. Голембы* 129
«Без страха и состраданья губит меня разлука...» Перевод *А. Сендыка* 130
«Не рана это совсем, где гибелью сталь прошла...» Перевод *Вс. Рождественского* 131
«Когда аллах тебя, луна, сердец желаньем сделал...» Перевод *С. Сомовой* 132
«Все, чем обладал я прежде, в миг один беда сожгла...» Перевод *А. Кронгауза* 133
«Глаза и сердце, потоп из вздохов и слез сделайте...» Перевод *А. Сендыка* 134
«Под отступницей этой скакун лицемерья, взгляни...» Перевод *А. Сендыка* 135
«У любимой на пиру, милый музыкант, играй...» Перевод *Н. Ушакова* 136
«Что Лейли с Меджнуном рядом, нет тут странного, друзья...» Перевод *Н. Ушакова* 137
«Над садом твоим покружив, умчал я, как злобный ветер...» Перевод *А. Сендыка* 138
«Чтоб всех покорить, красоту твою взять должна роза...» Перевод *А. Сендыка* 139
«Мне без тебя пышность весны, и сад, и цветы в тягость...» Перевод *А. Сендыка* 140
«Стрелы милой пролетели в грудь мне, обнаружив путь...» Перевод *Н. Ушакова* 141

«Не дивись, что влечет меня к небытию, о сердце...» Перевод *А. Сендыка* 142
«Мир сгорел бы, если б в разлуке я рыдать над судьбой начал...» Перевод *А. Сендыка* 143
«Ты, чей стан моим самшитом некогда нарек я сам...» Перевод *Е. Аксельрод* 144
«Вновь разлука обожгла, вновь тоской теснится сердце...» Перевод *Е. Аксельрод* 145
«Двух зубов мне не хватает, но какая это щель...» Перевод *Н. Ушакова* 146
«Чтоб свежей ты травой была в саду моем, хочу я...» Перевод *Е. Аксельрод* 147
«Опять я скорблю — так хорош мой кумир...» Перевод *Е. Аксельрод* 148
«Ты высмеяла страсть, и стал позор мой явным...» Перевод *Е. Аксельрод* 149
«Оставь скорей случайный кров. Пускай душа больная...» Перевод *Е. Аксельрод* 150
«Кипарис высок и строен, но изящнее твой стан...» Перевод *Е. Аксельрод* 151
«Враг терзает каждый час, каждый миг терзает друг...» Перевод *Н. Ушакова* 152
«Огнем объяты небеса, тот факел — не зарница...» Перевод *Е. Аксельрод* 153
«Пусть из праха моего, тот, кто любит, слепит печь...» Перевод *Н. Ушакова* 154
«К другому у луны влеченье — что же делать?..» Перевод *Е. Аксельрод* 155
«Украшенье золотое над изгибами бровей...» Перевод *Вс. Рождественского* 156
«Я влюбился — мне страданья бесконечные грозят...» Перевод *Н. Ушакова* 157
«Ты лицо свое закрыла — и печальным стал мой взгляд...» Перевод *Вс. Рождественского* 158
«Скажу ль, что уст твоих щебет мне как родник воды живой...» Перевод *Вс. Рождественского* 159
«Недруги меня чернят. Кто подскажет, как мне быть?...» Перевод *Н. Ушакова* 160
«В ее лице вина румянец иль в зеркале виденье сна...» Перевод *Вс. Рождественского* 161
«В мечтах увидя шелк ресниц, я из-за них страдать готов...» Перевод *Вс. Рождественского* 162
«Когда любовь к тебе — погода, то дождик с ней приносит град...» Перевод *Вс. Рождественского* 163
«Здесь, в ларце твоей любимой, скрыта мыслей глубина...» *Вс. Рождественского* 165
«Не в камфарной ли одежде этот кипарис прямой...» Перевод *Вс. Рождественского* 166
«На мускус родинка похожа — как будто предо мной — индус...» Перевод *Вс. Рождественского* 167

«Твой стан — как кипарис в долинах рая...» Перевод *Н. Ушакова* 168
«Как, в нее влюбленный, буду я владеть своим умом...» Перевод *Вс. Рождественского* 169
«Боже, прятать лик любимой, той, к кому стремлюсь душою — не желай...» Перевод *Вс. Рождественского* . . . 170
«Из сердца вынута стрела со вздохом горестным моим...» Перевод *Вс. Рождественского* 171
«Если б был я быстрым ветром, я б своей любви достиг...» Перевод *Н. Ушакова* 172
«Ветерок, скажи любимой о терпящем столько бед...» Перевод *Вс. Рождественского* 173
«Во сне глаза из-за любви слез затянула пелена...» Перевод *Вс. Рождественского* 174
«Я хочу, чтоб был счастливым и богатым мой народ... Перевод *Н. Ушакова* 175
«Дав обещанье быть моею, надеждой тела не сжигай...» Перевод *Вс. Рождественского* 176
«От разлучения с тобой беда на голову мою...» Перевод *Вс. Рождественского* 177
«Если буду я повержен гнетом горя и скорбей...» Перевод *Вс. Рождественского* 178
«Камни милая бросает.— Что с моею головой?...» Перевод *Н. Ушакова* 179
«Об устах ее мечтая, сердце все кровавым стало — то ее вина...» Перевод *Вс. Рождественского* 180
«Вероотступницею вера во мне неверьем сметена...» Перевод *Вс. Рождественского* 181
«На лице горит созвездье у красавицы моей...» Перевод *Вс. Рождественского* 182
«От обилья слез кровавых помутневшим глаз мой стал...» Перевод *Вс. Рождественского* 183
«Лишь тот, кто о любви мечтает, мечту души моей поймет...» Перевод *Вс. Рождественского* 184
«Я в неверную влюблен. Кто страдает так, как я?..» Перевод *Н. Ушакова* 185
«Уж как ее я ни молю, она надменна и горда — что делать мне?..» Перевод *Вс. Рождественского* 186
«Зачем, о солнце, словно тень тобою я гоним?..» Перевод *Вс. Рождественского* 187
«Знавал я дни, когда ты мне возлюбленной была...» Перевод *Вс. Рождественского* 188
«Я травинкою сухою вспыхиваю от обид...» Перевод *Н. Ушакова* 189
«Сердце, полное печали, взял красавиц легкий строй...» Перевод *Вс. Рождественского* 190
«Как, потеряв, найти вновь друга, увы, не знает человек...» Перевод *Вс. Рождественского* 191
«Давно мне сердце небеса грозят сразить мечом своим...» Перевод *Вс. Рождественского* 192

«О сердце, пусть нас не лишит надежды девушка-луна...» Перевод *Вс. Рождественского* 193
«Я хотел, чтобы подруга в сердце радость мне несла...» Перевод *Вс. Рождественского* 194
«Небосвода грудь сияет солнцем, звездами, луной...» Перевод *А. Кронгауза* 195

Диковины среднего возраста

«Хоть и вверг меня в рабство рубин этих уст...» Перевод *А. Наумова* 196
«Увы! Из-за губ твоих кровь поминутно глотаю...» Перевод *А. Наумова* 198
«Моя любовь — убить меня предлогом служит для тебя...» Перевод *А. Иванова* 199
«Как разрушила сердце разлука, разорила надежды жилища...» Перевод *А. Наумова* 200
«Нет друга здесь, признай, о лживый свет!..» Перевод *А. Наумова* 201
«От страдания в разлуке лик иссохший мой — айва...» Перевод *Вс. Рождественского* 202
«До срока розы в лепестках твоим стараньем появились...» Перевод *А. Иванова* 203
«Да! Губ рубиновых вино служило сердца разграбленью...» Перевод *А. Наумова* 204
«К лепесткам твоих щек, потрясенный, обрушится ветер...» Перевод *А. Наумова* 205
«С прикосновением губ твоих душа бессильна и больна...» Перевод *Вс. Рождественского* 206
«Ах, какая беда! Ты, пришпорив, погнала коня...» Перевод *А. Наумова* 207
«Хранил ей в муках верность я, хотя без меры зла мне сделала...» Перевод *А. Наумова* 208
«Твой убийственный взгляд, что сражает людей наповал...» Перевод *А. Наумова* 210
«О той, кто ранит сердце мне, чем память будет больше...» Перевод *А. Иванова* 211
«Когда наносит мне твое кокетство сотню ран...» Перевод *А. Иванова* 212
«Любовь к тебе — это пламя, разлука с тобой — огонь...» Перевод *Вс. Рождественского* 213
«Влюбиться в тебя не диво, обидам напрасным я друг...» Перевод *Вс. Рождественского* 214
«Просветли мой взор безумный пылью с этого порога...» Перевод *А. Наумова* 215
«Весною розы — радость нежных глаз; зато душа — в шипах ежеминутно...» Перевод *А. Наумова* 216
«Вдохнул в меня живую жизнь твой с пальмой схожий стан...» Перевод *А. Иванова* 218

«Моим безумствам всем лишь эта страсть причиной...» Перевод *А. Наумова* 219
«Коль обещает близость мне ее живая речь...» Перевод *А. Иванова* 220
«Рубину губ, убийце моему, моей души отторженной не нужно...» Перевод *А. Наумова* 221
«О, чашей стань хоть солнца круг — что сок сладчайший в чаше...» Перевод *А. Наумова* 223
«Хотя для сладких уст вино — полыни горше...» Перевод *А. Наумова* 225
«Безумным сделала меня от страсти к ней шалунья...» Перевод *А. Иванова* 226
«На близость с милою моей нет никакой надежды...» Перевод *А. Иванова* 227
«Все синим сделалось лицо вновь от пощечин боли...» Перевод *А. Иванова* 228
«Коль с кипарисом стан сравню и буду я доволен...» Перевод *А. Иванова* 229
«Когда любовь свела тебя на нет, от благочестья жалкого — что пользы? Перевод *А. Наумова* 230
«Пусть бездомного скитальца и не вспомнит девы взгляд...» Перевод *Вс. Рождественского* 232
«Кругом враги, теперь найти мне друга нет надежды...» Перевод *А. Иванова* 233
«Пустился я в степь разлуки, безумный, как смерч крутой...» Перевод *Вс. Рождественского* 234
«Любому, кому такая небом луна дана...» Перевод *А. Наумова* 235
«Тревожным мрак, тоскливым мрак бывает в ночь разлуки...» Перевод *А. Иванова* 236
«Из груди отверстой выйдя, страсть мой разум подожгла...» Перевод *А. Наумова* 237
«Кипарис розоволикий, гордо в сад выходишь ты...» Перевод *П. Железнова* 238
«Что о муках знают шахи, чей парчой горит наряд?..» Перевод *Вс. Рождественского* 239
«Мне снилась гурия в раю, и тень, и сладостный Кавсар...» Перевод *А. Наумова* 240
«О рассвет после разлуки! Эту грудь разбило небо...» Перевод *А. Наумова* 241
«Сгорать от меня учился, в огонь летя, мотылек...» Перевод *Вс. Рождественского* 242
«Мне в час, когда блеснет звезда, на ум луна приходит...» Перевод *А. Наумова* 243
«Мне суждены скитания и знанье...» Перевод *А. Наумова* . 244
«Коль возлюбленная пери у бродяги где-то есть...» Перевод *П. Железнова* 245
«Пусть соты душ не дарят мед, а сладость губ любимых — что это?..» Перевод *А. Наумова* 246
«О соперники! Вам чаша вожделенья и желанья...» Перевод *А. Голембы* 247

«Мою ты душу умерщвляешь. Сама же мне — души дороже...» Перевод *А. Голембы* 248
«Если б нежной с ней не плел я канители никогда...» Перевод *А. Голембы* 249
«Я вас познал, любовь и страсть — что за беда мне с вами...» Перевод *А. Голембы* 250
«Зачем, друзья, мою любовь вы называете грехом?..» Перевод *Вс. Рождественского* 251
«Грудь мою раскромсав, обнажите вы сердце мое...» Перевод *А. Голембы* 252
«Друзьям, наперсникам случайным своих не поверяйте тайн...» Перевод *А. Голембы* 253
«Вы, красавицы, несчастным, право, окажите милость...» Перевод *А. Голембы* 254
«Певец, узнав мою тоску, спой мне о ней в печальный час...» Перевод *Вс. Рождественского* 255
«Тот, кто несчастен с юных лет,— сгибает стан...» Перевод *А. Голембы* 256
«Знайте, что все розы мира — колкости шипов не стоят...» Перевод *А. Голембы* 257
«Красотой твоей, как солнцем, свято дорожит народ...» Перевод *Ю. Нейман* 258
«Нет мига, чтобы разлука с ней меня не язвила совсем...» Перевод *А. Голембы* 259
«От друга я не жду услад: коль ты мне друг — довольно, право...» Перевод *А. Голембы* 261
«В яви — от собственных взоров пьяна эта луна...» Перевод *Г. Ярославцева* 262
«Твой образ в сердце, подобном ране, изображен...» Перевод *Г. Ярославцева* 263
«Печальному, весь век тебя любить — лишь мне пристало...» Перевод *Г. Ярославцева* 264
«Только солнце помянув, лик твой описать возможно...» Перевод Г. Ярославцева 265
«И мертвый бы воскреснуть мог от тех бесценных слов...» Перевод *Г. Ярославцева* 266
«Меджнунам пылким каждый миг даря забвение иное...» Перевод *Г. Ярославцева* 267
«Позором жалости твоей смущаюсь каждый день я...» Перевод *Г. Ярославцева* 268
«Как разбитому сердцу разлука — мученье и страх...» Перевод *Г. Ярославцева* 269
«Если язвы на теле моем проступают то тут, то там...» Перевод *Г. Ярославцева* 270
«Друзей, что нас утешат в горе, зря не ищите, нет...» Перевод *Г. Ярославцева* 271
«Полно все высших совершенств в тебе, о дева-красота...» Перевод *Вс. Рождественского* 272
«В ту ночь моей печали вздох весь мир бы мог свести на нет...» Перевод *Вс. Рождественского* 273

«Скажу ль, что губ твоих рубин — души привета слаще?..»
Перевод *Г. Ярославцева* 274
«Я влюблен. Пощадите — терниста влюбленных стезя...» Перевод *Ю. Нейман* 275
«В разлуке горестной с тобой стал беспросветным мир до дна...»
Перевод *Вс. Рождественского* 276
«Пока не выпил ты вина, ты не позорил нас ни в чем...»
Перевод *Вс. Рождественского* 277
«Разве жизнь мою любовью не испепелила ты...» Перевод *Ю. Нейман* 278
«Если б скорбь ты исцелила, мир в сиянье превратив...» Перевод *Ю. Нейман* 279
«Ночь разлуки, день свиданья — тьма, смененная зарей...»
Перевод *Вс. Рождественского* 280
«О сердце, я отверг любовь, и ты теперь молчи о ней...»
Перевод *Вс. Рождественского* 281
«Месяц длится час разлуки. Долгим дням теряя счет...» Перевод *Т. Стрешневой* 282
«О жестокая, до пепла тело ты мое сожгла..» Перевод *Вс. Рождественского* 283
«На истерзанное сердце брось, о пери, нежный взгляд...» Перевод *Т. Стрешневой* 284
«Тебя увидя в цветнике, смутясь, затрепетала роза...» Перевод *Т. Стрешневой* 285
«Охвачен горем, что ни миг кровавой плачу я слезой...» Перевод *Вс. Рождественского* 286
«Настолько жажду я тебя, что льет разлука кровь ручьем...»
Перевод *Вс. Рождественского* 287
«В разлуке телом я ослаб, сгораю сам не свой...» Перевод *Т. Стрешневой* 288
«Пери, сжалься надо мною, я страданием объят...» Перевод *Т. Стрешневой* 289
«Письмо написав любимой, ответа на то посланье я не нашел...»
Перевод *Вс. Рождественского* 290
«Ночь темная в разлуке с ней как будто длится целый год...»
Перевод *Вс. Рождественского* 291
«Пусть измученный скиталец степь томлений не увидит...» Перевод *Т. Стрешневой* 292
«Цветком, что счастье нам несет, ты гонишь красоты коня...»
Перевод *Вс. Рождественского* 293
«Где же та, в которой взор мой красоту миров найдет?..» Перевод *Вс. Рождественского* 294
«Нет, не от слез кровавых одежда моя красней...» Перевод *Вс. Рождественского* 295
«Связь с городами я порвал, от шума их я отказался...» Перевод *Т. Стрешневой* 296
«Я тыщу раз горел огнем из тысячи один...» Перевод *Т. Стрешневой* 297
«Как чистый мускус, у тебя есть родинка среди бровей...»
Перевод *Вс. Рождественского* 298

«О розе нежной и живой я и мечтать не смел...» Перевод *Т. Стрешневой* 299
«Цветы качнул ли ветерок или в цветник ты мой пришла...» Перевод *Вс. Рождественского* 300
«В разлуке с родинкой ее — всего безмерней мой недуг...» Перевод *А. Голембы* 301
«О недуг, разлучи ее с немощным телом моим...» Перевод *А. Голембы* 302
«О сердце, для меня все в мире люди — бремя...» Перевод *А. Голембы* 303
«Луна в носилках, о постой, постой...» Перевод *А. Голембы* 304
«О душа, из стрел разлуки всюду крылья распусти...» Перевод *А. Голембы* 305
«Не от безумия это совсем, если в горах мой покой...» Перевод *А. Голембы* 306
«В разлуке с тобою горит мое бренное тело...» Перевод *А. Голембы* 307
«Хранил я верность, но взамен лишь сотню бед я получил...» Перевод *А. Голембы* 308
«Зеркало становится водою от лица, что темень гонит прочь...» Перевод *А. Голембы* 309
«Правоверные, слышите вы себялюбца стенанья?..» Перевод *А. Голембы* 310
«То не пушок твой, то в зарослях роз зелень сада Ирам...» Перевод *А. Голембы* 311
«Цвет прядей твоих — это амбра или мускус Китая...» Перевод *А. Голембы* 312
«Ах, долго ли еще стоять, в душе мечту мешая с былью?..» Перевод *А. Голембы* 313
«Тело стало землею черной, только вздохов огонь не угас...» Перевод *А. Голембы* 314
«Неблагосклонная моя несправедливой быть решила...» Перевод *А. Голембы* 315
«Не говори: «Лицо ее — хутанский вешний сад».» Перевод *Т. Стрешневой* 316
«Не удивляйся, если я на прочих не похож...» Перевод *Т. Стрешневой* 317
«Идя к ней, я лишь камня ждал, чтоб он мне голову пробил...» Перевод *Вс. Рождественского* 318
«Если встречи долгожданной человек, волнуясь, ждет...» Перевод *Т. Стрешневой* 319
«С кипарисом тонкостанным я не пил вина вдвоем...» Перевод *Т. Стрешневой* 320
«Я в безумца-каландара жаркой страстью превращен...» Перевод *П. Железнова* 321
«Я обнимал свой кипарис и розу нюхал я во сне...» Перевод *Вс. Рождественского* 322
«Горе мне! Огонь разлуки налетел и тело сжег...» Перевод *П. Железнова* 323

«Я уверен — поздно ль, рано ль, можешь ты меня убить...» Перевод *П. Железнова* 324
«Трудно чувством твоим слабым мою душу возродить...» Перевод *П. Железнова* 325
«Если хочет поцелуя избежать твоя рука...» Перевод *П. Железнова* 326
«Дождусь ли светлого я дня, когда ко мне она придет... Перевод *Вс. Рождественского* 327
«Все чудесно осветилось, будто Хорасана край...» Перевод *П. Железнова* 328
«Лик твой в родинках искусных, локоны твои — силок... Перевод *П. Железнова* 329

Полезные советы старости

«Я желтухой болен, кравчий. Весь — в осеннем цвете яром...» Перевод *С. Шервинского* 330
«Пусть сто тысяч звезд-жемчужин сыплет с высей небосвод...» Перевод *С. Шервинского* 332
«Бродят восемнадцать тысяч в голове ее планет...» Перевод *П. Железнова* 333
«Если сердце вспыхнет гневом — вся Вселенная сгорит...» Перевод *П. Железнова* 334
«Мотылек ночной учился у меня сгорать до тла...» Перевод *П. Железнова* 335
«На моей любимой платье из горящих лепестков...» Перевод *П. Железнова* 336
«Сыны счастливых нег любви, вы б горький рок мой пожалели!..» Перевод *С. Иванова* 337
«Нам в мире от людей — лишь зло, нет и следа — иного...» Перевод *А. Иванова* 338
«Ее краса — диван стихов, в нем брови в первый стих слились...» Перевод *С. Иванова* 339
«От страсти сердце все разбитым стало...» Перевод *С. Иванова* 340
«Когда сверкнула в тьме ночной красой ее чела свеча...» Перевод *С. Иванова* 341
«В печальном сердце от любви такая тяжесть мук...» Перевод *С. Иванова* 342
«Кто возносил от мук измен такой же горький стон, как я?..» Перевод *С. Иванова* 343
«Меня повергла в ночь невзгод разлука...» Перевод *С. Иванова* 344
«Что жизнь мне? — Речь твоя, живое слово — лучше...» Перевод *С. Иванова* 345
«Она к чужим с любовью льнет, а к нам, конечно, нет!..» Перевод *С. Иванова* 346
«Улыбки всем расточая, мне ты не улыбнулась...» Перевод *А. Сендыка* 347
«Ее коварство и краса — ведь им предела нет!..» Перевод *С. Иванова* 348

«Гнетешь ли, верность ли сулишь — равно красна ты мне...» Перевод *С. Иванова* 349
«Друзья, мой стройный кипарис вы среди роз в саду спросили б...» Перевод *С. Иванова* 350
«Ты волосок моих ресниц для вышивки иглою сделай...» Перевод *С. Иванова* 351
«Когда б художник облик твой правдиво воссоздать бы смог...» Перевод *С. Иванова* 352
«Ах, от печали умер я,— жестокая моя, приди!..» Перевод *С. Иванова* 353
«Украшен яркий халат красным, желтым, зеленым...» Перевод *С. Иванова* 354
«Когда я сердцем и душой изведал от людей печаль...» Перевод *С. Иванова* 355
«Я в юности старшим служил, в послугах сгибаясь спиной...» Перевод *С. Иванова* 356
«Не диво, если кровью слез людское зло грозит всегда...» Перевод *С. Иванова* 357
«Я бью себя камнями в грудь в смертельном гнете каждый миг...» Перевод *С. Иванова* 358
«Я странником пустился в путь, чтоб жар любви во мне иссяк...» Перевод *С. Иванова* 359
«Адским пламенем разлуки мне сжигает тело...» Перевод *С. Иванова* 360
«Когда в любимой нет любви, она корит хотя бы...» Перевод *С. Иванова* 361
«Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму...» Перевод *С. Иванова* 362
«Я твой платок держал в руке и слез сдержать не мог тогда...» Перевод *С. Иванова* 363
«Твердят любимой обо мне то ль правду, то ли ложь теперь...» Перевод *С. Иванова* 364
«Зачем луна моя от клятв, от дружбы отреклась, не знал я...» Перевод *С. Иванова* 365
«Когда тюльпаны зацветут на брошенной моей могиле...» Перевод *С. Иванова* 366
«Поверь, никто не претерпел такой напасти злой, как я!..» Перевод *С. Иванова* 367
«От неверной сто горьких бед довелося увидеть мне...» Перевод *С. Иванова* 368
«Злее, чем измены мрак, темнота бывает разве?...» Перевод *С. Иванова* 369
«Кипарис розоволикий, ты сказала — ты придешь!..» Перевод *П. Железнова* 370

Тарджибанд

Перевод *Т. Спендиаровой*

«О кравчий, утром принеси, прошу, того вина...» 371
«О чаше радостную весть ты принеси мне в срок...» 372

«Глоток осадка в черепке — вина ничтожный след...» . . . 373
«Хотел бы в этом мире я иметь красивый дом...» 374
«В ту пору постоянно был я грустен и влюблен...» 374
«Где схожий с розою лицом прекрасный кравчий мой...» . . 375
«В угаре винном сам не свой я постоянно был...» 376
«Опять из гордости тяну осадок терпкий тот...» 377
«Стал вновь любимый пить вино. Снести мне это как...» . . 378
«Как не признать мне, что вино — мой самый верный друг...» 379

Сакинамэ

«Послания кравчему». Перевод *Вс. Рождественского* 380

Фарды

«Все отдать, себя лишая,— это щедрость свыше мер...» Перевод *Вс. Рождественского* 417

Рубаи

Перевод *Т. Боровковой*

«О нравоучитель! Странно ль, что за лунный серп бокала...» 419
«Если, грех совершив, человек будет каяться...» 419
«Что за лицо! — На нем румяна — грязной пыли слой...» . . 420
«Я получил твое душевное послание вновь...» 420
Словарь 421
Послесловие 426

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений в 10 томах

СОКРОВИЩНИЦА МЫСЛЕЙ

II

Редактор Издательства Л. И. Ионова
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор И. С. Слепышева

Сдано в набор 11/IV-1969 г. Подписано к печати 14/VIII-1969 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$=7,0 бум. л. 23,52 +1 вкл. печ. л. 28
Уч.-изд. л. 10,7. Изд. № 765. Тираж 50000. Цена 1 р. 04. к. Заказ № 3756

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28.

Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

447

Almanach Hatvan

II